

1184

ЛУЖИ

ИЮНЬ
2003

«Подарок» Югры
Валерий Белобородов.
Просто мастодонт

Стас Белов мнил
с молодой матерью
«Не протиснем слезам
для красавиц»

Евгения Гоша помог Симе
изменить науку

Лиля Гинзбургская: «Я ль
на свете всех милее, всех
красивей и умнее?»

Декабристка Горбачева
любит, но декабристкой
ярд ли будет

Мама (сестра) Марина
Достоевской проливает свои
груднички после выезда
поверит она — мажоранский
человек крутой

Павел Барбо вырвал
из плена Буракову,
а Дюба-младший ищел
из пазла форму для
истинного и фальшивого
«Удальца»

Рукописи XVII века
не горят. Они валяются
у Ефремова под кроватью

Григорий Тышовка
вотемок графов Толстых
Сергей Кубочкин

Кухтеринским уродцам
в наследство достался лишь нос
сына антверпенского грузчика

Объект дежуритрис:
истинный Лужик,
подлинный Лужик и,
наконец, фальшивый

От жужки Козыряна до
дедушки «де кадо» можно
встретить у Кости в стенах

В М Е С Т Е
Л Е Т
5

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--	--

107
178

26.89/2Рос-4Тюм
184

ЛУКИ

ИЮЛЬ
2003

Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 3 раза в год.

Учредитель

Ю. Мандрика

№1 **(25)**

Издатель

ООО «Издательство
Юрия Мандрики»

Главный редактор

Ю. Мандрика

Адрес редакции

(для переписки):

625003, г. Тюмень, а/я 501.

Тел. (345-2) 25-12-84

e-mail: mandrika@tmn.ru

http://www.tmn.ru/~mandrika

Муниципальное учреждение
культуры
Централизованная библиотечная
система г.Тюмени
Ул.Луначарского, 51

Сдано в набор 30.11.2002.

Подписано в печать 5.05.2003.

Формат 60x84/16.

Гарнитура «TimesET».

Офсетная печать.

Бумага офсетная №1.

Усл.-печ. 13,02+1,86 ил.

Тираж 300. Заказ №0588.

65600

Корректор М. Дистанова
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Оглавление

РЕСТИТУЦИЯ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

М. Знаменский. Письма 3, 191

ИЗ БЛОКНОТА КРАЕВЕДА

В. Чупин. Тюмень, которой не будет. А могла бы 9

В. Темплинг. «Военная тайна» краеведения 19

С. Белов. Тюменское общество научного изучения
местного края в 1920-е годы 35

Е. Швецова. «Гражданин благородной души»:
О художнике М.С. Знаменском 74

Н. Рогачева. Запах — душа Тюмени 119

Ю. Переплеткин. Кружева памяти 130

ИЗ АРХИВА

Материалы к биографии П.А. Городцова 25

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

В. Курмачев. Взгляд на купола Тюмени из окна директора
Тюменского госархива 56

НАШ ВЕРНИСАЖ

Ю. Мандрика. Кухтерин, который сделал себя сам 192

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

Байкалов. Поездка самодура в столицу:
Быль из сибирской жизни 84

П. Буцинский. Предприимчивость русского человека 171

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

С. Кубочкин. «Полезнейшее для города учреждение»:
Из истории Тюменской женской гимназии 59

СООБЩЕНИЯ

И. Корнилаева. Историк земли Сибирской:
К 150-летию П.Н. Буцинского 164

М. Волкова. О Вацлаве Хилькевиче 185

С. Белов, Ю. Соловьева. Волостной писарь Киреев:
судьба и мировоззрение (По материалам Книги сделок и
договоров Червишевского волостного правления) 193

М. Яблоков. Как издавалась книга о классической гитаре 211

М. Дистанова. Переводил ли Знаменский О. Финша
и А. Брэма? 215

TRIVIA

Эхо «Окрика...» 222

Михаил Степанович Знаменский /14 (26).5.1833, г. Курган Тобольской губ. — 3(15).3.1892, г. Тобольск/, художник, мемуарист, краевед. Наиболее полно представлено творчество М. Знаменского в книге «Исторические окрестности города Тобольска», вышедшей в свет в тюменском издательстве «СофтДизайн» в 1997 г.

В год 170-летия со дня рождения именитого тоболяка первый номер журнала, по уже сложившейся традиции, мы снова открываем неопубликованной рукописью М.С. Знаменского — несколькими письмами, хранящимися в Пушкинском Доме.

Письма*

* * *

Пол. 8 сент. с О. Ив. Свищовым.

Писал 11 сент. 1849 с причет. Гвоздицким посланы новые сапоги.

2-го числа в 9 часов вечера я приехал сюда, любезные мои тятинька и маминька! а 4-го пишу к вам и прошу вашего родительского Благословения.

Сегодня пред обеднею заходил к о. Ректору, снес ему свой рисунок Вл. I.К., он показывал мне рисунки других и говорил, что мой лучше: но еще не все представлены, и по получении всех рисунков от других рисующих они будут отправлены в С.П. Семинарию, и там уже выберут. Предполагают отправить

двух или трех. У них курс годом старше, и, если угодно будет Господу, и я буду отправлен, то поступлю в философию и буду проходить сначала.

Павел Сергеич спрашивал у меня, отправлено ли письмо Фон-ден Бригену? И чрез кого. Я сказал, что отправлено чрез Тимофея Корнильча. П.С. опасается, чтобы Т.К. не прочитал, потому что тут пишут о деле Фон-ден Бригена с исправником, и, прочитав, не передал сему последнему.

* См. об истории фонда М.С. Знаменского, хранящегося в Пушкинском Доме: Лукич. 2002. №2. С. 218. После нового (?) описания фонда указать его номер и т.д. пока не представляется возможным.— Прим. издателя.

реституция перемещенных ценностей

То же спрашивал и М. Алек. Я сказал, что оно было запечатано.

Кожевникову Преосвященный советует вместо браку вступить в монашество и едва ли разрешит.

Классы еще не начинались. Завтра будет молебенствие, а во вторник начнутся. Прогонов вышло 3 р. 50 копеек.

Прощайте, любезные мои. Поцелуйте за меня брата и сестрицу. Если будете писать академику, то скажите от меня поклон и чтобы он посидел у заставы и подождал меня, а то я проеду мимо, не зная его гнезда.

О.Р. говорит, что еще оттуда требование выйдет не скоро.

Прощайте, будьте счастливы и здоровы.

Сын ваш Михаил Знаменский. 1849 года. 4 с.

* * *

Пол. 14. окт. Втор., утро.
№ 31 21 сентября. Отв. 15 окт.
тяб. Среда. Утро

Тут приложен очерк комнаты, где занимаются живописью*.

Сегодня, как вчера, а завтра, как сегодня, — вот, любезные мои друзья тятинька и маменька, — жизнь, которую имеет честь вести в настоящее время ваш покорнейший слуга! Треть началась, а мы мало-помалу начали набивать свою голову

учебными материялами, чтобы в конце трети выложить их на стол пред отцами начальниками. По живописи кое-что уже готово; теперь я начал рисовать большой образ: — Даниил во рву львином; а в антрактах рисую портреты со сторожей, и, таким образом, большею частью занят, а потому спокоен и телом, и духом. Писем от брата не получал уже другой месяц, и сам не пишу — не зная, где он и что он, по-прежнему ли еще студентом рыщет сему и овам ни единому же гонящих, или уже в профессорской мантии. Если он у вас, большой ему поклон и пять дюжин желаний всего лучшего. При этом № вы видите изображение нашей живописной комнаты. Хотел вам передать так, как она в натуре, но поленился выделять все; представьте только себе эту комнату, засоренную донельзя и засушенную лаками, маслом, скипидаром и табаком, и вы можете иметь понятие о художественном беспорядке, царствующем в нашей комнате; на левой руке за шкафами — в каморке, нечто вроде буфета, тут наши богомазы, при благоприятных карманных обстоятельствах пьют чай, — каморка эта устроена по моему плану, и очень удобно: не сейчас заметят; — в другой комнате: русская печь и плита — там мы изощряемся в кух-

* Рисунок комнаты в Пушкинском Доме есть, но он хранится совсем не в письмах. К тому же заполучить его для печати не удалось. — *Прим. издателя.*

мистерстве, и в этом-то чаду, дыму и грязи рождаются наши гениальные произведения. В настоящее время в Питере осень со всеми своими атрибутами: с дождем, грязью и холодом; отчасти это, отчасти лень и мало времени заставляют меня сидеть дома, — впрочем, с нынешнего м-ца думаю выходить каждый праздник, потому что скоро откроется выставка в Академии художеств.

Бисеров здоров и вам кланяется; живописью он занимается очень мало; не любит как-то неблагодарного в отношении к нему ремесла.

Вот вам, любезные мои друзья, все, что хотел сказать в этом №. Более ничего не имеется, а поэтому и заключаю: благословите любящего вас сына М. Знаменского. Саше, Саре и всем знакомым поклон.

* * *

Благодарю вас, любезные друзья мои тятинька и маминька, за ваши письма. В последнем письме, маминька, пишете, что я, вероятно, изленился, но для меня отчасти каникулы кончились, с 7 августа начались в Приюте курсы. С полгода назад я писал вам, что посылаю для оценки свою работу в Петербург — картина эта возвратилась из Академии, требуют формулярный список, свидетельство почетных лиц города, что картину эту рисовал я без посто-

ронней помощи. Со всеми этими бумагами я снова должен отправить своего «Старика» (моя картина), и тогда, по заверению Ник. Ив. Уткина, мне дадут степень свободного художника — дай Бог.

В свободное время читаю и рисую. Если, тятинька, вы можете достать «Современник» за май месяц (его, кажется, выписывал Лещев), то найдете там разбор книг: «Мысли светского человека о книге «Сельское духовенство» и «Об исцелении петербургской купчихи чудотворною иконою». Исцеление это засвидетельствовано лучшими (русскими и двумя <...>) докторами. О первой же, т.е. о брошюре «Сельское дух.», здесь рассказывают, что Синод автора этой брошюры осудил на каторжную работу и что будто бы когда представили это решение на утверждение Государя, то он потребовал самую брошюру и по прочтении ее написал, что решение Синода утвердить не может, не находя ничего худого в книге; напротив, он считает автора достойным награды, и если угодно Синоду представить его к награде, то он утвердит это с удовольствием, — о брошюре этой есть подробная статья в «Русском вестнике» Погодина, при помощи которого она и была напечатана, впрочем, я ее еще не читал.

Архирей в Омске не будет. Губернатора еще нет. <...>

реставрация перемещенных ценностей

* * *

16 ноября.

Пол. 22 нояб. 1863 г.

Сегодня получил письмо из Омска с карточкой акмулинской барышни — большое спасибо за то и другое. А Саринной карточки я до сих пор не получил. В прошедшем письме ты, Саша, писала, что сегодня же посылаешь с отправляющимся Диаконом 2 карточки: Манину и Сарину. Но напрасно я отыскивал по городу такового Диакона, не отыскалось. Много их здесь, есть и такие, у которых карты есть, но не фотографические. За Манину карточку посылаю тебе, Саша, портрет брата, очень похожий, и образок — а если бы ты прислала батюшкину карточку — то бы я отплатил тебе за это десятком что ни на есть лучших. Неудивительно, что физиомордия моя вытянута; я перед этим все вытягивал ее, являясь в роли рекрута. Что же касается усов и борода, о которых спрашивает батюшка, то первые я подарил брату, которые здесь и прилагаются, — а вторую как редкую вещь носить часто не решаюсь. Благодарность вашу за сапоги передал, как до меня не касающуюся, по принадлежности.

С братом, которому все еще не удается выехать, я пошлю тебе, Саша, две дюжины альбомных рамок, а ты за это попроси у Гутиньки портреты М. Ив. и М. Кон. Не худо бы и всех их.

Косте спасибо за обещанный табак — буду ждать его. А теперь буду продолжать семинарскую хронику: назначение Поповым Христофорова сильно взволновало некоторых из здешних; как то Пушкина, Анучина и Зиновича — решавших прежде, что он не годится для гимназии — и подписавшихся под педагогическим решением — очевидно, что назначение это было для них порядочным носом — чтобы избавиться от него, Анучин приезжал к нам, чтобы мы уговорили Черемшанских и другую молодежь ехать с ним к Христофорову и просить его отказать от места под тем предлогом, что он, Христ., уважает более мнение общественное, чем Попова. Но потом, поразмыслив, вероятно, догадался, что это будет нечто вроде просьбы: сознайтесь, мол, что вы дурак, — и отложили эту депутацию (чудаки вообразили же почему-то, что они представители общества). После этого Зинович предложил Христофорову место у себя, но и это не удалось. Хр. преподает уже историю в гимназии. Но тут вышла другая история. Архирей ни его, ни Забаровского отпускать не хочет. Узнав об этом, Христ., так часто вышеупоминаемый, отправился к Варлааму с целью говорить крупно (здесь история делается легендой — чудесным чем-то). По крайней мере, сам запыхавшийся Хр. вбежал к Лисицину с воплем: «Необык-

новенное происшествие, невероятный случай. Сейчас от Архирея. Вообразите. Прихожу. «Здравствуйте, — говорит, — садитесь. Где вас не видно?».— Слышите, слышите? «Садитесь» и «Вас» — я так и присел. «Как ваше здоровье — вы что-то похудели», — и все в этом роде... «Вы, — говорит, — хотите семинарию оставить, неловко как-то свое-то оставлять. А сколько там жалованья будете получать?». — «700, — говорю, — это серебром». — «Серебром — ну это хорошо, за это можно трудиться, дай вам Бог». — Да, часа два мы с ним сидели и толковали, как следует толковать мужам ученым. Право, рассказать, так мало и поверят». Так заключил свое известие Хр.

Лисицин и не думает, да и не подумает никогда оставить семинарию — увольнения мне нет до сих пор. Поездку в Березов отложили до 20 декабря — потому что еще не прибыл Южаков, с которым мне предложено отправиться. Напишу еще о подвигах омских героев Титова и Врангеля. Недавно пришел в партии знаменитый польский оператор Дворжак. В бытность его в Таре, у одного чиновника упала в подполье маленькая дочь и головой на большую бутылку — отец бросился к тамошним медикам, но те отказались, приговорив ребенка к смерти, — тогда отец обратился к городничему Уткину с просьбой позволить

проходившему чрез Тару Дворжаку осмотреть ребенка — тот позволил. Дворжак сделал операцию — был на другой и на третий день у больной, и ребенок выздоровел. Тогда вышеупомянутые гуси Титов и Врангель донесли на Уткина генерал-губернатору, что он, Уткин, выпускал из острога политического преступника. Дюгамель сделал строгий выговор городничему и написал об этом Зиновичу. Сей же отвечал, что это дело касается только его как начальника губернии, и что он с этой же почтой посылает Уткину благодарность как человеку <готовому> из сочувствия к ближнему жертвовать своей карьерой. Но, кажется, этим дело не кончится, чуть ли Зинович не будет ходатайствовать для Уткина о благодарности у Государя — а равно и об облегчении участи Дворжака. Поступком же Титова здесь многие сильно взволнованы и хотят послать ему по почте диплом на подлеца за многочисленными подписями. Любопытно будет знать — представит ли он этот диплом генерал-губернатору или благодарзумно промолчит. Но я, однако, слишком расписался. Наши кланяются вам. Эрм. Ф. ждет Сарину карточку.

Крепко целую всех. М. Знаменский.

Калоши доставляемы уже мне Добродеевым.

* * *

28-го сентября 1866 г. пол. 9 октября с задерж.

Сейчас только получили от вас письмо, дорогой наш батюшко, и, чтобы не откладывать в долгий ящик, берусь за ответ. Вас, вероятно, немало удивил приезд к вам брата. Его командировка была неожиданна и для нас. — По возвращении из Обской губы я видел его только с четверть часа, и не знаем теперь, где он присутствует.

Моя поездка была отличная — добирались мы до самой почти губы, по крайней мере, были в безбрежном пространстве, где встретило нас стадо громадных дельфинов — полюбовались на них, на фонтаны воды, выбрасываемые чрез голову, часа два гонялись за ними на пароходе, и, несмотря на то, что они выпрыгивали из воды саженьях в двух от парохода, подстрелить их никому не удалось — после этой оригинальной охоты мы повернули обратно. Погода стояла во все время великолепная, наши термометрические наблюдения показали, что в Тоб. не было ни одного такого дня, какими пользовались мы — северный край старался угостить нас на славу, показал нам даже северное сияние, что в это время случается редко, Уральский хребет, со своими снеговыми вершинами, блестел

перед нами, как на тарелке. И я, запасшись здоровьем (что увидите по прилагаемой карточке для Сары, Саше вышло в следующем письме), запасся и большим числом рисунков, которые будут сниматься в фотографии для раздачи всем спутникам — когда будут готовы, вышло и вам. Кроме рисунков, привез модели остяцкой работы — берестенный чум, сани, лодку, невод и проч. Но главное, от миссионера удалось мне достать их идола — это высушенная щука, которую они считают одним из главных божеств, одетая в золотой галун. Так что теперь в моей комнате можно будет составить себе понятие и о самоедах и остяках, а с присылкой кибитки — и об киргизах. Удалось мне срисовать и древность — ветхое знамя Ермака, сохраняющееся в Березове. Зинович был так любезен, что выпросил его, и я, скопировав его самым тщательным образом, возвратил с исправником, провожавшим нас, его обратно в Березов.

Петр Павлович Ершов просил меня узнать у вас (это, я думаю, можно сделать через Ваню) о следующих вещах:

1. Какие предметы нужны для поступления в 1-й и 2-й классы военной гимназии?
2. По каким руководствам эти предметы преподаются и что именно в каждом (1 и 2) классе.

Валерий Александрович Чупин родился 30 июля 1962 г. в г. Ишиме. Закончил исторический факультет ТюмГУ, работал учителем в школе. Публиковался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», «Архитектурном наследстве». В настоящее время — старший научный сотрудник отдела фондов Тюменского областного краеведческого музея. Постоянный автор журнала «Лукич». Один из авторов «Фальшивого Лукича» (2003).

Тюмень, которой не будет. А могла бы...

1. Лирическое введение

«Суета сует, — всё суета. Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после». Это строки из Библии, из книги Екклесиаста.

Говорят, что память — это то, что отличает людей от других живых существ, то, что делает человека человеком. Способность и потребность помнить. Но ведь и забывать — такое же естественное свойство человека, забывать то, что неактуально, не нужно в данный момент, бесполезно. Освободить место для новых знаний, более важных, полезных... Таков естественный закон природы. Забывать — это нормально. Время лечит. Забвение — как

лекарство. Человек должен иметь право забывать, не помнить, не знать. С другой стороны, он должен иметь право узнать, если ему потребуется, если захочет. С этой целью человечество придумало институт историков. Они действуют вопреки закону природы, они ворошат забытое, ушедшее, бередят старые раны, заставляют вспомнить, извлекать уроки, пытаются учиться и учить на положительных примерах и на чужих ошибках. Только этим они и хороши. А что же история? А история (в смысле жизнь) как шла, так и идёт. И нет ничего нового под солнцем.

Пройдёт сто лет, и нас забудут, забудут наши имена и какие мы были, но страдания наши превратятся в радость. Мир и счастье наступят на земле и благословят добрым словом тех, кто живёт теперь¹. Наверное, на протяжении всей истории человечества находились люди, которые мечтали об этом. Но История всё делает по-своему. И человеку не дано знать, как будет.

Нет, пожалуй, занятия печальнее, чем читать завещание. И не только потому, что человека, писавшего его, одолевали отнюдь не весёлые мысли, но и потому ещё: а стал ли бы он писать, если бы знал, как исполнится его воля, что станет с его наследством. Я вот недавно прочитал завещание тюменского купца Сергея Григорьевича Гилёва. Всё своё имущество он завещал племянникам Константину и Семёну — наследникам рода. Он хотел, чтобы нажитое им богатство передавалось из века в век их потомкам, чтобы нельзя было его ни заложить, ни продать. Если же когда-нибудь не станет наследников и прекратится род их, то имущество Сергея Григорьевича завещал передать Троицкой единоверческой церкви, прихожанином которой он был.

Дом Сергея Григорьевича стоял на углу Семакова и Рес-

публики. Его давно уже нет. Ещё один дом находился в районе магазина «Океан». Мог ли думать С.Г. в 1895 году, что совсем скоро, ещё при жизни одного из своих наследников — племянников, а именно Семёна Петровича Гилёва, не станет не только домов, построенных им, но и самой единоверческой церкви. Он думал, что дело его рук, дело его жизни, дело его отца, деда, дяди, брата будет продолжаться и жить вечно... Но сегодня о всемирной славе гилёвских колоколов помнят только историки-краеведы. Никто в Тюмени не отливают колоколов на заводе Гилёвых.

2. Основной текст

27 июля 2002 года, в день рождения нашего города, я, пребывая в романтическом и благодушном расположении духа, с фотоаппаратом на шее прямо с утра начал прогулку по улицам старого города: Семакова, Володарского, Кирова, Хохрякова, Челюскинцев. И быстро пришёл в бешенство. От собственного бессилия против Лома и Бульдозера и от их силы и безмозглости. Почему быстро? Что ж такое можно увидеть? Увидел, как заканчивался расчищать строительную площадку на месте Александровского роддома, первого в Тюмени, построен-

¹ Я вовсе не собирался присваивать себе чеховскую мысль, просто не помню её дословно.

ного купцом Войновым в 1891 г. Сколько хороших (и не очень) людей родилось там за сто лет? Наискосок, на углу Хохрякова и Кирова, огораживали забором дом Давыдовских (теперь уж снесли), причём напротив него — по Кирова и Хохрякова стоят три 2-этажных барака, и их никто сносить не собирается. Все озабоченно спекулируют тем, как тяжело живётся людям в сгнивших памятниках, и никого не волнует, как трудно живётся в таких же, но не памятниках. Чуть дальше сносили архитектурный памятник на углу Челюскинцев и Володарского (работники трудились прямо в день рождения «нефтяной столицы» — это, видимо, такой подарок родному городу). Полуразобранными я застал дома на углу Дзержинского и Володарского и, что ужасно, — Семакова, 8/Володарского, 9 — по своей ценности памятник федерального уровня². Повторяю, это происходило в течение одного дня. А что раньше?

Около года назад снесли здание первой городской электростанции. Там, на ул. Ленина, рядом с синагогой, сейчас строится очередная индивидуально спроектированная многоэтажка. Несколько лет тому смели здание «Детского мира»,

а ещё дома на Луначарского, 18 и Республики, 20/Семакова, 18. На месте двух последних уже выросли... даже не копии, не муляжи, а псевдомуляжи, пародии. «Детскому миру», видать, и на это рассчитывать не приходится. Маятник «груши» (или как там называют это жутковатое приспособление для сноса) раскачивается всё круче. Очередь из новых жертв ещё достаточно длинная, но ждать, видимо, осталось недолго. Парни у нас хоть куда, работают шустро. Среди первоочередников — Ванцетти, 17 (улица практически перестаёт существовать), Кирова, 10, Тургенева, 9 и 12, Хохрякова, 9 и т.д. ...Не дай Бог!

Нет ничего вечного под солнцем. С этой истиной никто не спорит. Глупо. Старое уходит, новое приходит на смену, причём новое — не всегда лучше старого, просто новее. Одним словом, жизнь жительствоует. С неизбежным надо мириться. Можно, конечно, сожалеть, печалиться, оплакивать, горевать. Но — ничего не поделаешь. С неизбежным. Хотя ведь бывает нечто, чего избежать можно было. Просто не подумали, не захотели, вот и не смогли... Хотя если *хочем*, то можем. Примеров таких у нас в Тюмени мало — раз-два, но они есть, удачные случаи реставрации, казалось бы, обречённых объек-

² См.: Шайхтдинова Н.Х. Деревянная резьба Тюмени. Свердловск, 1984. С. 21, 26, 80–81, 83, 84, 85, 86–87, 88, 89, 100, 101, 148, 149, 155, 157.

тов³ и удачные прецеденты гармоничного сочетания нового с историческим.

О чём же я всё-таки горюю? Об утраченной гармонии. Я мечтаю о том, чтобы мы научились дорожить тем ценным, что имеем. Чтобы на месте утраченного возводилось то, что превосходит утрату, причём не этажами, а своими художественными достоинствами. Чтобы новое вписывалось в сложившуюся десятилетиями и даже веками среду, а не среда приспосабливалась к потребностям новеньких ангаров, гаражей, стоянок, офисов и учебных корпусов. Чтобы не торчали эти «новые тюменские» золотыми зубами, возвещая о себе всем: «я — крутой». Чтобы прогресс не ограничивался увеличением этажности и использованием новых стройматериалов. Чтобы нынешние зодчие самоутверждались и реализовывали свои «индивидуальные проекты» за пределами этого многострадального малюсенького клочка земли (всего-то процента 2–3 от общей территории города) — я имею в виду так называемый «исторический центр». Мечты идиота.

Архитектура (не в смысле утилитарном, разумеется, но и как искусство) появилась в Тюмени достаточно поздно, наверное, с постройкой первого каменного здания — Благовещен-

ской церкви, в начале XVIII века. Это было во всех смыслах здание необыкновенное. Ничего подобного в тюменской архитектуре за всё утекшее с тех пор время так и не возникло. Потом, в том же XVIII веке, Тюмень обогатилась ансамблем Троицкого монастыря с тремя храмами и ещё шестью барочными приходскими церквями. Светское каменное строительство началось в Тюмени только в самом конце XVIII — начале XIX вв. Деревянное зодчество стало у нас искусством только в середине — второй половине века девятнадцатого. Известный путешественник Дж. Кеннан, посетив Тюмень в 1885 г., заметил, что только белые церкви с зелёными главами сообщали городу оживлённость, а всё другое было тускло и неинтересно⁴. Эту фразу, разумеется, я вынул из контекста, и она не исчерпывает впечатлений иностранца о нашем городе, но тем не менее. За четверть века до американца, в начале 1860-х гг., Ипполит Иринархович Завалишин тоже написал, что мол да, конечно, есть в Тюмени «барские палаты, которые можно бы поставить и на хорошей петербургской улице; да таких домов немного, большей частью домики и домишки деревянные, неказистые», деревенской, очень

³ Например, Республики, 18 — «Дом Блюхера» (дом Иконниковых — Колокольниковых); Хохрякова, 53-а и др.

⁴ Не цитата.

незатейливой архитектуры. Или вот ещё: «Тюмень, за малыми исключениями домов богачей, вся деревянная. Каменных домов только 29, а деревянных 2379! а из 21 дома частных лиц только 3 сносной архитектуры: купцов Шешукова и Трусова да недавно отстроенный чиновника Унжакова. Прочие же — безвкусовые громады, не более»⁵. Оба «туриста», процитированные мною, и правы и не правы одновременно. Храмы у нас и в самом деле необыкновенные. Тут не поспоришь. Светская каменная архитектура в массе своей так никогда и не добралась до недостижимых высот, осталась милой провинциально-купеческой, со своим неповторимым очарованием и обаянием. Что же касается деревянного зодчества, которое расцвело и дало плоды в конце XIX — начале XX вв., то они (путешественники) его увидеть не могли по хронологическим причинам. А ведь именно знаменитая глухая резьба с уникальными тюменскими мотивами, пышная, яркая и нарядная объёмная резьба — такая, какой нет больше нигде в мире, и, наконец, самобытный деревянный модерн — вот что является изюминкой исторической архитектуры Тюмени. Это — наша жемчужина, которой мы можем гордиться и обязаны её хранить. Завалишин на-

звал три фамилии хозяев домов, чью архитектуру, по его мнению, можно назвать «сносной». Жаль, что нам остаётся теперь только гадать, что это были за здания. В объектив фотографа они по какой-то причине не попали. А если и попали, то где-то потерялись. Хочется надеяться, что не навсегда. Надежда наша ещё не умерла. А укрепляет её то, что открытия в этой сфере всё ещё случаются. Будем ждать. И искать.

В фондах ТОКМ сохранились, например, уникальные снимки, на обороте которых написано: «Дом инженера Бельского». Увы, музейщик из прошлого (или из позапрошлого) века не потрудился указать инициалов владельца (а может, и не знал их вовсе). И зря! Дом-то был роскошный, потрясающий своими формами, фасадным декором, да и изысканностью интерьера тоже. Деревянный замок. Настоящий дворец! То, что никто из ныне здравствующих тюменцев никогда этого дома не видел, стало причиной возникновения сомнений: а был ли такой дом в Тюмени, жил ли когда-либо в нашем городе инженер Бельской или Бельский? Утверждать не стану, но предположить рискну. Рискну ответить на эти вопросы утвердительно. Основания для этого имеются. Во-первых, снимки сделаны **тюменским** фотографом

⁵ Завалишин И. Путевые заметки (Тобольская губерния). // Лукич. 2000. №1. С. 80.

Т.К. Огибениным (в нижнем правом углу имеется тиснёное факсимиле мастера⁶), а во-вторых, в конце XIX—начале XX вв. несколько человек в нашем городе носили нужную нам фамилию⁷, и один из них служил инженером. Бельский Иван Михайлович — «инженер для описания дорог и водяных путей Западной Сибири, заведующий Тобольским участком МПС — титулярный советник (жительствует в Тюмени)»⁸. В к. 1880 — 1890-х гг. он жил где-то Затюменкой, в районе современных улиц Ямской и Полевой⁹. Должность у Бельского была весьма высокооплачиваемая, поэтому если уж не владеть, то хотя бы просто жить в таком особняке он вполне мог себе позволить. Почему же такой Бельский-хаус так мало прожил? Почему его никто не помнит? Его нет даже на многочисленных видовых открытках начала XX в. Объяснение простое: дом, наверное, сгорел. Ничего другого не остаётся. Пожары в нашем городе конца XIX века — вещь обычная. О всепожирающих тюменских горях много писали — и Н.М. Чукмалдин, и ещё раньше И.И. Завалишин: «места под

постройки в городе год от году дорожают, (поэтому) дома и надворные службы страшно стеснены. Горит (Тюмень) ежегодно... траты капиталов и имущества бывают огромные».

Но не только стихия была причиной того, что потенциальные «памятники старины» не доживали до старости. Сносить и строить вместо удалённого — это, разумеется, не изобретение большевиков, мечтавших «...до основания» и «мы наш, мы новый...». Вместо ветхих или сгоревших церквей строили новые, пристраивали приделы, счищали старый декор и т.п. То же и с гражданскими постройками. Прецеденты сноса каменных памятников в Тюмени XIX—начала XX вв. известны, правда, слава Богу, они единичны. Например, в 1914 г. на месте двухэтажной гостиницы Железова появилось коммерческое училище Колокольниковых (ныне строительная академия); в 1904 г. на месте женской прогимназии, построенной К.К. Шешуковым в 1859 г., возникло краснокирпичное двухэтажное здание женской гимназии (ныне Семакова,

⁶ Тарас Климентьевич Огибенин (1861—1935), в Тюмени жил с 1885 г.

⁷ Например, Бельских Александр Филадельфович (ум. 19.04.1903). Сыновья Григорий, Иван, Георг (имеет сына Вснедикта), Александр, Николай. Брат Христофор Филадельфович (ум. 1865 г.). — ГАТО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 11. Л. 43.

⁸ Календарь Тобольской губернии на 1891 год. Тобольск, 1891. С. 144.

⁹ ГАТО. Ф. И-232. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 136 об. В 1898 г. по адресу Ямская, 50/Полевая, 23, проживал Бельский Болеслав Михайлович, а его брату Ивану Михайловичу принадлежали дома по Ямской под №№ 51, 52, 54 и 58 и по ул. 1-й Монастырской (Димитрова), 58.

10/Володарского, 6, административный корпус госуниверситета).

Благовещенский собор, один из древнейших храмов Сибири, хотели снести ещё в 70-х гг. XVIII века. Была даже составлена смета, начерчены план и фасад нового собора, было высчитано, сколько кирпича останется целым после разрушения церкви. Трижды звали желающих участвовать в сносе собора, но никто не явился, и храм благополучно простоял ещё полтора столетия. Взорвали его в июне 1932 г. Несколькими днями раньше взлетела на воздух Успенская церковь, построенная на территории женского монастыря в 1765–69 гг. (примерно на углу современных улиц Кирова и Хохрякова). В 1930-х настал черёд церкви Сорока мучеников в мужском монастыре и Троицкой единоверческой церкви.

О том, как строился первый тюменский пятиэтажный «небоскрёб» купца В.А. Копылова, и о том, как его в 1920-х «съела» Тюменка, прекрасно написано в книге С.Н. Кубочкина¹⁰.

В 1922 г. сгорел театр Текутьева на Иркутской (Челюскинцев), а в конце 1980-х снесли стоявший рядом дом самого Андрея Ивановича, почётного гражданина Тюмени. В 1990-х мы не захотели уберечь выдаю-

щийся памятник архитектуры на Советской (бывшей Серебряковской) под № 4 — знаменитый «серебряный дом». Теперь некуда прибить доску в честь его владельца, другого городского головы и почётного гражданина города П.И. Никольского. Продолжать можно, но не обязательно.

Я хотел сказать, что прецеденты были во времена наших дореволюционных предков. Но такого размаха уничтожения своей истории, можно сказать, своего города, как в 1970–90-е и сейчас, не было никогда. А что имеем взамен? Девятиэтажки «Океана» и Центрального гастронома (ЦЭГэ), пятиэтажные дома по Ленина, 9, и Республики, 6, малоархитектурное зодчество в начале улиц Семакова и Кирова, новый ангар госуниверситета на Тургенева, Серый дом городской мэрии... Уничтожение города происходит в два этапа. Сначала стирание до основания старого, а потом возведение нового, причём часто «созидательный» период страшнее.

Не знаю как вам, а мне нравится город, в котором на месте «развалюх» мы построили бы не ЦЭГэ, а дома, похожие, к примеру, на Дом Машарова или на Дом Чакина (Семакова, 4). Не напрягая особенно своё не очень развитое воображение, я мысленно благоустраиваю исторический

¹⁰ Кубочкин С.Н. Тычковка, Сарай, Потаскуй. Тюмень, 2002.

город (не уничтожая его предвзвешенно), привожу его в цивилизованный (в подлинном смысле слова, не так, как его понимают наши администраторы, зодчие, бизнесмены от торговли и от науки) вид. Я ставлю то, что мы потеряли, на свои места, рядом с теми шедеврами, которые ещё сохранились, и — опять же мысленно (хотя бы) — убираю всю дребедень, настроенную в 1960–2000 гг.

Представляете, какой бы это был город! Если бы вернуть первоначальный вид тому, что мы неудачно (не с седьмого разу¹¹) перекроили, надстроили¹². Если бы поделикатнее заменили малоценные утраты¹³. А?

Предлагаемый список может взглянуть на знакомый город другими глазами.

3. Каталог

утрат, из-за которых Тюмени никогда больше не будет, поскольку то, что строится сегодня, — это Нетюмень¹⁴.

Прежде чем публиковать каталог, необходимо оговорить структуру каталожной статьи. План такой: сначала — 1) современный адрес, затем, в скобках, 2) прежнее название улицы, потом 3) наименование здания (то есть что там располагалось, чей это был дом и т.п.), 4) дата постройки и дата сноса и, наконец, 5) что на этом месте находится сейчас. Допускаются кое-какие дополнительные сведения.

¹¹ Русская пословица про отмерь и отрежь. — *Прим. для интеллектуалов.*

¹² Перестроены, в частности: 1. Клуб приказчиков в доме Я.Ш. Шайчика. Ныне — Республики, 34. Концертный зал филармонии; 2. Дом Андреева — Собенникова. Угол Челюскинцев, 36 / Республики, 23; 3. Магазин братьев Агафуровых в доме М.А. Брюханова. Ныне — угол Дзержинского и Республики. Кинотеатр «Темп», магазин «Тамара».

¹³ Простите. Это снова мечты идиота.

¹⁴ В каталог не включены утраченные исторические некрополи (Затюменское, часть Текутьевского кладбища, монастырский погост), а также северная половина территории Троицкого монастыря с монашескими кельями и прочим, её снесли в 1950–70 гг., Александровский загородный сад, аптекарский сад А.И. Даудель, несколько улиц вдоль Туры и так далее.

3. 1. Каменные здания

1. Республики. Историческая площадь (Гостинодворная площадь). **Благовещенский собор.** 1704 г. Взорван в июне 1932 г. В настоящее время на его месте — часть улицы и опоры пешеходного моста через Туру.

2. Хохрякова, Кирова, угол (Успенская, Войновская). **Успенская церковь.** 1765–1769 гг., в стиле барокко, на территории женского монастыря. Взорвана в июне 1932 г. В настоящее время — два двухэтажных жилых барака.

3. Коммунистическая, 10. **Церковь Сорока мучеников Троицкого мужского монастыря.**

1717 г. Снесена в 1930-х гг.

В настоящее время — один из корпусов водоканала.

4. Республики (Царская). **Никольско-Троицкая единоверческая церковь.** 1844–50 гг. Снесена в 1930-х гг. 9-этажный жилой дом с магазином «Океан».

65600

5. Республики (Царская). Часовня единоверческой церкви. XIX век. Снесена в 1970-х гг. Находилась рядом с церковью.

6. Республики, Центральная площадь, ул. 8-го Марта (Базарная площадь). Часовня в честь Александра Второго. Начало XX в. Снесена в 1957 г.

7. Луначарского (Никольская площадь, ул. Никольская). Гостиница Железова (?). 2-я половина XIX в. Снесена в 1912 г. В 1914 г. построено коммерческое училище Колокольниковых. В настоящее время — архитектурная академия.

8. Семакова, Володарского, угол (Подаруевская, Знаменская). Женская прогимназия построена К.К. Шешуковым в 1859 г. Снесена в начале XX века. В 1904 г. построено (в два приёма) 2-этажное краснокирпичное здание гимназии. В настоящее время — административный корпус ТГУ.

9. Ленина (на берегу оврага Тюменки). 5-этажный доходный дом («небоскрёб») купца В.А. Копылова. Построен в 1903. Разрушен в конце 1920-х гг.

10. Челюскинцев (Иркутская). Театр Текутьева. 1880-е гг. Сгорел в 1922 г. В настоящее время — 2-этажный жилой дом напротив Дворца пионеров.

11. Республики, Дзержинского, угол. (Царская, Садовая). Дом С.Г. Гилёва с магазинами. Конец XIX века. Снесён в 1970-х гг. Находился примерно на месте крыльца магазина «Океан».

12. Республики, Семакова, угол (Царская, Подаруевская). Дом Гилёвых. 2-я половина XIX в. Снесён в 1960-х гг. В настоящее время — площадка перед главным корпусом ТГУ.

13. Орджоникидзе (Ишимская). Мельница В.Л. Жернакова. Начало XX в. Снесена в 1980-х гг. Находилась в районе гостиницы «Прометей».

14. Первомайская, 19–21, Ялуторовская, угол (Голицынская, Ялуторовская). Усадьба купца Богданова: 2-этажный каменный дом, каменный флигель и каменные ворота. Конец XIX — начало XX вв. Снесён в конце 1980-х гг. Находился рядом с театром драмы, на его месте — 2-этажный каменный дом с мансардой и внутренним двориком.

15. Республики, Первомайская, угол (Базарная пл.). Магазин чайной фирмы А. Губкина и А. Кузнецова. В 1950–80 гг. — магазин «Детский мир». Снесён в начале 1990-х. В настоящее время на его месте — строительство многоэтажного дома.

16. Первомайская, Володарского. Гостиница «Заря». Памятник¹⁵ архитектуры 1930-х гг. Снесена в 1998 г. На её месте ведётся строительство.

17. Республики, 22, Семакова, 18, угол (Царская, Подаруевская). Дом П.А. Брюханова (землеустроительная партия, НКВД). 1880-е гг. Снесен в конце 1990-х гг. На его месте в настоящее время — библиотечно-информационный центр ТюмГУ.

¹⁵ Здесь под словом «памятник» понимается культурно-историческая ценность здания, а не принадлежность к объектам, состоящим на гос. охране.

18. Луначарского, 18. 2-этажный каменный дом. Снесён в 1990-х. В настоящее время — многоэтажная новостройка.

19. Ленина, Кирова, угол (Спасская, Войновская). Первая городская электростанция. 1910-е гг. Снесена в 2001 г. Находилась рядом с синагогой, по другую сторону от саун и банных принадлежностей. Там в настоящее время — забор, за которым ведётся строительство многоэтажного дома.

20. Кирова, Володарского, угол (Войновская, Знаменская). Александровский роддом. Построен купцом Войновым в 1891 г. Снесён в 2002 г. Ведётся строительство.

21. Кирова, 14, Хохрякова, угол (Войновская, Успенская). Дом (полукаменный) Н.И. Давыдовского, который в 1907 г. из скромности отказался от звания Почётного гражданина Тюмени¹⁶. Снесён в 2002 г. Ведётся строительство.

22. Дзержинского (Садовая). Столовая. В 1970–80 гг. — кафе «Минутка». Снесена в 1990-х гг. Центр международной торговли.

¹⁶ Кубочкин С.Н. Тычковка, Сарай, Потаскуй. Тюмень, 2002. С. 249–258.

23. Республики, Первомайская, угол. **Магазин М. Вяткина**. Конец XIX в. Снесён в 1970-х гг. Ведётся (наконец-то, через 30 лет; а может, и зря) строительство.

24. Первомайская, Герцена, угол (Голицынская, Архангельская, Базарная площадь). **Дом братьев Злоказовых**, угол. Конец XIX в. Снесён в 1970-х гг. Построено здание городской администрации.

25. Ленина, 16, Красина, угол (Спасская, Телеграфная). **Дом Шешуковых** Аполлинарии Ивановны — владелицы модного салона, и Адриана Кондратьевича — сына К.К. Шешукова, городского головы и благотворителя, подарившего 2-этажные каменные здания женской школе (позднее прогимназия) и уездному училищу, участника первых театралных представлений в Тюмени (1859 г.).

26. Республики, 38 (Царская). **1-этажная каменная лавка и 2-этажный**. Начало XX в. Снесено в 1990-х. Достраивается новый корпус «Телекома».

27. Вокзал ж.д.
2-этажное каменное
здание. 1890-е. Снесён в
1970-х гг. Перрон.

28. Ленина, 2.
2-этажный корпус, один из
домов В.А. Копылова. Конец
XIX в. Снесён в 1970-х гг.
Пустырь.

29. Первомайская, 14
(Базарная площадь,
Голицынская ул.).
1-этажный флигель
А.С. Колмакова. Бакалей-
ный магазин Колокольни-
ковых. В советское время
— абонемент областной
библиотеки. Снесён в
начале 1980-х гг. Площадь
перед Центральным
гастрономом.

30. Водопроводная, 25-го Октября (Водопроводная, Ильинская). Городская водокачка. Построена в 1860-х гг.

31. Герцена, Орджоникидзе, угол (Базарная пл., Ляминская ул.). 2-этажный дом Матягина — городского головы в 1885–1889 гг. Снесён в начале 1980-х гг. Многоэтажный дом с магазином «Вавилон» и прочим.

32. Республики, 28-а, 30 (Царская). 2-этажный полукаменный дом П.П. Воробейчиковой с синематографом и фотографией И. Шустера. Начало XX в. Снесён в 1930-х гг. 5-этажный жилой дом.

33. Водопроводная, Хохрякова, угол (Водопроводная, Базарная пл.). Магазин Текутьева (каменный 1-этажный). Конец XIX в. Снесён в 1970-х гг.

34. Ленина, Семакова, угол (Спасская, Подаруевская). Усадьба Полевских-Козелл с 2-этажным каменным домом. Середина XIX в. Снесён в 1950-х гг. 4-этажный жилой дом.

35. Орджоникидзе, Сакко, угол (Ишимская, Большая Разъездная). Торговые бани П. А. Андреевой. Снесены в 1980-х. 9-этажный панельный жилой дом.

36. Кирова 12, Хохрякова, 11 (Войновская, Успенская). 2-этажный каменный дом. Конец XIX в. Снесён в 1990-х гг. В настоящее время — 4-этажный жилой дом с магазином «Маэстро».

3. 2. Памятники деревянной архитектуры¹⁷:

37. Первомайская, 2 (Базарная площадь, Голицынская). Деревянный 2-этажный дом.

38. Ванцетти, 20 (Малая Разъездная). Дом Трубецких¹⁸. Конец XIX в. Снесён в 1984 г. Два наличника хранятся в ТОКМ¹⁹.

¹⁷ Светлой памяти Неля Николаевна Шайхтдинова создала памятник уходящей Тюмени. Около двух десятков шедевров, запечатлённых в её книге, больше, увы, не существует.

¹⁸ Из представителей этой фамилии в Тюмени, например, проживал Иван Герасимович Трубецкой — действительный член Тюменского клуба (1914—15 гг.).

¹⁹ Тюменский областной краеведческий музей. ТОКМ ОФ № 6362. 340x130 см.

39. Затюменка. Дом инженера Бельского. 2-я половина XIX в. Сгорел в начале XX века.

40. Держинского, Володарского, угол (Садовая, Знаменская). Гостиница Лошкомоева. Конец XIX в. Снесена в 1930-х гг.

41. Челюскинцев, Володарского, угол. Гостиница «Пале-Рояль», где, согласно легенде, останавливался А.П. Чехов. 2-я половина XIX в. Снесена в 1970-х гг.

42. Республики, Дзержинского, угол (Царская, Садовая). Дом Панкратьева с кинотеатром «Луч». Конец XIX в. Снесён в 1970-х гг. Центр международной торговли.

43. Комсомольская, 5 (Тобольская)²⁰.

44. Челюскинцев, 17, Советская, угол (Иркутская, Серебряковская). 2-этажный дом с эркером²¹. Снесён в 1990-х. Управление федерального казначейства.

45. Республики, 10, Красина, угол (Царская, Телеграфная). Дом Низовец—Шадриных. 2-этажный дом с мезонином. Конец XIX века. Снесён в 1980-х гг. 4-этажный жилой дом. В котором живёт Ю.Л. Мандрика.

²⁰ См.: Шайхтдинова Н.Х. Указ. соч. С. 24.

²¹ Жученко Б.А., Заварихин С.П. Тюмень архитектурная. Свердловск, 1984. С. 154.

46. Хохрякова, 45 (Успенская, Базарная пл.)²². Снесён в 1980-х гг.

47. Челюскинцев, 32 (Иркутская)²³. Снесён в 1980-х гг.

48. Больничный пер., 6²⁴. Снесён в 1980-х гг.

49. Первомайская, 16, Ленина, 59, угол (Базарная площадь, Голицынская, Спасская). Дом Текутьева²⁵. Снесён в 1986 г. к 400-летию Тюмени.

²² См.: Шайхтдинова Н.Х. Указ. соч. С. 47, 55.

²³ См.: Шайхтдинова Н.Х. Указ. соч. С. 56.

²⁴ См.: Шайхтдинова Н.Х. Указ. соч. С. 50.

²⁵ ГАТО. И-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 5–10 об., 13, 21–21 об.; Шайхтдинова Н.Х. Указ. соч. С. 16, 52–54; Жученко Б.А., Заварихин С.П. Указ. соч. С. 153.

**50. Ленина, 62
(Спаская). Деревянный 2-этажный дом с эркером.
Снесён в 1980-х гг.**

**51. Володарского, 59
(Знаменская). 2-этажный дом с глухой резьбой²⁶.
Снесён в 1980-х гг.**

52. Коммунистическая, 10. Церковно-приходская школа Троицкого монастыря. 1838 г. Снесена в 1990-х гг. На её месте построен псевдо-муляж.

²⁶ Шайхтдинова Н.Х. Указ. соч. С.13, 58–59.

53. Советская, 4
(Серебряковская).
«Серебряный дом»
почётного гражданина
Тюмени П.И. Николь-
ского. Конец
XIX века. Снесён в
1990-х гг. В настоя-
щее время —
4-этажный жилой
дом.

54. Семакова, 2, Хохряко-
ва, угол (Подаруевская,
Успенская). Коммерческое
училище Колокольнико-
вых. Дом Поповых. Снесён
в 1990-х. 4-этажный жилой
дом.

55. Семакова, 7,
Хохрякова, угол.
«Дом Л.Б. Красина».
Снесён в 1990-х гг.

56. Хохрякова, 22.
Снесен в 2001 г.

57. Челюскинцев,
Володарского, угол
(Иркутская, Знаменская).
Снесён в 2002 г.

58. Перекопская, 7 (Трусовский пер.).
Дом органиста и ксёндза. Снесён
в 1960-х.

59. Перекопская (Трусовский пер.). Дом
Карнацевичей. Конец XIX века. Снесён в
1989 г. Построен ангар с автостоянкой.

60. Площадь Борцов революции, Володарс-
кого, угол (Александровская пл., Знаменс-
кая). 2-этажный дом с мезонином при
реальном училище. 2-я половина XIX века.
Снесён в 1980-х гг.

61. Челюскинцев, Урицкого, угол (Иркутс-
кая, Архангельская). Дом А.И. Текутьева,
где он жил. Снесён в 1980-х гг.
См. фото №10.

**62. Ленина, 40 (Спасская).
Дом Малиновских. Институт
права ТюмГУ.**

**63. Советская, 6 (Серебряковс-
кая). Наличники хранятся в
ТОКМ. НВФ № 3023.**

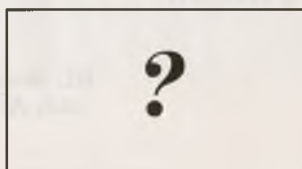
**65. Историческая пло-
щадь. Музеум. Здание, где
хранилась шляпка, на
которой цесаревич Алек-
сандр Николаевич пере-
правлялся через р. Туру в
1837 г. В настоящее время
на этом месте — скверик с
памятным знаком в честь
основания г. Тюмени.**

**64. Урицкого, 1 (Архан-
гельская). 1-этажный дере-
вянный дом. Снесён в начале
1990-х гг. под предлогом
переноса памятника на
другое место. Восстановле-
ние на новом месте не
состоялось. В настоящее
время на Урицкого, 1 —
новый корпус обувной
фабрики.**

**66. Ленина, 70.
Снесен в 1986 г.**

67.

P.S. Мне сейчас подумалось, что обязательно найдётся какой-нибудь циник, который скажет: «Как? Всего шестьдесят? И из-за этого распускать слюни и слёзки лить?». В утешение ему скажу: этот список, к сожалению, не окончательный. И не только потому, что я забыл что-то указать (а я, без сомнения, забыл). Есть другая причина. В наличии имеются желающие уничтожить, например, дом на Тургенева, 12, уникальную усадьбу на Тургенева 9, особняк с глухой резьбой на Ванцетти, 17, дом мастера деревянной резьбы Перевалова по Кирова, 10, памятники на Хохрякова, 9, Ленина, 45. Повис над рекой уникальный домик на Семакова, 1, и т.п., и т.п. Вишнёвый сад продан. Ходят довольные дровосеки и рубят, рубят. Я всё понимаю. Но, ещё раз взглянув на каталог и фотоприложение к нему, мне не захотелось крикнуть: «Петя²⁷! Отчего я больше не люблю вишневого сада, как прежде!»²⁸.

4. Постскриптум,

не имеющий никакого отношения к теме «Тюмень, которой не будет». ЭТО будет всегда. Верю!

«Не всё сразу, не всё сразу... подожди», «пусть хоть так»,

— вот что мне обычно отвечают на мои (как бы сказать помягче и поточнее) сомнения по поводу реконструкции и благоустройства, введущихся в нашем городе в последние годы. И они, мои «оппоненты», правы, но и не правы тоже. Диалектика!

Чего нам в Тюмени не хватает, так это ума и вкуса. Под «мы» я понимаю и себя в том числе. Конечно, оттого, что я это осознаю, а другие об этом не подозревают, ничего в нашей жизни не меняется, но всё-таки я-то об этом знаю²⁹. Поводов для того, чтобы я утвердился в этом моём убеждении (на счёт ума и вкуса), долго искать не надо, без преувеличения, всё это на каждом шагу. Иногда эти поводы вызывают у меня улыбку, иногда смех, чаще — раздражение и досаду.

Относительно недавно я несентиментально прогуливался в одном из исторических райончиков Тюмени. Помните, на пересечении улиц Семакова и Хохрякова стоит памятник архитектуры — особняк бывшего тюменского архитектора Чакина, построенный им для своей семьи в начале XX века. Дом 2-этажный, каменный, с колоннами, с очень красивой и нарядной лоджией, с лирой на фасаде. Памятник привели в

²⁷ Есть варианты имён: Вася, Гена, Стёпа, Нина, Наташа, Серёжа, Алёша...

²⁸ Как ни старался продемонстрировать эрудицию, не удалось. Потому что памяти уже — никакой.

²⁹ С гордыней надо бороться — письменное напоминание себе, а то забуду. — В. Ч.

порядок, отреставрировали и поселили там украинское консульство.

Но почему-то новым хозяевам не понравился цвет, в который согласно проекту реставрации архитекторы его окрасили. Вместо кремово-бежевого он стал бледно-зелёно-жёлтым, но это ещё ладно, ведь сам-то дом правда преобразился. Не стыдно занимать под иностранное представительство. Но что творится рядом с домом! Всю эту красоту совершенно же невозможно сфотографировать. В объектив обязательно залезут два старых покосившихся деревянных столба, которые стоят не где-нибудь, а прямо на углу, куда выходит главный фасад памятника — украинского консульства. Во-первых, непонятно, зачем два. В книге В.Е. Копылова написано, что сто лет назад на улицах всюду стояло по два столба рядом, один для электрических проводов, а другой — для телефонных. Обе эти про-

волоки принадлежали разным хозяевам, и договориться им, чтоб повесить всё это на один столб, никак было нельзя. Всё убедительно и понятно, но это тогда, а что за причина сегодня держать два столба рядом, да ещё таких безобразных, да ещё на таком самом видном месте. Не пора ли внешний вид окрестностей памятника привести в соответствие с отреставрированным консульством, а лучше того — перенести место дислокации нового держателя проводов в сторону метров на 7—9? Вот вопрос! И во-вторых, и в-последних: иностранное представительство, разумеется, жить без охраны не может. Это мы тоже понимаем. Но почему эту охрану, то есть милицейский пост в будке ярко-голубого цвета, нужно непременно держать на этом же многострадальном углу, под столбами, о которых сказано выше? Может, тоже метров на 9—11? Я не знаю. Если б знать, если б знать³⁰...

³⁰ Снова из Чехова.

Владимир Яковлевич Темплинг родился в 1963 году в п. Богандинском. Окончил исторический факультет ТюмГУ, аспирантуру в Институте истории и археологии УрО РАН. Старший преподаватель кафедры отечественной истории госуниверситета, кандидат исторических наук.

Интересы: история народной культуры русского населения Западной Сибири, археография, краеведение. Постоянный автор журнала «Лукич». Под его редакцией шла подготовка и издание трехтомных «Былей и небылиц Тавдинского края». Один из авторов «Фальшивого Лукича» (2003).

«Военная тайна» краеведения

Разрабатывая новый учебный курс, преподаватель всегда, прежде всего сам, отвечает на вопросы, возникающие при подготовке материала. Ответы находят не всегда и не сразу, а иногда — в самых неожиданных местах и ситуациях. Примерно так произошло и при разработке курса по историческому краеведению для студентов-историков. В чем причина разгрома краеведческого движения? Чем могли помешать огромному государству эти безобидные энтузиасты, до самозабвения влюбленные в свою «малую родину»? Тотальное государство, тотальный идеологический контроль, полное нетерпение инакомыслия — все это так, но глобальные ответы утешали слабо. Слишком отвлеченно. А как это проявлялось в реальности? Каков он, «атом бытия», из громадного количества

которых и складываются все эти «явления», «процессы», «интересы», «движущие силы», «причины» и «предпосылки», и прочая и прочая? Совершенно неожиданно ответ обнаружился в тоненькой ученической тетрадке из материалов Тюменского общества научного изучения местного края, хранящихся в фондах Тюменского областного краеведческого музея.

Рукопись, публикуемая ниже, невелика, но совершенно удивительна по содержанию. Уни-

кальность данного источника заключается в том, что, во-первых, автору удалось передать неповторимую по своему характеру атмосферу беседы, живой диалог нескольких людей — с вопросами, замечаниями, подтверждениями и отрицаниями. Кому доводилось хоть раз работать с информантами, тот ярко представляет себе атмосферу деревенской беседы, когда в избе зимой или на завалинке летом, обычно вечером после трудового дня, собираются родственники, соседи, разновозрастная компания — с разным жизненным опытом, но одного культурного пространства — и ведут неспешную беседу: о деревенских делах, о погоде, о видах на урожай, об обычных и необычных происшествиях. И в этом разговоре нет пассивных участников, быть может, кроме младенцев. Каждый из присутствующих тем или иным образом принимает участие в беседе — сообщает свое мнение или впечатление, делится своим опытом или просто подкакивает, но непременно участвует. В этом скрывается фундаментальный принцип жизненности народной традиции. Устная, предметная и деятельная по своему характеру, она существует в броуновском движении повседневности, в том течение алогического множестве-единстве (по выражению академика А. Лосева), что собственно и называется жизнью, в трудовой и праздничный поток которой де-

ревенский житель был погружен с детских лет.

Во-вторых, в двух небольших фразах неизвестного краеведа раскрывается, как кажется, одна из фундаментальных причин разгона краеведения. Краеведы, непосредственно общавшиеся с простым народом, знали или интуитивно нащупывали и формулировали «военную тайну» главного идеологического мифа советской эпохи — народ с большим трудом воспринимал новые идеи и отнюдь не семимильными шагами продвигался в «светлое будущее». Собиратель вначале говорит о том, что записал несколько рассказов о нечистой силе от одного «сознательного крестьянина» (!), и они показались ему «заслуживающими внимания», потому что революция «казалось бы, отбросила все предрассудки о нечистых силах». А оказалось, пишет дальше краевед, что «далеко не так», и далее следует сакраментальная фраза, а по тем временам и просто расстрельная, что «не только какие-нибудь коммунистические, но и вообще другие элементарные идеи туго воспринимаются неграмотным народом!» Помилуй бог, да это же прямая клевета на советский народ, который самый-самый в мире! И безупречное основание для небольшого уголовного дельца.

Кстати, об авторе рукописи. Рукопись подписана, но неразборчиво, что весьма «соблазни-

тельно», ибо позволяет сделать одно почти фантастическое допущение. В подписи четко можно разобрать лишь инициал «П» и очень предположительно в росчерке хочется «узнать» фамилию — «Городцов»! Но в 1923 г. Петра Алексеевича уже не было в живых, и возможно, что этот автограф мог оставить один из его старших сыновей, а именно Петр Петрович. К сожалению, история семьи Городцовых — тайна за семью печатями. Даже недавняя публикация писем Петра Алексеевича брату Василию не внесла ясностей, а скорее породила еще больше вопросов¹. Хотя позволяет уточнить некоторые факты и исправить ошибки, допущенные во вступительной статье к трехтомному изданию собрания сочинений и материалов П.А. Городцова². В основе этих ошибок — слабости человеческой памяти.

Известно, что Петр Алексеевич женился в 1898 г. на Е.В. Петровой. Брак их был счастливым, но недолгим — весной 1902 г. Ефросинья Владимировна скончалась от чахотки. Детей у них не было. Документальных же свидетельств о втором браке пока разыскать не удалось. По этому поводу мы пока располагаем легендарными сведениями, а именно воспоминаниями внучки П.А. Городцова З.Р. Городцовой. Она

рассказывала, что Петр Алексеич женился вскоре после смерти первой жены на экономке, женщине молодой и красивой. Жизнь у них, по всей видимости, была не очень радостной. В феврале 1913 г. он писал, что «личная жизнь сложилась так буднично серо и течет так монотонно, что и передать трудно». Петр Алексеич, обладая крутым нравом, был ревнив. Он и сам пишет, что человек он не простой и не очень сдержанный, которого «судьба наделила бешеным темпераментом». В молодости он переболел «ушным катарром». Возможно, что причиной этой несдержанности были проблемы со слухом. Известно, что недослышащие люди имеют специфические черты характера — подозрительны, недоверчивы, вспыльчивы, мнительны и пр. Недоверие его доходило до того, что он, по словам Зинаиды Романовны, заперал свою молодую жену в шкафу, когда к нему приходили гости. Но удержать супругу он так и не смог. Она покинула Петра Алексеевича в годы гражданской войны, уехав с каким-то офицером в неизвестном направлении.

Тем не менее, как бы драматично ни складывались отношения между супругами, детей у них было много (но не шестеро, как указано во вступительной статье, и имена, как оказалось,

¹ *Городцов П.А.* Письма к брату Василию// Лукич. 2002. №№2–4.

² *Городцов П.А.* Были и небылицы Тавдинского края в трех томах. Тюмень, 2000.

Зинаида Романовна точно помнила не все) — Петр, Роман, Вера, Людмила и Ростислав. Роман Петрович (отец Зинаиды Романовны) принимал участие в сражениях Великой Отечественной войны, был ранен, вернулся домой и умер вскоре после окончания войны. Младший брат тоже воевал и после войны остался где-то на Украине. Петр Петрович был якобы репрессирован в 30-е годы, но его фамилии в «Книге расстрелянных» обнаружено не было. Известно лишь, что именно Петр Петрович передал материалы, а также, возможно, и библиотеку Петра Алексеевича Тюменскому обществу научного изучения местного края, которые в настоящий момент хранятся в фондах Тюменского областного краеведческого музея³. Сестры в свое время разъехались. Одна из них, кажется, Вера, после войны проживала в Свердловске с дочерью. Судьба Людмилы неизвестна. Постепенно связи между братьями и сестрами прервались. Вот и все семейные легенды.

Письма позволяют предположительно установить годы рождения детей. Так, в единственном письме, в котором упоминаются имена всех(?) детей (во всяком случае, по состоянию на декабрь 1914 г.), указан возраст младшего из них — Ростислава, ему шел третий год. То есть к декабрю 1914 г. он имел уже

полных два года, таким образом, родился он не позднее декабря 1912 г. Далее уже не так сложно реконструировать годы рождения остальных детей. Если следовать логике нормального течения репродуктивного процесса, когда ребенок в семье появляется один раз в два года, то Петр Петрович, старший из детей Городцова, появился на свет в 1904 г. и в 1923 г. был вполне взрослым и самостоятельным молодым человеком. Девятнадцать лет для юноши начала XX века, когда вообще рано становились взрослыми и ответственными людьми, на руках которого остались как минимум четверо младших братьев и сестер, к тому же в очень непростое время, — уже значительный в плане социализации возраст. Петр, Вера и Людмила учились в коммерческом училище Колокольниковых⁴.

Тексты писем Петра Алексеевича высвечивают одну очень важную проблему, связанную с семейной жизнью. Письма, условно скажем, первой половины жизни Городцова в Сибири, до весны 1902 г., резко контрастируют по содержанию с письмами 1903–1915 гг. Главное различие — из писем этого периода уходит человек. Остается Городцов-исследователь, собиратель, любящий и заботливый брат, дядя, но исчезает

³ *Городцов П.А.* Сибирская язва// Записки ТОНИМК. Тюмень, 1924. С. 55–101.

⁴ ГАТО. Ф. И-92. Оп. 2. Д. 46, 47; Ф.83. Оп. 1. Д. 47.

Городцов-муж и никак не проявляется Городцов-отец.

Что случилось? Почему внимательный, постоянно справляющийся о здоровье и делах любимых племянников, он вообще не упоминает в своих письмах о супруге и лишь в одном передает приветы с благодарностью от своих, уже многочисленных, детей? Вопрос, на который мы навряд ли получим достоверный и полный ответ. Остается лишь предполагать, что отношения между взрослым мужчиной (Городцову в конце 1902–1903 г., когда он, вероятно, создал вторую семью, исполнилось уже 37/38 лет) и его молодой избранницей (насколько молодой?) по каким-то причинам не афишировались Петром Алексеевичем. Оформлялся ли брак? Почему же в метрических книгах Крестовоздвиженской церкви отсутствует запись об этом событии и нет записей рождений по крайней мере двух или трех детей? Весной 1908 г. Городцов проживал еще в деревне, а осенью этого же года в письме указывает тюменский адрес — ул. 2-я Монастырская, собственный дом. Следовательно, старшие дети — Петр, Людмила, а возможно, и Роман — родились в деревне. С 1902 г. Городцов проживал в Иевлево. Ну а местом рождения Веры, Ростислава и мифического пока Виктора, из воспоминаний Зинаиды Романовны, уже, по всей видимости, должна быть Тюмень. Даже если

предположить, что брак был неофициальный (что для небольшого провинциального города, а тем более деревни, начала XX века дело совершенно фантастическое), незаконнорожденные дети все равно должны были регистрироваться в метрических книгах. Однако записи обнаружить не удалось, хотя все книги за 1902–1914 гг. сохранились. Это обстоятельство тем более удивительно и вызывает недоумение, что есть запись о дате смерти и погребения самого П.А. Городцова. Она гласит, что «отставной чиновник Рязанской губернии, уезда и села Солотча П.А. Городцов» скончался 19 июня (а не 16 июля, как указано в статье Н.Е. Ончукова и неверно повторено и поправлено редактором, увы, автором сих строк, в многотомнике) 1919 г. от рака желудка, в возрасте 54 лет, погребен 20 июля на Текутьевском кладбище. Исповедал и отпевал Петра Алексеевича священник Зосима Козлов⁵.

В контексте развивавшихся в то время событий общественной истории сюжет о побеге молодой супруги выглядит не таким уж неправдоподобным. Июнь—июль 1919 г. — очень тревожное время для Тюмени. С запада наступали части Красной армии. 14 июля был занят Екатеринбург, 8 августа красные были уже в Тюмени. В городе царила неразбериха, всеобщая сумятица, характерная для ситуаций смены власти. Кто мог, уезжал

⁵ ГАТО Ф. 254. Оп. 1. Д. 151. Лл. 313 об.—314.

или готовился покинуть насиженные места, эвакуировались части Белой армии. Так что вполне вероятно, что молодая особа, увлекшись каким-нибудь заезжим импозантным молодцем-офицером, покинула тревожный город, немолодого и больного супруга со скверным характером, большую семью (чего только не делает с человеком сильное чувство, ежели, разумеется, оно было). Возможно, что и обострение болезни было связано с тяжелыми переживаниями уже немолодого человека.

И еще один момент, который, будем надеяться, поможет прояснить историю самой рукописи. На обороте последнего листа (9 об.) черными чернилами скорописью середины XX в. сделана владельческая(?) запись: «Зоя Аленичева, 1944 г. Тюмень». Кто такая Зоя Аленичева, пока неизвестно. Может быть, сотрудница музея или краеведческого общества? Возможно, что рукопись поступила в фонды музея позже, после прекращения деятельности общества? Установить точную дату, по-видимому, будет уже невозможно. Документ хранится в папке с общим названием «Материалы общества научного изучения местного края», они не разобраны и не были зарегистрированы в инвентарных книгах.

О рукописи. Она представляет собой небольшую ученическую тетрадку с записями диалога, в ходе которого рассказывается несколько быличек, имевших и

имеющих до сих пор широкое хождение в народной среде — о встречах с нечистой силой, о «несчастливом месте», о лечении у лекаря, а также запись анекдота и двух сказок «Севасьян-балалаешник (бандурщик)», фрагмент сказки о работнике и неверной попаде. Записи сопровождаются заметками собирателя об обстоятельствах его работы, краткой характеристикой информантов. Автор также упоминает о рассказах, слышанных им из разных источников — об «окаянном» в реке Пышме, о видении цыгана в Кармаках, о каком-то видении в Тюменском Троицком монастыре. Сюжеты эти распространены и широко известны в фольклористике, но диалог, сопровождаемый ремарками, и запись, в некоторой степени передающая фонетический строй речи, хотя собиратель не всегда строго следует этому принципу, создают ощущение реальности, непосредственного присутствия и участия в этой беседе.

Рукопись публикуется в авторской редакции. Знаки пунктуации расставлены по современным нормам. В круглых скобках даются ремарки собирателя. Выделенные в тексте места передаются курсивом. Сохранена расстановка интонационных знаков — восклицательного и многоточия, но единого принципа их употребления нет. В одних местах, особенно в диалоге, они безусловно передают общую интонационную кар-

тину, в других указывают либо на пропуски в сюжетной линии повествования (многоточие),

либо на необычное, с точки зрения собирателя, употребление слов, например, «товарищ».

Материалы к биографии П.А. Городцова

* * *

[Л. 1] 30 сентября 1923 г. г. Тюмень. Я слышал от неграмотного Сидорова и его малограмотной жены (жителей дер. Антипино Тюм[енского] уезда) несколько рассказов о нечистой силе и (от Сидорова) три «сказки» (анекдотичные). Мне они показались заслуживающими внимания, потому что В[еликая] Революция, казалось бы, отбросила все предрассудки о нечистых силах. Выходит, значит, далеко не так.

Сидоров считался среди мужиков-крестьян одним из самых сознательных: его, например, откомандировали на С[ельско]-Х[озяйственную] выставку (в Тюмень); он говорил, что никого не боится, со всеми «будет разговаривать», и т.п.

Он рассказывал с большой охотой свои воспоминания и сказки: «на всю ночь хватит» (рассказов). (Сидоров) был на войне и рассказал о своих там приключениях (о них не пишу).

Кроме меня, слушали ещё несколько посторонних лиц (старушка, какая-то девушка и

др.), которые вмешивались в рассказ, делали подтверждения, замечания, сомневались и сами кое-что рассказывали. (Всего передать за недостатком времени не могу). // [Л.1 об.]

(Немного о моём записывании)

Так как времени у меня мало, так как я не спец[иалист] в этих записях, то весьма возможно, что не нужно было бы и совсем записывать ничего.

М.б., то, что здесь написано, миллион раз уже было записано и давным-давно известно. М.б., записано очень не научно и т.д. (передать я старался как можно точнее).

Если так, то запись возвратите мне, если же можно найти здесь кое-что нужное, возьмите для Об[щества] из[учения] м[естного] края.

Такие рассказы, вы знаете, попадают на каждом шагу. / [Л. 2]

Рассказ Сидоровой

Ехали один раз мы домой... зимой. Кони были хороши. По-

заде нас ехали тоже на парѣ и не могли догнать нас. Кони у них тоже были хорошие, но наши-то были лучше. *Вдрук(!)* спѣреди какой-то человек. Не сворачивает с дороги. Ну, мы как-то перегнали его и оглянулись... а кони едут шипко. Глядим, а он бежит за кашофкой и руками вот-вот схватится за кашаву... Ну мы фсе сразу смекнули, што это нечистой... Ох испужались мы товда.

Я спросил у неё: Почему вы думаете, что это именно нечистый, а просто не человек?

Сидоров: Какой уж там человек. Кони ехали вон как шипко, а «он» бежал фсѣ за нами, не отставал. Позадѣ нас парѣ ехала, и ту мы куды оставили... кто как нечистой!

Тогда Сидоров (муж) сказал: Нет верно, я верю. Один рас ехал я домой. Ехал, ехал и *вдрук(!)*// [Л. 2 об.] вижу, спѣреди меня едет кто-то на лошади... вер(ь)хом. Лошадь-то серая, хорошая. Сбруя фся новая, тожно хорошая, фся блестит, как серѣбряна. Одет он вроде казацкой одѣжи. Вот гляжу я на него, гляжу... и чѣ-то подумал... Ну вот я и говорю ему: «Товаришш(!), у те лошадь-то хороша, дак ты поезжай скорѣ... или давай дороги, я поеду скорѣ». Он нечо не говорит, молчит... Ну, думаю, нечистой.

Тогда вмешалась девушка: А воскресну-то молитву вы знаете.

Сидоров: Там не воскресна, не кака друга молитва не помогает. Тако уш окоянное место.

С-ва: Там, говорят, клат где-то лежит для щаслівова.

С-в: Да не нет-то, там не отклада дело-то, так уж там...

С-в: По дороге-то фсего одна верста деревня от деревни-то. Вот ишо чо рассказывают. В одной-ту, в нашей-ту, деревне-то мало девок... вот парни и ходят в другу деревню по-за-девкам.//[Л. 3] Шли один рас оне домой, *вдрук(!)* за ними чорна собака бежит. Парни-то фсе убежали, а один остался. ...Вот она бежит за ним, зубы скалит. Он остановится — она остановится, и так на силу он дошел до деревни.

Девушка: Да я бы еѣ ударила бы, собаку-то... Человек бы был — ну это другое дело.

С-ва: Попробуй ударь-ко «его», он те задерѣт!

С-в: Нет, нет чо говорить. Позапрошлой год там-то мальчишку нечистой замаял... Шол он в другу деревню, никово не задевал. Нашли потом его на дороге мертво и весь в синевцах, весь захлѣстан, ну кто как нечистой...

С-в (продолжает свой рассказ): ...ну вот, допустим, еду я и смотрю фсѣ на нево... Он молчит. Доехал до самой деревни, «ему» дальше, в деревни-то нельзя ехать-то... он оборотился да как свиснет! Я оглох, нечо думать перестал.

С-ва (перебивает его): Ведь две недели хворал потом, страх как испужался.

С-в: Заехал я (называет И. и О.) и нечо сказать не могу, оглох весь и замер. (И.О.) спрашивает

меня «чо с тобой, говори». Я оглох весь//[Л. 3 об.] замер. «Дай, — говорю, — закурить». Когда выкурил папироску, рассказал фсё, как и чё было (захворал потом, две недели робить не мог). «Надо «поладить»(!), — говорит (И.О.) и позвал одново там, мужик был, «ладил». «Поладил» он меня, я поехал домой, приехал — две недели лежал.

Я спросил: А кто этот мужик, который ладил?

С-ва: А знашь, веть в деревнях-то у нас фсё разны старушки да знахари лечат. Доктороф-то нету.

С-в: А так его вроде фершала.

Я спросил опять: Как же он лечил-то?

С-в: Да так, наговорами по лечебнику(!).

Старушка, которая слушала молча: Ну сейчас я буду врать. Я так слышала, если люди врут, я буду врать. Зажок один мужик огонь ф поле и сидит. Вдруг прилетат ведьма. Стала к огню и гретса. Гретса, а сама «ах, ах, ах» у огня-то и руки шоркат. Мужик взял головешку да рас по ведьме. Ведьма спрашивает: «Как тебя зовут?». Он и говорит: «Сама себе». Вот ведьма как завижжит, завижжит, и прилетели фсе черти и спрашивают: «Чо ты вижжишь, кто тебя ударил?». А ведьма кричит: «Сама//[Л. 4] себя, сама себя». Черти говорят: «Ну сама себя, дак и оставайся». Взяли и улетели. Мужик целой остался.

Девушка: Ладно, што догадливой, а то бы худо бы ему было.

С-в: А чо, я верю этому. Ездило один рас нас 18 чел[ове]к на Карапинское озеро неводить. Поневодили мы и лягли спать в избушку. Вдруг поднялся ветер ... буря! Вдруг дверь с петель упала. Мы фсе чо-то и подумали... «Тихо-тихо было и вдруг ветер». Вот заходят в избушку каки-то два мужика... мы фсе чо-то подумали. Вот зашли оне и стали к очагу греться. В избушках-то, знашь, не печки, а очашки такиё.

«Дайте нам, — говорят, — товаришши(!) закурить». С нами был один старичок, подошел к ним и говорит: «Что вы, товаришши, така буря, а вы курить». Смотрит, а оне открыли одёжу и греют (...) и ноги.

^aТут старушка заметила: Вот и ведьма так же подымала подол.^a

[Сидоров]: А ноги-то мохнаты таки. Старичек смекнул, что это не люди. Взял он мешочек и бросил его в огонь, нечо это не помогло, мешок-от с крупой был, а он думал, что с солью. Взял тогда (старик) мешок с солью и бросил в огонь. Когда соль затрещала, мужики-то как вскочат да закричат и выбежали. Буря сразу утихла, как не бывала.

С-ва: А двери как?

С-в: Двери опять на петлях стали, как не в чем ни бывало//[Л. 4 об.]

^a Запись на правом поле листа.

Сидоров (продолжает): Крестьянину всегда надо при себе держать соль или порох, нечиста сила боится соли и пороха.

С-ва: И керосина тоже.

С-в: Ишо расскажу я вам. Ехали мы один рас с (И.О.). Вдрук лошади стали и стоят. (И. Отч.) бил их, бил. Стоят! Поглядел, а спереди коней на дороге собака сидит, не сворачивает. (И. Отч.) смекнул, что это нечиста сила. И кони нейдут, почуяли (!), храпят. Взял тогда он и перекрестил коней левой рукой и наотмашь потом ударил кнутом по коням крест-накрест. Собака стала позаде коней, а была спереди. Кони поехали. Ладно умел он «ладить» кнут.

С-ва: Кони-то вперет чуют.

С-в: Крестьянину необходимо брать всегда кнут с собой, куда бы он не поехал: хоть лошасть стегать, хоть так.

Девушка: А я вот сколь годов живу — не видывала, не слыхивала нечистово и мест окоянных не видела.

С-в: Не видела, а пойдем-ко к нам в деревню да дай-ко свожу тебя я на поскотину ночью// [Л. 5] тогда и говори-ко, што не видела окоянново места.

* * *

Уже после революции мне пришлось побывать в нескольких деревнях, и везде крестьяне (которые мне встречались) верят в разных ведм, нечистую, окоянную силу, даже верят в

трехглавых змей (о трехглавом змее говорили в с. Созоново).

Один мальчишка рассказывал мне об «окоянном», который находится у устья р. Пышмы, и созоновские рыбаки боятся этого места. В Кармаках, как это рассказывал мне мой брат, некоторые видели одного цыгана, который ходил по земле, хотя давно уже был убит и похоронен при дороге. Цыган принял громадную величину и разгуливал, высываясь среди сосен, выше был он лесу. Рассказы о видении в монастыре на устах каждого тюменца, в видение поверила вся некультурная Тюмень. Не только какие-ниб[удь] коммунистические, но и вообще другие элементарные идеи тут воспринимаются неграмотным народом.//[Л. 5 об.]

Сказки (анекдоты)

Слово «сказки» принадлежит здесь Сидорову

I

Я служил в солдатах. Потом мне дали отпускную. Шел я, шел, устал и лёк отдохнуть. Приходит ко мне цыган и говорит: «Здорово, товаришш». «Здорово, — говорю, — знаком». Разговорились и пошли вместе. У него нечо нету и у меня нечо нету. А ись здорово стало охота. Подходим мы к речке у Кулаковой и видим: баба полощёт поросёнка и латка около ей стоит. Цыган и говорит: «Бабушка, продай поросёнка». Не продает. Товда взял цыган бабу под ... ко-

леном и столкнул в воду. Латку за ней бросили, взяли поросёнка и пошли дальше. Приходим в Каменку и заходим к одной старушке. Заходим к ней и говорим: «Бабушка, нельзя ли нам жарить поросёнка?». «Можно», — говорит. Потом спросили: «Не дашь ли нам чо-нибудь помазать поросёнка». Дала она нам всего. Посадили поросёнка в печку.

Вот циган и думает: «Как бы мне поросёнка съись». А я то же думаю. Вот циган и говорит: «Товаришш, давай//[Л. 6] спать: кто башше сон увидит, тот один поросёнка съес». «Давай», — говорю.

Я лёк на лафку, а он на полати. Вот ево там разжарило, натоплено здорово было, уснул циган, захрапел. Взял я поросёнка. Выташил и съел. А на место поросёнка положил лапоть. Вот циган встаёт, а я зашурил глаза, бутто сплю. Толкат он меня и говорит: «Эй, вставай, знаком». Я стал. Он спрашивает: «Ну, рассказывай, какой сон видел?». Я говорю: «Нет, сперва ты расскажи». Вот он и говорит: «Вижу это я горот, а у города большушшая долина. Полес я по етой долине на небо, лес, лес и залес на небо, вижу, там Бог с Боженятами едят, сел и я с ними ись. Ну а ты какой сон видел?». Я и говорю: «Я вижу, что ты с Богом ешь, и думаю — пускай себе ес у Бога, а я съем поросёнка, ну и съел ево». Посмотрел он в

печь, а там лапоть и в лапте косточки натыканы. Цыган и говорит: «Ты, — гврит, — не товаришшески сделал, знаком». Потом он ушол, и с тех пор я ево не видел.//[Л. 6 об.]

II

Севасьян-балалаешник (бандуршик)

Жил у одново мужика работник Севасьян. Звали его балалаешником, чуть что отработал — сразу берется за балалайку. На етово Севасьяна фсе вины валили: чуть что потерятса или скотина кака пропадёт, всё он виноват. Взял ето Севасьян балалайку и ушол от хозяина. Идёт ето он, идёт, и попадаетса ему медветь, и говорит ему: «Здорово, товаришш(!). Куда идёшь?». Стал рассказывать Севасьян. Што чо бы тако не сделалось, фсе на нево, фсе на нево. «И я такой-то, — говорит медветь, — пойдём вместе. Меня тожо все понапрасну ругают: где пропадёт скотина или потерятса — медведь, говорят, виноват». Шли, шли, Севасьян поигрывает, медведь поухиват, и попадатса им волк. Волк и говорит им: «Здорово, товаришши, куда пошли?». Севасьян-бандуршик и говорит: «Да вот чо бы не сделалось таково, все мы виноваты, вот мы и идём». «И я такой-то, — говорит волк, — чуть баран потерятса, все я виноват, пойдёмте вместе». Идут, одут. Один поигрывает, второй поухиват, а третий повыват. Попадаетса им чорт: «Здорово,

— грит, — товаришши, куда идёте?». Рассказал Севасьян-балалаешник, что за всяку беду оне виноваты. «И я такой-то, — г'врит чорт. — ⁶Пахал один мужик пашню, приустал. Ушол отдохнуть (соснуть). Какой-то другой мужик взял да распряк лошадей, а оглобли просунул скрость загоротку. Пусты оглобли мужик опять запрек по ту сторону загоротки и без лошади. Отдохнул мужик и видит, што лошадей нету (как скрость землю провалились), и давай кричать: «Штоп тебя, дьявол, так-то и так-то». А я при чем здесь, не какому дьяволу это не выдумать, чо мужик выдумат.⁶ Возьмите меня в свою компанью». Взяли они ево в свою компанью и пошли дальше. Шли целой день — один поухиват, другой повыват. День-то// [Л. 7] веть только ф сказке скоро идёт, а так-то веть он долгой. Шли, шли, подошли к избушке...*[в рукописи пробел]*

Вот стала к им летать Баба Яга-деревянна нога и вино у них попивать. Попьют оне и заметят, сколько останется. Глядят, на другой день уж убыло, чё делать. Стали они жеребья кидать — кому ночью надо караулить. Вышол номер волку.

Сидит он ночью караулит, вдрук прилетает Баба Яга-деревянна нога и стала пить вино. Волк выскочил на Бабу Ягу, а та как возьмёт ево в работу, да так оттузила, што тот еле-еле мок пошевелиться.

На другой день стали кидать жеребья, выпало медведю идти караулить. Прилетела Баба Яга, пьёт вино и говорит: «Ах, как хорошо!». А медведь и говорит: «Хорошо, да не твоё». Пьёт Баба Яга ишшо вина и опять грит: «Эх, фсё бы тако вино пить». А медведь и г'врит: «Хорошо, да не тебе». Пьёт Баба Яга, напилась и говорит: «Вот бы теперь бы побороться с кем». Медведь выскочил и кричит: «Ты зачем наше вино пьёшь?». Баба Яга и взяла ево в работу и оттузила ево ишшо пушше волка.

На третей день выпало черту караулить. Баба Яга и черта оттузила пушше фсех: еле-еле приплёлса к товаришам. // [Л. 7 об.]

На четвёртый день пошол караулить Севасьян-балалаешник. Сперва он пошол в лес и вырубил берёзу, сделал в неё шшель и вбил клин.

Сидит, сидит Севасьян-балалаешник, и вдрук прилетает Баба Яга и стала пить вино. Пила, пила, стала напиваться. Севасьян дернул одну струнку — Баба Яга выпила, ногой топнула, Севасьян дернул другую струнку — Баба Яга выпила, ногой топнула и взяла кружок (поплясала). Севасьян стал играть на фсе струны, Баба Яга заплясала. Плясала, плясала и говрит Севасьяну-бандуршику: «Севасьян-бандуршик, научи меня играть на балалайке». Севасьян и говорит: «Руки у тебя кривы, надо их выпрямить». —

^{6,6} Вставка с Л.10

«А как их выпрямить?» — «А вот слошь руки ладошками вместе и засунь в шшель». Ковда Баба Яга засунула руки в шшель, Севасьян-балалаешник вынял клин, берёза-то и зашшемила у ней руки-то, и некуда ей деваться. «Отпусти меня, — грит Баба Яга, — чо хошь дам тебе, приходи только ко мне». Ладно ...отпустил Севасьян Бабу Ягу...*[в рукописи далее пробел]*

Жили товариши, жили и говорят друк дружке://[Л.8] «В одной берлоге два медведя не живут. Давайте уговоримся, кто ково напугат, тово и будет избушка. — Давайте». Вот стал волк первой пугать. Ходит и воёт, и воёт. Потом заглядыват в дверь и гв'рит: «Есть ли кто здесь, товариши?». А те и говорят: «Да мы знам, што ето ты воёшь, чо нам тебя бояться». Пошол пугать медведь. Заухал, заухал. Нечо не испугались медведя. Потом пошол пугать черт. Поднялась буря, вода к самым окошкам подходит. А те знают, што ето черт их пугат, и нечо не бояться. Пошел пугать Севасьян-балалаешник. Пошол он к Бабе Яге-костяной ноге и попросил у ней платье. Надел он платье и полез в окно в избушку... вперед. Как увидели чорт и медветь, што к ним лезет Баба Яга, да как пустятся в лес, а волк выскочил из-за печки да ударился и убился оп косяк. И стал Севасьян-балалаешник жить. Я там у нево был, вино пил, в рот только нечо не попал, а по усам только текло.

* * *

Интересно употребление современного слова «товарищ». В пропущенных строках я терял в памяти нить рассказа.//[Л. 8об.]

III

Жил-был поп. Попадья у него крутила с дьяконом. Работник у нево был хороший и фсеё знал. Один рас пахал поп с работником землю, а попадья в это время заперлась с дьяконом. Вот поп и говорит работнику: «Иди-ко домой да вытаскай из дому пшеницу в анбар, а я до вечера попашу». Приходит работник домой и стучается. Попадья посадила дьякона в мешок и завезала верёфкой. Отворила двери работнику, а тот и гв'рит: «Матушка, мне батюшко приказал мешки с пшеницей в анбар стаскать». Попадья и гв'рит: «Ну да ладно, я найму ково-нибудь, стаскает, че веть деньги-то есь». Работник гв'рит: «Нет, — гв'рит, — матушка, чо зря деньгами сорить, я уш вытаскаю», — гв'рит. Попадья и гв'рит ему: «Ну таскай, да потихоничку». Таскат работник мешки да таскат, вот пришла очередь до дьякона. Взял он ево, на плечи взгрёп и поташшил. А на леснице бут-то запнулся и уронил дьякона с сенок, а сенки-то высоки были. Стонет дьякон в мешке. Попадья давай ево ругать. «Пшеницу ту, — грит, — рассыплёшь». Ну а чё, разе работник не понимает, кака тут

пшеница. Заташшил он ево в анбар, да как стукнет оп пол...

(Несколько раз попадался дьякон работнику, и работник каждый раз то или ударит дьякона, или бросит его с чердака. Анекдот слишком длинный и, как мне кажется, не стоящий большого//[Л. 9] внимания, так таких анекдотов рассказывается тысячи и, вероятно, во многих местах записаны. Думаю, стоит записать только конец).

Приходит работник опеть и стукатса. Попадья спрятала дьякона в боченок ис-пот голанской сажи. Отворят попадья двери, а в дверях-то поп с работником. Отлупил поп попадью плетью, а работник помогал. Потом налил работник смолы

в бочку и напускал куричьево пуху. Потом покатил по улище черес фсю деревню боченок с дьяконом. Потом стал работник говорить, што будет окаяннова казать по рублю с человека. Насобирали он полну шапку денёк, а потом открыл боченок. Дьякон выскочил весь в пуху да бежать. А работник стал жить да поживать, да самогонку попивать, я там был...

(Здесь достойно внимания, по-моему, то, что рассказчик относится с уважением к попу. Поп здесь очень и очень трудолюбив, справедлив и добр к работнику. Все это с крестьянской точки зрения).

П.П. Городцов(?)

1 октября, 1923 год.

Приложение¹

1913 года Апреля 30 дня, по Указу Его Императорского Величества, Тобольский Окружный Суд, по Гражданскому Отделению, в публичном судебном заседании, в которое никто не явился, в составе:

Председательствующего Члена Суда И.Ф. Виткевича,
Членов Суда:

Н.Н. Москаленко и Доб. Мир. Суд. В.И. Гидзинского при Товар. Прок. Г.И. Пичета, Секретарь А.А. Леонтьев

Слушал: дело по прошению Потомственного Почетного Гражданина Коллежского Советника Петра Алексеевича Городцова об усыновлении ему детей Пелагеи Ефимовны Аксаринной, Петра, Людмилы, Романа, Веры и Ростислава.

Рассмотрев настоящее дело, а равно выслушав заключение Прокурорского надзора, Окружный Суд находит, что Коллежский Советник Петр Алексеевич Городцов ходатайствует об усыновлении ему крестьянских детей Петра, Людмилы, Романа,

¹ В качестве приложения публикуем еще один документ, обнаруженный В.Я. Темплингом в ГАТО (Ф. 83. Оп. 1. Д. 47. Лл. 3-4)

Веры и Ростислава Аксариных с присвоением им отчества и фамилии усыновителя; что в силу 145—145-1, 146, 149 и 152 ст. ст. Х т. 1 ч. св. зак. гражд. усыновитель может усыновить чужих детей при условии, если у него нет ни законных, ни узаконенных детей, если он имеет от роду не менее 30 лет и старше усыновляемого по крайней мере на 18 лет и если последует согласие родителей усыновляемого на усыновление; что из представленных просителем в копиях безсрочной паспортной книжки за № 2681-м и аттестата Тобольского Губернского Управления от 26 Августа 1908 года за № 3151-м, а также удостоверения Тюменского Уездного Полицейского Управления от 10 Апреля 1910 г. за № 3173-м видно, что Городцов вдов, имеет от роду 48 лет, ни законных, ни узаконенных детей не имеет; что усыновляемым им Петру, Людмиле, Роману, Вере и Ростиславу, каждому в отдельности, не более 10 лет (Петру 10 лет, Людмиле 9 лет, Роману 6 лет, Вере 4 года и Ростиславу менее года) и усыновляемые внебрачные дети крестьянской девицы Пелагеи Ефимовой Аксариной, как это видно из метрических причтов а) село Караульноярской Христорождественской церкви Тобольской Епархии от 15 Декабря 1912 года за № 167 три выписи, б) градо-Тюменской Собороблаговещенской церкви от 11 Декабря 1912 года за № 243

и в) Тюменской Крестовоздвиженской церкви от 11 Декабря 1912 года за № 260-м — таким образом, усыновитель имеет более 30 лет и старше каждого из усыновляемых более чем на 18 лет, что мать усыновляемых Петра, Людмилы, Романа, Веры и Ростислава — Пелагея Ефимовна Аксарина изъявила свое согласие на усыновление своих детей Петру Алексеевичу Городцову, о чем и дала подписку 18 февраля 1913 года, засвидетельствованную Тюменским Нотариусом Сакенко того же 18 Февраля 1913 года по реестру за № 771-м; что Петр, Людмила, Роман, Вера и Ростислав, как дети крестьянки, пользуются меньшими правами, чем усыновитель Коллежский Советник Петр Алексеевич Городцов, по происхождению Потомственный Почетный Гражданин, а по приобретенным по службе чинам личный дворянин, почему ходатайство его о присвоении усыновляемым Петру, Людмиле, Роману, Вере и Ростиславу фамилии «Городцовы» подлежит удовлетворению, равным образом подлежит удовлетворению ходатайство просителя Городцова о присвоении усыновляемым им Петру, Людмиле, Роману, Вере и Ростиславу отчества его усыновителя «Петровы», так как усыновляемые внебрачные дети и своего отчества не имеют /98/32/, что таким образом ходатайство Городцова, изложенное им в прошении, вступившем в Суд

8 Марта 1913 года, подлежит удовлетворению. В силу вышеизложенных соображений, согласно с заключением Прокурорского надзора и руководствуясь 1460 8—10 ст.ст. Уст. Гр. Суд. 145, 145-1, 146, 149 и 152 ст. ст. X т. 1 ч. св. зак. гражд. Окружный Суд Определил: крестьянских детей Тобольской губ. Тюменского уезда Караульноярской волости и села Петра Аксарина, родившагося 8 Января 1903 года, Людмилу Аксарину, родившуюся 4 Апреля 1904 года, Романа Аксарина, родив. 1 марта 1907 года, Веру Аксарину, родив. 11 сентября 1908 года, и Ростислава Аксарина, родив. 26 Августа 1912 года, усыновить Коллежскому Советнику Петру Алексеевичу Городцову, присвоив усыновляемым Петру, Людмиле, Роману, Вере и Ростиславу Аксариным впредь именоваться отчеством «Петровы» и фамилией усыновителя «Городцовы». Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно: Секретарь Леонтьев.

Сверял: Пом. Секретаря Ростовщиков.

Настоящая копия выдана из Тобольского Окружного Суда, по Гражданскому Отделению Присяжному Поверенному

Петру Алексеевичу Городцову. Гербовый сбор и канцелярския пошлины внесены. Мая 18 дня. 1913 г. № 11395.

За Товарища Председателя Москаленко.

(м.п.)

Секретарь Леонтьев,

Помощ. Секретаря Ростовщиков.

Я, нижеподписавшийся, удовлетворяю верность этой копии с подлинником ея, представленным мне, Григорию Владиславовичу Борковскому, Тюменскому Нотариусу, в конторе моей по Царской улице в доме Панкратьевой, Присяжным Поверенным Петром Алексеевичем Городцовым, живущим в городе Тюмени. При сличении мною этой копии с подлинником в последнем подчисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей замечено не было. Подлинник оплочен гербовым сбором.

21 Апреля 1917 года По реестру № 643.

Настоящий документ назначается в учреждения, производство коих изъято от гербового сбора.

Нотариус (подпись)

Публикация В.Я. Темплинга

Белов Станислав Леонидович родился 25 сентября 1974 г. В 1996 г. окончил исторический факультет ТГУ, защитив дипломную работу по теме «Становление яхвистской традиции и её корреляция с движением пророков бога Яхве». С ноября 1995 г. — научный сотрудник Тюменского областного краеведческого музея. Участник и организатор ряда историко-бытовых экспедиций. Автор публикаций по истории еврейской общины, сталинских репрессий, театра, промышленности, краеведческого движения и массового сознания 1920-х гг. Постоянный автор «Лукича». Один из авторов «Фальшивого Лукича» (2003).

Тюменское общество научного изучения местного края в 1920-е годы

Тюменское общество научного изучения местного края — одна из неизвестных страниц истории нашего региона. С одной стороны, о нём знают все, кто когда-либо всерьёз занимался краеведением, с другой — никто не знает о нём столько, сколько необходимо хотя бы для элементарного описательного очерка с указанием основных дат и событий в истории этого интереснейшего культурного феномена. Поэтому столь важно, на наш взгляд, проанализировать потенциальную источниковую базу такого исследования. В условиях, когда документы общества утрачены либо рассеяны по многочисленным архивным фондам, большую роль приобретает изучение местной периодической печати, которая в 1920-е годы уделяла деятельности краеведов немало

внимания. Краткий вариант настоящей публикации представлен в

«Ежегоднике ТОКМ 2001 г.» — туда вошло не более трети газетных статей. Сегодня мы предлагаем вниманию читателя все выявленные нами публикации того времени, составившие более полные комментарии. Последние также претерпели некоторые изменения, будучи дополнены и уточнены.

Главной проблемой, с которой столкнулся автор при составлении примечаний, стало практически полное отсутствие информации по большинству персоналий. В литературе можно встретить разрозненные све-

дения о достаточно узком круге краеведов 1920-х гг. — Россомахин, Городцов, Мартэн, Шульц. Десятки же других исследователей края забыты. В лучшем случае, мы знаем их фамилии, реже — написанные ими работы, в исключительных случаях — фрагменты биографии. Мы постарались максимально полно осветить жизнь и деятельность каждого, сообщив всё то небольшое, что удалось узнать в ходе подготовки публикации.

К сожалению, по техническим причинам (как обычно, не хватило времени) нам не удалось поработать с документами самого общества, рассеянными по различным фондам ГАТО (и не только там). В то же время был задействован ряд новых, до сей поры совершенно не использовавшихся исследователями источников, которые достойны хотя бы краткой характеристики. Прежде всего, это список сотрудников Тюменского сельскохозяйственного техникума на 31.01.1924 г. (ГАТО. Ф. 1202. Оп. 2. Д. 1), выявленный сотрудницей музея Ю.А. Соловьёвой. В сущности, это своего рода анкета в виде таблицы из 26 колонок, составленная на всех без исключения сотрудников техникума — от заведующего до уборщицы. Этот источник содержит информацию о полных фамилиях, имени, отчестве сотрудника, его должности, домашнем адресе, количестве чле-

нов семьи, основной специальности, дате и месте рождения, национальности, сословном происхождении, образовании, отношении к воинской повинности, сообщает, откуда каждый из них прибыл в Тюмень и находился ли под судом.

Ценнейшие сведения содержатся в документах отдела ЗАГС Комитета ЗАГС администрации г. Тюмени, прежде всего (применительно к интересующему нас периоду), в актовых записях о смерти. В архиве отдела ЗАГС хранятся алфавиты и актовые записи о смерти в г. Тюмени с 1918 г. Форма и полнота заполнения записи менялись со временем, но в большинстве случаев фиксировались: ФИО умершего, даты смерти и составления записи, адрес умершего, причина смерти, ФИО и адрес заявившего о смерти. В некоторых случаях указывались также профессия умершего, его сословная принадлежность, место работы, основной источник дохода (для иждивенцев — основной источник дохода лиц, на иждивении которых они находились), национальность, наличие наследства и др. Трудно переоценить значение этого источника для краеведческих изысканий, особенно для реконструкции биографий тюменцев. Автор выражает особую благодарность работникам отдела ЗАГС Комитета ЗАГС администрации г. Тюмени: Надежде Ильиничне Бойко, заведующей отделом,

Елене Андреевне Хожаевой, начальнику архива, и Наталье Владимировне Музыченко, сотруднику отдела, за понимание и содействие, оказанное при подготовке настоящей публикации.

Благодаря использованию вышеназванных источников нам удалось установить хотя бы минимальные сведения о жизни и деятельности многих краеведов 1920-х годов.

При подготовке публикации были просмотрены все номера газет «Трудовой набат» и «Красное знамя» за 1920-е гг. Все тексты публикуются полностью, без купюр. Орфография оригинала сохраняется за исключением явных опечаток.

* * *

В о-ве изучения местного края **Гибель Севера**

В течение нескольких последних заседаний, на повестке дня стоял вопрос об условиях возрождения и оживления Тобольского Севера.

Докладчик Н.А. Самотёсов¹ подробно выяснил, что все промыслы Севера пали: меньше стало добываться и рыбы и пушнины. Так, в сезон 1919–1920 гг. всего было собрано разной пушнины 440.500 штук, а за период 1912–16 г. в среднем в год собиралось 1200422, т.е. вдвое больше. Благодаря этому в настоящее время замечается увеличение животного мира Севера в

такой степени, что размножение хищных зверей (медведей и волков) стало в сильной степени вредить скотоводству северянина и даже угрожать его жизни. Сокращение рыболовства, в свою очередь, увеличило количество рыбы, находящейся в водах севера.

Несмотря, однако, на это, местные жители, охотники и рыболовы, состоящие из 61.000 человек русских, остяков и самоедов, не в состоянии использовать увеличившегося богатства. У них нет ружей, нет пороха, дробы и патронов, нет рыболовных снастей и нет, наконец, предметов первой необходимости для себя, т.е. хлеба, одежды и утвари и пр. Всё это прежде доставляли им частные предприниматели торговцы в обмен на рыбу и пушнину, чаще авансом в счёт добычи. Теперь при уничтожении частного аппарата, этот источник снабжения прекратился, а государство, при оскудении своих ресурсов, также не может дать этого Северу принуждённое снять с государственного снабжения даже своих служащих, работающих там.

Положение создаётся катастрофическое.

Промыслы падают ещё больше, а с ним могут погибнуть и производящие их жители в полярных странах. С гибелью населения край окончательно замрёт на долгие годы.

¹ Затекстовые комментарии см. на СС.64–74 данного издания. — *Прим. издателя.*

В предупреждение этого необходимо, по словам докладчика, теперь же снабдить Север, кроме предметов питания и домашнего обихода, следующими предметами промысла: 1) 900000 саж. рыболовных снастей, 2) 20 000 ружей, 3) 15.000 п. свинца, 4) 1.000 п. проволоки. Кроме того, для использования лесов, недр земли и других богатств Севера должны быть устроены лесопильные и механические заводы, консервная фабрика, заводы для приготовления масла из кедровых орехов, преложены рельсовые пути, созданы склады и оборудованы пристани в устье Оби, должен быть создан речной флот для подвозки продуктов выработки к устью Оби и морской для вывозки за границу. Кто, спрашивается, может это сделать?

Представители местной кооперации говорили, что оживить Север может кооперация и что заграничный капитал туда пускать не следует, так как пойдёт к нам сейчас капитал хищнический, который только разорит наши богатства.

На это большинство участвовавших в прениях возражали, указывая, что для обуздания капитала можно выработать условия сдачи концессий на Севере, гарантирующие русские интересы. Что касается кооперации, то она не может справиться с теми задачами, какие ей поставлены здесь и, конечно, ей не под силу брать ещё новые, тем более что материальные ценности, нужные

для Севера, она может черпать только внутри России, где их также очень недостаточно и, если бы ей это даже удалось, то было бы в ущерб остальной России.

Наоборот, иностранный капитал может всё достать извне и доставить сразу, тем более что за границей сейчас безработица и массовое перепроизводство товаров. В силу этого, при голосовании большинство участников совещания в обществе изучения местного края высказалось за привлечение иностранного капитала. В этом смысле и была вынесена резолюция. Детальное рассмотрение условий, на которых была бы возможна сдача помещений², будет предметом обсуждения следующих собраний о-ва.

А. С.

*Трудовой набат. 1922.
12 марта. С.А.*

* * *

В о-ве изучения местного края
**Собрание материалов
для биографии И.Я. Словцова**

Общество изучения местного края приступило к собиранию материалов для биографии основателя Тюменского музея И.Я. Словцова³. 22 марта состоялось собрание небольшого кружка лиц, знавших покойного, главным образом, как педагога. На собрании были заслушаны и записаны воспоминания участников о педагогической деятельности И.Я.

Такие собрания предполагается устраивать и впредь. Кро-

ме того, общество обращается ко всем, у кого имеются какие-либо материалы для биографии И.Я., касающиеся многообразных сторон его деятельности, с просьбой предоставить эти материалы во временное или постоянное пользование о-ва.

Сообщение всякого материала, как бы он ни казался незначительным, будет принято об-вом с большой благодарностью. Сообщать материалы можно или в библиотеку Губмузея (Никольская, 2) ежедневно с 9 до 3 ч., или во время собраний об-ва, о дне которых бывают публикации в газете.

*Трудовой набат. 1922. 26
марта. С.4.*

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 3 апреля в 7 часов вечера в помещении Губмузея (Никольская, 2) имеет быть общее собрание членов о-ва изучения местного края. Повестка: 1) Доклад А.Н. Серебренникова⁴ «Значение лесов на влагооборот и урожайность хлебов», 2) Доклад П.А. Мартэн⁵ «Растительные суррогаты питания в Тюменской флоре», 3) Текущие дела. Вход свободный.

*Трудовой набат. 1922.
1 апр. С.4.*

* * *

К любителям природы

Тюменское общество изучения края обращается ко всем наблюдателям и любителям приро-

ды с просьбой не отказать в присылке сообщений о времени появления в их местности перелётных птиц, грачей, жаворонков, скворцов и других известных наблюдателю птиц, упоминая как об единичных, передовых, так и о массовых, общих прилётах; о появлении первых насекомых и других животных, отсутствовавших в зимнее время; о времени зацветания первых экземпляров полевых цветов, о появлении зелёной «дымки» (зеленении) и зацветании древесных и кустовых растений; о вскрытии местных вод; о началах полевых работ, о первой весенней грозе и других периодических явлениях местной природы. Кроме того, желательны получить сообщения о времени начала токов, кладки яиц, выводке птенцов, линянии, начале и окончании спячки зверей, смены зимней и летней одежды; о времени метания детёнышей, случае массового переселения и о других выдающихся явлениях в жизни птиц и животных. В посылаемых сведениях просим сообщать точный адрес наблюдения; также точное число и месяц данного наблюдения. Все почтовые расходы по пересылке сведений будут оплачены обществом.

Сведения просят присылать по адресу: Тюмень, Губмузей.

*Трудовой набат. 1922.
11 апр. С.3.*

* * *

В о-ве изучения местного края

Во вторник 2-го мая в 7 часов вечера имеет быть очередное

собрание членов о-ва (Никольская, 2, библиотека Губмузея).

Повестка: 1) Доклад П.С. Суханова⁶: «Поднятие земледелия на Севере как средство облегчения кризиса продовольствия и транспорта», 2) Обсуждение нормального устава, предложенного всероссийской конференцией научных о-в, 3) Текущие дела.

Вход свободный, просьба не запаздывать.

Трудовой набат. 1922.
29 апр. С.З.

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 15 мая в 7 час. вечера состоится очередное собрание членов о-ва в помещении библиотеки Губмузея (Никольская, 2).

Повестка: 1) Доклад инж. М.Л. Липского «Консервное дело на Тобольском Севере», 2) Текущие дела. Вход свободный.

Трудовой набат. 1922.
14 мая. С.4.

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 22 мая в 7 часов вечера в помещении библиотеки Губмузея имеет быть очередное собрание членов о-ва, повестка: 1) Доклад П.С. Суханова «О постановке сельского хозяйства в Берёзовском и Сургутском уездах», 2) Текущие дела. Вход свободный.

Трудовой набат. 1922.
21 мая. С.4.

* * *

В о-ве изучения местного края

На одном из последних собраний общества был заслушан краткий отчёт о его деятельности. Общество основано 3 августа 1920 г., но начало работать более или менее интенсивно только с января 1921 года. Число общих собраний за время существования — 34, на них сделано научных докладов 15; посещаемость собраний членами колебалась между 12 и 45. Число членов, возросшее было, по меньшей мере, до ста с лишним человек, в настоящее время составляет 36 активно работающих по мере возможности. Общество, имеющее согласно уставу своей целью «всестороннее изучение природы, истории края и быта его населения, а также способствование научно поставленной разработке и охране его природных богатств», затрагивало в своей деятельности разносторонние вопросы.

Научные доклады по своему содержанию могут быть разделены на доклады по этнографии (3 д.), по географии (1 д.), по местной истории (2 д.), по сельскому хозяйству и лесоводству (5 д.), по экономическим вопросам (4 д.).

Кроме научных докладов Президиумом и членами общества разработаны и переданы в административные органы доклады по отдельным вопросам, как, например: «О нецелесообразности забойки оленей в 1921

году», «Об охране памятников природы и о создании заказников», «О снабжении продовольствием инородцев губернии», «По вопросу отделения губернии на новые административные единицы» и пр. Был разработан подробный проект экспедиции в верховья реки Конды с разнообразными заданиями, оставшийся неосуществлённым из-за общего положения в губернии.

Совместно с Губернским музеем велась работа по составлению археологической карты губернии, по составлению библиографий по Тобольской губернии и Западной Сибири вообще; приступлено к собиранию материалов для биографий местных деятелей (И.Я. Словцова). Членами общества производились ботанические сборы флоры окрестностей Тюмени, зарисовывались характерные старинные постройки города, велись фенологические наблюдения, собирались материалы по народной словесности и собрано некоторое количество археологических находок.

Общество завязывало сношения с рядом аналогичных организаций, главным образом в Сибири; между прочим, и с центральной международной орнитологической станцией в Росситене (Германия) по вопросу о кольцевании перелётных птиц. Попытки общества создать сеть корреспондентов по всей территории губернии до

сих пор увенчались слабым успехом.

Не могло не отразиться на деятельности общества, как бандитские движения в прошлом году, которые ограничили круг его работ почти исключительно пределами города, так и главным образом, новая экономическая политика, лишившая его почти всякой возможности получения средств от Казны.

Общих собраний в летнее время созывать не предполагается; они занимаются работой по отдельным секциям.

Трудовой набат. 1922.

4 июня. С.З.

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 16-го октября в 7 часов вечера в библиотеке Губмузея Никольская ул., 2 имеет быть собрание членов о-ва.

Повестка: 1) Установление размера членского взноса и обсуждение бюджета о-ва, 2) Доклад «Из Тюменской старины» В.Г. Молодых⁷, 3) Текущие дела. Вход свободный.

Трудовой набат. 1922.

17 окт. С.2.

* * *

В о-ве изучения местного края

Знахари и гадания

Два последних собрания о-ва в большей своей части были посвящены народной медицине.

Доклад из литературного наследия П.А. Городцова⁸ на тему «Маги в народной медицине» дал яркую картину тех невозможных приёмов лечения, которые до сих пор широко применяются. Прения после доклада выяснили значительность вреда, который наносится народному здравью знахарством вообще и в частности упомянутыми приёмами. Весьма интересен был также доклад и «гадания на бобах» и «гадания на растении», материалы для которого также были собраны П.А. Городцовым. Эти гадания так же живучи, как и древние виды народного суеверия и только постепенно меняются в деталях обряда.

Местная флора

На втором собрании П.А. Мартэн сделал доклад на тему «Лекарственные растения» Тюменской губернии и их применение в научной и народной медицине. С одной стороны, докладчиком дано подробное описание сорока одного вида местной флоры применяющейся в народной медицине и большей частью безразличной для организма. Незначительная часть растений входит также в фармакопею, является положительно вредною. Перечень растений, сделанный докладчиком, далеко ещё не исчерпывает всех употребляемых в Тюменской губернии для лечения видов растений.

Во второй части своего доклада тов. Мартэн сообщил об успехах достигнутых в области сбора лекарственных растений начиная с 1921 года, когда это дело впервые было более или менее налажено в губернии. Отдельные попытки сбора их в начале германской войны не достигли большого развития. В настоящее время можно считать достаточно выясненным, что местная флора может не только дать ценный продукт для вывоза за границу и для получения валюты, но, пожалуй, и пополнить тот пробел в лекарственных средствах, который сейчас так остро ощущается. Доклад, выслушанный с большим интересом и вниманием, вызвал оживлённый обмен мнениями.

*Трудовой набат. 1922.
17 нояб. С.5.*

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 27-го ноября в 7 часов вечера в библиотеке музея (бывш. Коммерческое училище) состоится очередное собрание членов о-ва.

Повестка: 1) Доклад агронома П.С. Суханова о своей работе по изучению озимого клина (посевов) на территории Тюменской губ. за истекшие 25 лет с 1897—1921 гг., 2) Текущие дела. Вход для всех свободный.

*Трудовой набат. 1922.
25 нояб. С.2.*

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 4 дек. в 6 ч. веч. в библиотеке Губмузея состоится внеочередное собрание членов о-ва. Повестка дня: 1) Доклад выставки Е.И. Симонова⁹ — «Опыт изучения истории г.Тобольска», 2) Выставка экспонатов по изучению автора «Конька-Горбунка» П.П. Ершова, 3) Прения по докладу П.С. Суханова, бывшему 24 ноября.

Вход платный — 100 р. Деньги пойдут на укрепление средств кабинета имени Ершова.

Трудовой набат. 1922.

3 дек. С.4.

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 11-го декабря в 7 часов вечера в помещении библиотеки Губмузея имеет быть очередное собрание членов общества. Повестка дня: 1) Прения по докладу П.С. Суханова «Об озимом клине»; 2) Краткое сообщение о поездке в д.Киндерскую Л.Р. Шульц¹⁰; 3) Текущие дела.

Трудовой набат. 1922.

10 дек. С.4.

* * *

В о-ве изучения местного края

После докладов П.С. Суханова «Работа по изучению озимого клина Тюм. губернии за 25 лет» и Г.И. Симонова «Опыт по проведению курса родиноведения в г.Тобольске» был прочитан доклад А.К. Сереб-

ренникова¹¹ «Историко-археологическое описание Тюменского Благовещенского собора». Интересный доклад, иллюстрируемый демонстрацией старинных икон, рукописей и планов г.Тюмени и Собора, ценен тем, что он впервые обратил внимание членов о-ва на один из немногочисленных памятников Тюменской старины, мимо которых большинство обычно проходит без внимания: между тем собор по ряду архитектурных деталей заслуживает безусловного внимания: желательным было бы даже некоторых из них восстановить в первоначальном виде, какими они были до неумелой реставрации. Особенно интересны орнаменты окон из разноцветных поливных изразцов и такая же надпись из славянской вязи хорошей работы начала 18-го века. Собрание вынесло пожелание дальнейшего изучения местных архитектурных памятников.

Трудовой набат. 1922.

30 дек. С.2.

* * *

В о-ве изучения местного края

На очередном собрании о-ва 16 апреля заслушан доклад В.Ф. Ларионова¹² «О птицах, зимующих в окрестностях Тюмени». Интересный сам по себе доклад, особенно ценен тем, что затрагивает одну из наименее разработанных сторон наблюдений над сибирской орнитофауной: над зимним передвиже-

нием птиц. В частности в окрестностях Тюмени, насколько нам известно, подобных наблюдений не было со времени работ И.Я. Словцова, по крайней мере, они не появлялись в печати. Наступающая весна и период гнездования выдвигают другую очередную работу по орнитологии: кольцевание перелётных птиц. Алюминиевые литерные кольца для этой цели получены обществом от центральной орнитологической станции в Россытени (в Германии), которая ведёт наблюдения в международном масштабе. Частью колец о-во поделилось с краеведческими организациями в Тобольске и Обдорске. Необходимо также приступить к весенним фенологическим наблюдениям и к наблюдениям над весенним разливом рек и водоёмов.

Для участия о-ва в сборе материалов по кустарным промыслам Тюм. уезда, именно — по ковровому промыслу для Всероссийской с.-х. выставки губ. выстком ассигновал 100 руб. Главнаука Акцентра по-прежнему поддерживает о-во небольшими, но регулярными ассигнованиями. Центральное бюро краеведения при Академии Наук избрало своим членом-корреспондентом председателя правления о-ва т. Шульц. Госиздательство также как К.Е.П.С. и другие научные организации продолжает уделять о-ву часть своих изданий,

которые поступают в научную библиотеку музея. Местным художником В.П. Барашовым¹³ в дар о-ву и музею, в дополнение к прежним, преподнесён ряд акварелей с изображением типичных старинных строений Тюмени.

*Трудовой набат. 1923.
22 апр. С.4.*

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 14 мая в библиотеке Губмузея (здание б. Коммерческого училища) имеет быть в 7 часов вечера общее собрание членов О-ва. Повестка дня: 1) Доклад П.С. Суханова «Личные воспоминания о Г.Н. Потанине¹⁴ по преимуществу как этнографе», 2) Заметки о поездке в юрты Киндерские — Л.Р. Шульца (не прочитанные на прошлом заседании) и 3) Текущие дела. Вход свободный.

*Трудовой набат. 1923.
12 мая. С.4.*

* * *

На пути к изучению Ишимского края

Изучение местного края — в отдалённых пунктах нашего обширного государства, до сих пор ещё является делом частного почина. По чьей-либо инициативе организуется на добровольных началах общество и несёт на себе по мере сил всю тяжесть этой работы. Перед началом организации тако-

го общества практикой рекомендуется проводить предварительную целую агитационную кампанию, которая ставит себе целью убедить сограждан в том очевидном обстоятельстве, что края своего они не знают, что изучить его необходимо раньше, чем заманчивые «заморские страны» и пр. Такие печальные случаи, когда нашего родного города не отыскать ни на одной географической карте, а в учебнике сведения о нём и уезде не идут дальше сообщений о занимаемой площади и количестве населения — аргумент не всегда убедительный. «Какую, мол, ценность может представлять наше захолустье».

Захолустье же это, как наш Ишимский уезд, занимает площадь в 37 604,6 кв. вёрст с полумиллионным населением. Край богатейший во всех отношениях. Есть верные основания предполагать, что эта площадь была когда-то ареной исторических событий: по уезду то там, то здесь разбросаны древние курганы, могильницы. Довольно часто находят ценные кости мамонта и пр. А сколько всевозможных видов растений, насекомых, птиц и зверьков может таиться на такой огромной площади? Сколько ценных, может быть совершенно не исследованных научных материалов могло бы дать умелое и добросовестное изучение. Несмотря на всё это, к изучению Ишимского уезда, как отдель-

ного края, было приступлено лишь только в 1920 г. по инициативе инструктора внешкольного п-о У.О.Н.О. т. Манухина П.И. Но его почин, по причинам чисто объективного характера, не пошёл дальше области начинаний. Сколоченный им для этой цели кружок, просуществовал месяца 1½ и распался. Дело казалось безнадёжно погибшим.

Совершенно неожиданно, в конце октября 1922 г. вопрос об организации музея и общества краеведения при Ишимском доме советов настойчиво вносится на обсуждение президиума У.И.К. зав. отд. упр. уездом т. Пыжовым. Идея быстро прививается, отводится помещение, отпускают возможную сумму денег на первое время работ. В начале января 1923 г. т. Пыжов организовал из 5 человек инициативную группу, которая энергично приступила к предварительным работам. За основу работ, временно пришлось принять оборудование местного музея и вербование путём пропаганды членов о-ва с таким расчётом, чтобы через них связать себя со всем уездом. Умело направляемая работа группы в течение 5 месяцев своей деятельности дала вполне очевидные результаты.

В настоящее время о-во состоит из 45 членов, среди которых есть лица с высшим и археологическим образованием, возглавляется правлением из 5

человек и руководствуется примерным уставом краеведения, утверждённым Всерос. съездом научных обществ. Ведутся постановки лекций, метеорологические наблюдения за уровнем воды в р.Ишим. Почти по всему уезду через своих членов начаты работы по прямым заданиям изучения края. В течение лета предполагается приступить к частичным раскопкам курганов. 3 июня состоялось открытие местного музея. Музей имеет приведённое в полный порядок помещение и вполне достаточное для начала количество экспонатов по трём отделам: историческому, зоологическому и местного быта. Путь верный, а общество обещает быть жизненным.

О. Андреев

*Трудовой набат. 1923.
13 июня. С.2.*

* * *

В о-ве изучения местного края

В аудитории техникума состоялась чрезвычайно интересный доклад члена северо-западной экспедиции Академии наук Р.П. Митусовой¹⁵ на тему «Материалы к этнографии и антропологии аганских остяков». Доклад сопровождался демонстрацией части большой этнографической коллекции, собранной докладчицей (другая часть отправлена из Сургута в академию), среди которой имеются вещи, предназначенные для музеев нашей губернии.

Помимо чисто научного интереса доклад затронул ряд вопросов, давно ждущих своего разрешения, а именно: о необходимости обеспечения иногородческого населения медицинской помощью, о снабжении его охотничьим оружием и огнестрельными припасами и регулировании обложения.

*Трудовой набат. 1923.
3 нояб. С.4.*

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 26 ноября в 7 часов вечера в естественно-историческом кабинете Промтехникума имеет быть общее собрание членов о-ва; повестка дня: 1) Доклад Н.И. Бердникова¹⁶ «Из итогов обследования рыбного промысла на Севере летом 1923 г.», 2) Сообщение о всесоюзной с.-х. и кустарно-пром. выставке, доклад гр. Дмитриева¹⁷, П.А. Мартэн, Н.Е. Сорминского¹⁸, Г.С. Серкова¹⁹, Л.Р. Шульца, 3) Текущие дела.

*Трудовой набат. 1923.
24 нояб. С.4.*

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 17 декабря в 7 часов вечера в помещении техникума имеет быть очередное собрание членов о-ва. Повестка дня: 1) Доклад Г.С. Серкова «Новые культуры Тугулымской волости и их значение», 2) Доклад правления

о-ва — план работ на 1924 год,
3) Текущие дела.

*Трудовой набат. 1923.
15 дек. С.4.*

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 4 февраля с.г. имеет быть общее очередное собрание членов о-ва в помещении техникума в 7 ч. веч. Повестка дня: 1) Отчёт ревизионной комиссии, 2) Выборы правления, 3) Доклад И.Ф. Огибалова²⁰ «Тригонометрические и астрономические работы в Тобольской губ.».

*Трудовой набат. 1924.
2 февр. С.4.*

¹ Самотёсов Н.А. (?-?) — член ТОНИМК, некоторое время входил в состав президиума общества. Покинул Тюмень в 1922–23 гг. Автор ряда докладов, сделанных на заседаниях общества: «Тюменская старина», «О быте тюменских ремесленников в прошлом столетии» (1920–21 гг.), «Об экономической перспективе Тобольского Севера» (1922 г.). В настоящей публикации, вероятнее всего, речь идёт о последнем докладе.

² Вероятно, опечатка, правильно — концессий.

³ Словцов, Иван Яковлевич (1844–1907) — известный учёный, краевед, директор Тюменского Александровского реального училища (1879–1906 гг.), основатель Тюменского музея. См.: *Вибе П.П.* Словцов И.Я. // *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачёва Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 251–252; *Безбородова Л.Г., Семёнова В.И.* Деятельность И.Я. Словцова по изучению археологи-

ческого наследия Западно-Сибирского региона // *Ежегодник ТОКМ.* 1994. Тюмень, 1997. С. 31–43; *Ситников П.С.* И.Я. Словцов как биолог и его естественно-историческая коллекция // *Ежегодник ТОКМ.* 1994. Тюмень, 1997. С. 44–52; *Безбородова Л.Г., Пархимович С.Ю.* Археологическое наследие И.Я. Словцова // *Материалы научно-практической конференции «Словцовские чтения», посвященной 150-летию И.Я. Словцова.* Тюмень, 1995. С. 14–17; *Коновалова Е.Н.* Цензор «Сибирской торговой газеты» И.Я. Словцов // *Там же.* С. 54–56; *Вибе П.П.* Иван Яковлевич Словцов — первый историк Омска // *Словцовские чтения-99: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции.* Тюмень, 1999. С. 105–109; *Копылов В.Е.* Словцов И.Я. — директор реального училища: Из жизни провинциального учёного // *Копылов В.Е.* Окрик памяти: Книга первая. Тюмень, 2000. С. 102–127; *Тишкина Т.В.* Создание И.Я. Словцовым учебного музея при реальном училище в Тюмени // *Словцовские чтения-2000: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции.* Тюмень, 2000. С. 84–86; *Коновалова Е., Шварева Л.* Авторы Ежегодника Тобольского губернского музея // *Лукич.* 2001. Ч. 4. С. 132–135; *Рафиенко Л.С.* Мемориальные памятники, связанные с жизнью и деятельностью И.Я. Словцова // *Ежегодник ТОКМ:* 2001. Тюмень, 2002. С. 279–288; *Жукова Н. А.* Крылов, СТГ и И. Словцов (1897–1899) // *Лукич.* 2002. Ч.1. С.204–215.

⁴ Серебренников, Андрей Николаевич (1868–1959) — преподаватель, член ТОНИМК, в 1924 г. стал членом правления общества. Родился 17 октября 1868 г. в с. Исетском Ялуторовского уезда Тобольской гу-

бернии. Окончил Тюменское Александровское реальное училище и лесной институт. В Тюмень прибыл из Кургана. На 31.01.24 г. являлся преподавателем и деканом Тюменского сельскохозяйственного техникума, не имел семьи и проживал по ул. Никольской, 31. Входил в профсоюз работников просвещения. Умер в Тюмени 6 июля 1959 г. (актовая запись о смерти № 543). На момент смерти проживал по ул. Перекопской, 15. Близких родственников в городе, по всей видимости, не было, поскольку заявление о смерти сделано Е.В. Царевич, учёным-ботаником, сотрудником Тюменского краеведческого музея. Автор докладов: «Значение лесов в влагообороте» (1922 г.), «О Всероссийской кустарно-промышленной выставке» (в соавторстве; 1923 г.), «Лесное хозяйство и лесное образование в Уральской области» (1924 г.). Возможно, некоторое время проживал в Москве, поскольку в блокноте Э.К. Хилькевича 1930–40-х гг., переданном в дар ТОКМ его потомками и любезно предоставленном автору М.Э. Волковой, среди прочих адресов знакомых Эдуарда Карловича имеется запись следующего содержания: «Серебренников А.Н. в Москве: Москва, Ульяновская, д. 39а, кв. 3. Виктору Николаевичу Серебренникову».

- ⁵ **Мартэн, Павел Августович** (1881–1972) — учёный, преподаватель, общественный деятель. Сын героя Парижской коммуны 1871 г. Огюста (Августа) Мартэна, эмигрировавшего в Россию после поражения восстания, и Паулины Стоцкой, польки по происхождению. Родился 15 января 1881 г. в г. Вильно. Окончил гимназию. В годы учёбы в Казанском университете принимал активное участие в ре-

волюционных событиях 1905 г., был арестован, бежал в Чимкент и два года пробыл в Средней Азии. Позднее окончил физико-математический факультет Казанского университета, а также Петербургский лесной и археологический институты, получил приглашение преподавать в Петербурге. В 1911 г. за поддержку выступлений студентов лесного института сослан с семьёй и матерью в г. Красноуфимск. По сведениям В.Е. Копылова, принимал участие в гражданской войне на стороне красных, однако в анкете от 31.01.24 г. отрицается служба как в Белой, так и в Красной армиях.

- В г. Тюмень прибыл из Екатеринбургa, будучи назначен в 1920 г. членом Тюменского гублескома. Здесь развернул активную общественную и научную деятельность: основатель и заведующий Тюменским сельскохозяйственным техникумом (1920–29 гг.), один из организаторов и заведующий Тюменским промышленно-экономическим техникумом (1926–28 гг.), член правления Тюменского губпроса, редактор сельхозотдела газеты «Трудовой набат». Член ТОНИМК, некоторое время входил в состав президиума общества, в 1924 г. был избран учёным секретарём, войдя в состав правления, позднее возглавил его. Принимал участие в качестве делегата в работе съезда музейных работников Урала и Приуралья, а также Петроградского съезда преподавателей-естественников. С семьёй из 10 человек проживал по ул. Знаменской, 2. Член профсоюза работников просвещения.

Сохранилась актовая запись о смерти № 862, из которой следует, что 7 июня 1921 г. в возрасте 75 лет скончалась некая учительница Паулина Мартэн, уроженка г.

Вильно, проживавшая по ул. Б. Городищенской, 3. Заявление о смерти было сделано сыном (без уточнения фамилии). В качестве места погребения указано польское кладбище.

В 1929 г. Павел Августович переехал в Москву, в разное время преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и Всесоюзном сельскохозяйственном институте заочного образования. Умер 10 декабря 1972 г. Автор докладов: «Растительные суррогаты питания в тюменской флоре» (1922 г.), «Лекарственные растения в Тюменской губернии, их применения в народной и научной медицине» (1922 г.), «Анабиоз, достижения и перспективы» (1923 г.), «О Всероссийской кустарно-промышленной выставке» (в соавторстве; 1923 г.). В вышеупомянутом блокноте Э.К. Хилькевича имеется запись: «П.А. Мартэн. Москва 34, 2-й Зачатьевский пер., д. 13, кв. 8. М.Н. Разумовой для П.А. Мартэн или Москва 63, Останкинская улица, д. 22, кв. 3». См.: *Копылов В.Е.* Последний энциклопедист Тюмени // *Копылов В.Е.* Окрик памяти: Книга первая. Тюмень, 2000. С. 316–321.

б **Суханов, Павел Степанович** (?–?) — агроном, общественный деятель, член ТОНИМК. Учился в Сибирском кадетском корпусе в Омске и в Петровской сельскохозяйственной академии. В 1888 г. был выслан в Тобольск, где принял участие в организации ссыльными нелегальной библиотеки и в подпольном выпуске брошюр, за что выслан в Восточную Сибирь. По возвращении некоторое время жил в Тюмени, откуда в 1900 г. вновь сослан на 5 лет в Иркутскую губернию. В 1910-е гг. работал в Тобольской губернии старшим таксатором переселенческого управления. В 1918 г. назначен редактором орга-

низованного в Тобольске журнала «Сибирская земская деревня». В начале 1920-х гг. работал губернским агрономом в г. Тюмени. С 1910 г. состоял действительным членом Тобольского губернского музея, позднее — Общества изучения местного края при Музее Тобольского Севера. Автор докладов: «О поднятии земледелия на Севере» (1922 г.), «Озимый клин на территории Тюменской губернии за 25 лет: с 1897 г. по 1922 год» (1922 г.), «Личные воспоминания о Г.Н. Потанине, преимущественно как об этнографе» (1923 г.).

7 **Молодых, Василий Гаврилович** (1871–1927) — сын тюменского купца 1-й гильдии, потомственный почётный гражданин, член Тюменской городской управы, член ТОНИМК. В 1883 г. поступил в Тюменское Александровское реальное училище. Занимался торговлей сельскохозяйственными орудиями труда и машинами, а также чаем и сахаром. С семьёй из 2 человек проживал в доме на углу ул.Спасской, 18 и Войновской, 28 (1898 г.), позднее на ул. Казанской (1912 г.). В браке не состоял.

Умер 2 октября 1927 г. в г.Тюмени. В актовой записи о смерти № 1245 фигурирует как делопроизводитель. О смерти заявил Николай Драгунов. Автор доклада «Из Тюменской старины» (1922 г.). Публиковался в «Записках Тюменского общества научного изучения местного края». См.: *Молодых В.Г.* Новое о постройке 1-го каменного здания в Тюмени. К постройке Благовещенского собора // *ЗТОНИМК.* 1924. Вып. I. С. 201–210 (с прил.); *Молодых В.Г.* Материалы к истории иконописания живописи в Западной Сибири // Там же. С. 154–165. См. также: *Валов А.А.* Публикация дневниковых записей В.П. Барашева // *Материалы науч-*

но-практической конференции «Словцовские чтения», посвященной 150-летию И.Я.Словцова. Тюмень, 1995. С.155–156 (цитируется фрагмент дневниковых записей Барашева от 2 февраля 1921 г., содержащий описание визита к Василию Гавриловичу и его сестре Марье, а также пересказ воспоминаний Молодых о годах учёбы в ТАРУ).

Барашев В.П. Крыльцо старого дома. 1921 г. Из собрания ТМИИ.

⁸ **Городцов, Пётр Алексеевич** (1865–1919) — известный русский этнограф, специалист по этнографии русских жителей Сибири. Родился 10 января 1865 г. в семье дьяка с. Дубровичи Рязанской губернии. Окончил Рязанское духовное училище, семинарию, но в 1883 г. неожиданно выходит из духовного звания. Окончил Демидовский юридический лицей в Ярославле, служил судебным следователем. В 1894 г. получает назначение в Тобольскую губернию. В 1904–08 гг. — крестьянский начальник 3-го участка Тюменского уезда. Именно в этот период была собрана большая часть фольклорного материала, позднее использованного исследователем в его работах. В 1908 г. Пётр Алексеевич подаёт в отставку и переезжает в Тюмень,

где с 1909 г. служит присяжным поверенным. В 1914 г. он становится председателем Тюменского отделения Общества для борьбы с детской смертностью в России. Умер 16 июля 1919 г. в Тюмени.

Архив исследователя был передан ТОНИМК, при котором, по предположению В.Я. Темплинга, действовала библиотека имени П.А. Городцова, созданная на основе принадлежавших ему книг. В 1926 г. известный этнограф, исследователь Русского Севера Н.Е. Ончуков по просьбе директора Тюменского окружного музея Л.Р. Шульца ознакомился с хранившимися в музее рукописями П.А. Городцова и составил краткую опись их, позднее опубликованную. Вероятно, им (либо В.А. Городцовым, братом исследователя, одним из основателей советской археологии) часть архива была вывезена в Москву. Четыре полные рукописи П.А. Городцова и фрагмент пятой хранятся в фондах Тюменского областного краеведческого музея (ТОКМ).

По материалам Петра Алексеевича на заседаниях общества был сделан ряд докладов: «Сибирская язва — этнографический очерк» (1920–21 гг.), «Сказки и варианты былин, записанные в Тюменском уезде» (1922 г.), «Моча в народной медицине» (1922 г.), «Демонология Тюменского уезда» (1923 г.). Публиковался в «Записках...»: *Городцов П.А.* Сибирская язва: Очерк // ЗТОНИМК. 1924. Вып. I. С.53–101.

См.: *Ончуков Н.Е.* П.А. Городцов: Западно-сибирский этнограф // Сибирская живая старина. Вып. VII. Иркутск, 1928. С.122–126; *Темплинг В.* «Я посторонний зритель и холодный исследователь быта...» // Лукич. 1999. Ч. 5. С.3–17; *Темплинг В.* Фольклорно-этнографичес-

кие рукописи П.А. Городцова в фондах ТОКМ // Духовная культура Западной Сибири (проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории). Тюмень, 1994. С. 35–42; *Беспалова Л.Г.* Тюменские тетради П.А. Городцова // Там же. С. 217–226; *Беспалова Л.Г.* О народном сказании и древних слонах // *Беспалова Л.Г.* Тюмень: Из дальних и близких лет. Тюмень, 2001. С. 66–70 (О работе П.А. Городцова «Мамонт: Западносибирское сказание»); *Коновалова Е., Шварева Л.* Авторы Ежегодника Тобольского губернского музея // Лукич. 2001. Ч. 3. С. 78–80.

Работы П.А. Городцова, хранящиеся в фондах ТОКМ, а также в РГА-ЛИ, были относительно недавно опубликованы: *Городцов П.А.* Таинственные обряды крестьянской свадьбы в Западной Сибири // Лукич. 1999. Ч. 5. С. 71–97; *Городцов П.А.* Были и небылицы Тавдинского края в трёх томах. Тюмень, 2000. Большой интерес представляет также опубликованная переписка Петра Алексеевича: *Городцов П.А.* Письма брату Василию // Лукич. 2002. Ч. 2–4.

⁹ **Симонов, Георгий** (в 1920-е гг. предпочитал именоваться Егором, хотя в цитируемый период встречается и прежнее именование — так, в публикации от 30.12.1922 г. содержится информация о докладе Г.И. Симонова) **Иванович** (1890–1923 гг.) — один из наиболее известных и популярных исследователей Тюменского края первой четверти XX века. Окончил Ишимское духовное училище, проживал в Тобольске. В 1920-е гг. развернул активную работу по изучению и популяризации истории родного края — основал кабинет «тобольсковедения» (о нём идёт речь в публикации), выступал с докладами на заседаниях ТОНИМК и Общества изучения мес-

тного края при Музее Тобольского Севера, опубликовал ряд статей и брошюр, посвящённых творчеству П.П. Ершова. Автор докладов: «Опыт изучения истории города Тобольска» (1922 г.), «Памяти первого историка Сибири П.А. Словова» (1923 г.).

Деятельность Георгия Ивановича получила признание со стороны Центрального бюро краеведения при Российской Академии наук (РАН), членом-корреспондентом которого он был избран в июне 1923 г. Авторитет Симонова среди краеведов и интеллигенции Тобольска был необычайно велик. Жизнь его оборвалась трагически — 13 (по другим данным — 14) декабря 1923 г. он покончил с собой по невыясненным причинам. См.: *Улыбина Л.Г.* Служить обществу (О тобольском краеведе Г.И. Симонове) // Тобольский хронограф. Вып. 3. Екатеринбург, 1998. С. 314–323; *Белов С.Л.* «Пути Соввласти» и «дорожка Симонова» // Лукич. 2002. Ч. 1. С. 201–204.

10 Шульц, Леонид Рудольфович (1878—после 1926) — землемер, этнограф, один из инициаторов создания ТОНИМК, позднее его председатель. Родился в Германии в семье агронома. Учился в гимназиях в гг. Кенигсберге и Торне, окончил землемерно-таксаторскую школу в г. Горки Могилёвской губернии. Производил землеустроительные работы в Тобольской губернии, в 1908–11 гг. в должности землемера и страхового агента обслуживал участок Тобольского уезда в нижнем течении Иртыша. С 1907 г. занялся краеведческой и музейной работой, с 1908 г. — действительный член Тобольского губернского музея, сотрудничал с отделом этнографии последнего. В 1907–10 гг. возглавил ряд экспедиций по местам обитания ханты,

манси и татар, в 1910 г. руководил организованной музеем экспедицией на р. Салым, в состав которой также входили Б.Н. Городков и Г.И. Лебедев.

В 1911 г. занимался устройством из изделий остяков Тобольской губернии отдела этнографии на Западно-Сибирской выставке в Омске. Директор Тюменского музея в 1920–25 гг. Зимой 1924 г. по поручению плановой комиссии Уральского облисполкома произвёл экономическое обследование Прикондинского края. Автор докладов: «Иртышские остяки и их край» (1920–21 гг.), «План обследования района в верховьях реки Конды» (1920–21 гг.), «Сообщение о съезде музейных деятелей Урала и Приуралья в Екатеринбурге» (1920–21 гг.), «О Всероссийской конференции научных обществ» (1922 г.), «Сообщения о поездке в юрты Киндерские» (1923 г.), «О Всероссийской кустарно-промышленной выставке» (в соавторстве; 1923 г.).

Публиковался в «Записках...»: Шульц Р. Салымские остяки: Из материалов к этнографии южных остяков // ЗТОНИМК. 1924. Вып. 1. С. 166–200. *Это сочинение было не так давно переиздано* (Лукич. 2000. Ч. 6. С. 104–140). См.: Шульц Л.Р. // Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Учёные и краеведы Югры: Библиограф. очерк. Тюмень, 1997. С. 322–323; Коновалова Е., Шварева Л. Авторы Ежегодника Тобольского губернского музея // Лукич. 2001. Ч. 4. С. 142–143; Карпунин В.И. Становление краеведческого движения в Тюмени в 1920–1922 годы // Словцовские чтения-2001: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2001. С. 130–132.

¹¹ Серебренников, Алексей Константинович (?–?) — член ТОНИМК,

некоторое время входил в состав президиума, в 1924 г. избран кандидатом в члены правления общества. Доклад, о котором идёт речь, с иллюстрациями другого члена общества — тюменского художника Вениамина Петровича Барашева — был опубликован в «Записках...»: *Серебренников А.К.* Историко-археологическое обследование Тюменского Благовещенского собора // ЗТОНИМК. 1924. Вып. 1. С. 145–153.

¹² Вероятно, речь идёт о Вячеславе Фёдоровиче Ларионове (1903–1975) — зоологе, докторе биологических наук, сыне Фёдора Филипповича Ларионова, биолога, члена ТОНИМК (см. *дальше*). В статье, опубликованной в «Ежегоднике...», мною была допущена досадная ошибка, когда инициалы В.Ф. Ларионова были восприняты как одна из столь многочисленных в 1920-е гг. газетных опечаток, исказившая инициалы Фёдора Филипповича. Ошибка была исправлена благодаря замечанию М.Э. Волковой, сотрудника ТОКМ. В блокноте Э.К. Хилькевича имеются следующие записи: «В.Ф. Ларионов — Москва. Домашний адрес: Москва, Сухаревская пл., д. 6, кв. 22/25», «В.Ф. Ларионов. Москва 75, 2-й Останкинский пер., д. 6, зоол. станция МГУ».

¹³ Барашев, Вениамин Петрович (?–?) — тюменский график-живописец, один из основателей Тюменской организации Союза художников, член ТОНИМК. Мы преднамеренно не указываем даты жизни Вениамина Петровича, поскольку не располагаем соответствующими документальными источниками, сведения же, встречающиеся в литературе, крайне противоречивы. Одни данные приводятся А.А. Валовым (1885–1975; С. 155), совер-

шенно другие О. Майоровой (1895–1975; С. 205). Своего апогея эта неразбериха (вернее, небрежность, столь распространённая в краеведении) достигает в альбоме «Художники Тюмени», где на одной и той же странице, в аутентичном (казалось бы!) тексте биографии Вениамина Петровича в русском варианте указаны одни даты жизни (1905–1970), в английском — другие (1905–1974) (С.38). Здесь же утверждается, что краевед умер в Тюмени.

Нами были просмотрены все алфавитные книги смертей по г.Тюмени с 1918 по 1988 гг. включительно. Имя Вениамина Барашева встречается в них только однажды — в связи со смертью его отца, Петра Иосифовича Барашева. Последний был инвалидом, уроженцем д. Барашевой Пиштанской волости Яранского уезда Вятской губернии. Петр Иосифович скончался 26 июня 1922 г. в 1-й Советской больнице в возрасте 59 лет от возвратного тифа и был похоронен на Текутьевском кладбище (актовая запись о смерти № 1460). Некоторое время спустя была сделана аналогичная запись № 1988, отличающаяся лишь сведениями о причине смерти — в качестве таковой указан плеврит. Заявление о смерти было сделано сыном Вениамином Петровичем. Отсутствие же записей о смерти самого Вениамина Петровича означает, что в документах ЗАГС была допущена ошибка (что очень маловероятно), либо он просто умер не в Тюмени, как это утверждается авторами его биографии, помещённой в вышеназванном альбоме. Можно лишь предположить, что ближе всех к истине была О. Майорова, указавшая в качестве даты смерти 1975 г., поскольку последнее из опубликованных ею писем худож-

ника-краеведа датировано 22.04.1975 г. (С. 220).

См.: Художники Тюмени: Юбилейный альбом. Б. м., 1994. С. 38–39; Валов А.А. Публикация дневниковых записей В.П. Барашева // Материалы научно-практической конференции «Словцовские чтения», посвященной 150-летию И.Я.Словцова. Тюмень, 1995. С. 155–156; Майорова О. Письма В.П. Барашева А.А. Рылову (1903–1975) // Лукич. 2002. Ч. 4. С. 205–220.

¹⁴ Потанин, Григорий Николаевич (1835–1920) — путешественник, этнограф, исследователь Сибири и Центральной Азии, идеолог сибирского областничества. В период гражданской войны находился в Сибири, был активным противником большевиков. См.: Сагалаев А.М., Крюков В.Н. Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991; Потанин Г.Н. // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачёва Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 211–213.

¹⁵ Митусова, Раиса Павловна (урожд. Кутепова) (1894–1937) — известный советский этнограф, специалист по народам Северо-Западной Сибири. Родилась в г.Холмогоры, окончила Архангельскую гимназию, Высшие Бестужевские курсы, в 1921 г. поступила на антропологическое отделение Петроградского университета. В 1921–22 гг. осуществила ряд экспедиций на Южный Урал и к тверским карелам. В 1925 г. принята в штат Этнографического отдела Русского музея на должность помощника хранителя. На Тобольском Севере бывала неоднократно: летом 1923 г. командирована в качестве сотрудника Западно-Сибирской экспедиции РАН по поручению Этнографического отдела Русского музея (с 1934 г. этот отдел существует как

самостоятельное учреждение — Российский Этнографический музей). Провела 3 месяца среди аганских ханты — одной из наименее изученных к тому времени территориальных групп восточных ханты. В 1924—25 гг. вновь посетила этот район, изучая на протяжении почти 9 месяцев лесных ненцев, а также вар-яунских и каван-яунских ханты в верховьях Агана и бассейне Пура. В 1926 г. организовала экспедицию на Тромъёган, в 1927 г. — приняла участие в переписи населения.

В декабре 1930 г. была арестована по сфабрикованному делу о контрреволюционной организации. В мае 1931 г. выслана на поселение в Томскую область на 3 года, затем работала в музее г. Кемерово. В 1937 г. вновь арестована, осуждена «тройкой» НКВД «за участие в контрреволюционной кадетско-монархической организации» и 7 декабря 1937 г. расстреляна в Новосибирске. Реабилитирована в 1957 г. Лишь малая часть собранного Митусовой фактического материала была опубликована. Весь её архив погиб. См.: *Каранетова И.А.* Коллекция Р.П. Митусовой по аганским ханты в собрании РЭМ // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12—16 декабря, 1999 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 1999. С. 229—231.

¹⁶ **Бердников, Николай Иванович** (1875—?) — агроном, член ТОНИМК, некоторое время входил в состав президиума, в 1924 г. вошёл в состав правления общества. Окончил реальное училище и сельскохозяйственный институт. На 31.01.24 г. работал в Тюменском окрисполкоме и по совместительству являлся преподавателем Тюменского сельскохозяйственного

техникума. Член профсоюза работников земельного и лесного хозяйства. В первой мировой и гражданской войнах не участвовал. Проживал по ул. Иркутской, 2. Автор докладов: «Сельскохозяйственный обзор Туринского уезда» (1920—21 гг.), «Из итогов обследования рыбного промысла на Севере, летом 1923 г.» (1923 г.). Публиковался в «Записках...»: *Бердников Н.И.* Обзор Туринского уезда в сельскохозяйственном отношении // ЗТОНИМК. 1924. Вып. I. С. 28—40.

¹⁷ **Дмитриев, Павел Алексеевич** (1902—1943) — уроженец Тюмени, один из крупнейших специалистов по археологии Урала. В 1925 г., будучи аспирантом археологического отделения Института археологии и искусствоведения ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, занимался изучением Липчинской стоянки. Это были его первые раскопки на Урале. В библиотеке ТОКМ имеются прижизненные издания работ учёного, в том числе созданных на основе материалов выше-названных раскопок. Среди них: *Дмитриев П.А.* Вторая Андреевская стоянка (с надписями: на одном экземпляре — «Библиотеке Тюменского музея от автора. 26/VI-39 г.», КП ОФ 4980; на другом — «Дорогому Павлу Афанасьевичу Россомахину на память о наших совместных работах. П. Дмитриев. 26/VI-39 г.», КП ОФ 1529), *Дмитриев П.А.* Мысовские стоянки и курганы. М., 1929 (с надписью: «Дорогому Павлу Афанасьевичу Россомахину на память о наших совместных работах. Автор. Москва. 1929 г.»; КП ОФ 4978), *Дмитриев П.А.* Липчинская неометаллическая стоянка (с надписью: «Библиотеке Тюменского музея от автора. г. Москва. 1928 г.», КП ОФ

4979), *Дмитриев П.А.* Литейная форма Шадринского музея. (КП ОФ 13453/1, 2 экземпляра).

- ¹⁸ **Сорминский, Николай Ефимович** (1883—?) — ветеринар, преподаватель Тюменского сельскохозяйственного техникума (на 31.01.24 г.). Родился 26 сентября 1883 г. в Нижегородской губернии в семье священника. Окончил духовную семинарию и ветеринарный институт. Служил в царской армии в должности ветеринара, в гражданской войне участия не принимал. В Тюмень прибыл из Тобольска. Работал и проживал с семьёй из 4 человек в скотолечебнице, по совместительству преподавал в сельхозтехникуме. Член профсоюза работников санитарного и медицинского труда.

- ¹⁹ **Серков, Георгий Семёнович** (1872—?) — агроном, член ТОНИМК. Родился 1 марта 1872 г. в г. Ялуторовске в семье служащего. Окончил реальное училище и среднее сельскохозяйственное училище в Красноуфимске. В первой миро-

вой и гражданской войнах участия не принимал. В Тюмень прибыл из Мариинска Томской губернии. На 31.01.24 г. служил в Губземотделе и по совместительству работал преподавателем и деканом Тюменского сельскохозяйственного техникума. Член профсоюза работников земельного и лесного хозяйства. С семьёй из 5 человек проживал по ул. Ишимской, 41. Автор доклада «Новые сельскохозяйственные культуры в Тугулымской волости и их значение» (1923 г.).

- ²⁰ **Огибалов** (*встречается другое название — Агибалов*), **Иван Фёдорович** (?—?) — член ТОНИМК. Доклад, о котором идёт речь, был опубликован в «Записках...»: *Огибалов И.Ф.* *Астрономические работы в Тобольской губернии //ЗТОНИМК. 1924. Вып.1. С. 103—104, а также приложения: Астрономические пункты Тобольской губернии //Там же. С. 105—139; Алфавитный список астрономических пунктов Тобольской губернии // Там же. С. 141—144.*

(Продолжение будет).

*Взгляд на купола Тюмени из окна директора Тюменского госархива**

В последние два-три года нам все чаще стали попадать «шедевры» псевдоисторических сочинений краеведов всех степеней и имеющих даже ученые звания, правда, не всегда исторического плана. В конце прошлого года увидел свет фотоальбом «Купола Тюмени». Историческая достоверность, похоже, мало интересовала главного редактора и руководителя проекта директора ГАТО О.П. Тарасову; составителя и автора текста Е.А. Маслову, поскольку им не хотелось в канун 2000-летия христианства отстать от своих коллег из Новосибирска, Екатеринбурга, Сыктывкара и других соседних городов! Область богатая, спонсоры нашлись, да и благословение получено, так сказать, авансом.

И вот начинается «работа» над фотоальбомом. На ста страницах добротного отпечатанного в цвете фотоматериала — лишь современные иллюстрации, где не очень-то много куполов. Конечно же, не заслуга научного учреждения в том, что в альбоме собраны цветные фотографии. Ведь издание юбилейное, и его название должно было соответствовать содержанию той информации, которую предлагали издатели. По выходе его стало по-

нятно, что нас даже и не пытались просветить в области культового зодчества первого города Западной Сибири, поведать о типах сибирского каменного строительства начала XVII—середины XIX веков в Тюмени. Хотя генетические источники и основания каменного строения достаточно разнообразны и многочисленны. Прежде всего, творческие импульсы исходили из Москвы, где русская архитектура в большей мере обогащалась опытом Украины и Белоруссии, черпала новые формы из богатого народного мастерства. В конце XVII—начале XVIII веков к приходским храмам начинают добавляться и одноглавые приделы, примыкающие, как правило, с северной, а затем и с южной сторон к трапезным церквям, внутри самих же церквей система коробных или сомкнутых сводов выявляла статичность отдельных помещений, мало связанных друг с другом пространственно. И хотя их внутреннее пространство было невелико, иконостасы, поднимавшиеся на всю высоту храма, увеличивали его и создавали праздничный фон.

Культовое каменное строительство, начавшееся в Сибири в конце XVII века, заняло в те-

* О фотоальбоме «Купола Тюмени» / Упр. по делам архивов адм. Тюмен. обл.; ГАТО; авт. проекта и гл. редактор О.П. Тарасова; автор текста и состав. Е.А. Маслова. — Тюмень, 2002. — 100 с.

чение XVIII века преобладающее положение в общем каменном строительном комплексе края. Пусть не стоило говорить об этом, но вряд ли следовало умалчивать в роскошном цветном альбоме об архитектурном стиле, получившем название «сибирского», или «тобольско-го барокко». И если к возведению каменного кремля в Тюмени воеводская администрация так и не смогла приступить, то церковные власти вновь проявили больше инициативы в деле каменного строительства. Еще в 1706 году митрополит Филофей Лещинский после пожара 1705 года, уничтожившего город, обратился к Петру I с просьбой построить «небольшую каменную подаданиями мирских людей церковь» в Тюменском Спасо-Преображенском монастыре (Троицком).

В конечном счете, это не главное, о чем хотелось рассказать обозревателю книги тюменских архивистов. Речь пойдет о тех ляпах, которые впитала в себя добротная мелованная бумага.

Буквально в самом начале альбома (С. 4) указывается, что «в 1585 году в Сибирь были посланы воеводы Василий Сукин и Иван Мясной... основавшие здесь город, назвав его Тюмень, и построили первую церковь во имя Рождества Богородицы. Эта небольшая деревянная церковь стала первой русской церковью

в Сибири». Автор-составитель утверждает, что данный факт заимствован из книги Б.А. Жученко и С.П. Заварихина «Тюмень архитектурная» (Свердловск, 1984). Однако в указанном источнике нет ни слова о том, что церковь называлась именно так. *Известно, что первый деревянный храм, построенный в 1586 году, носил имя Всемиловитового Спаса. Церковь же Рождества Пресвятой Богородицы, построенная через пять лет, была вторым церковным зданием Тюмени.*

Что касается судьбы первого каменного строения города, якобы Благовещенской церкви, заложенной по повелению Петра I в 1700 году, авторам непросто не знать¹, что таковым каменным объектом Тюмени было амбарное здание, предназначенное под государственную казну. Оно и послужило спустя два года своеобразным фундаментом для возведения соборной церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, завершенной лишь в 1705–1706 годах, хотя и освященной 31 октября 1704 года².

Честно говоря, не хочется утруждать читателя подобным разбором, но, памятуя о названии книги, вынужден продолжить цитирование: «В декабре 1774 года на месте сгоревшей деревянной церкви во имя Воскресения Христова [Крестовоздвиженская], — читаем далее, — было

¹ Купола Тюмени: Фотоальбом. Тюмень, 2002. С. 8.

² ТФ ГАТО. Ф. 47. Д. 3607. Л. 5.

заложено каменное здание одноименной церкви»³. Что значит одноименной? Деревянный храм имел два придела: главный — во имя Воскресения Христова и придельный — в честь Николая Чудотворца и Федора Стратилата. Тот, кто решил рассказать о культовом зодчестве, должен знать, что храм всегда именовался по главному приделу или носил двойное название.

Мы продолжаем приводить несуразности столь мизерного текста альбома, чтобы в будущем предостеречь меценатов от встречи с «авторами-проектировщиками» столь дорогих изданий, не знающих предмета своего исследования. На 42-й странице альбома читаем: «В 1794 году на средства прихожан построена двухэтажная Спасская церковь с двумя престолами». Да, существовала такая версия⁴, но точная дата окончания строительства — 26 июня 1796 года. В описи храма за 1845 год имеется запись о ее освящении архиепископом Тобольским и Сибирским Варлаамом, выдавшим причту свою грамоту⁵. Также в подтверждение сказанному мы находим эти свидетельства и в «Тобольских губернских ведомостях» за 1858 год, и в «Сибирской торго-

вой газете» за 1904 год⁶. И еще любопытная деталь, будто в Спасской церкви к 1916 году имелось четыре престола (?). Изначально в храме было всего три престола. Первый (верхний) — во имя Всемилоственного Спаса, второй (нижний) — во имя Тихвинской иконы Божией Матери и третий (с правой стороны) — во имя святого Андрея Критского и великомученицы Евдокии. Причем уже к 1922 году два нижних придела были переименованы в честь великомученика Пантелеймона и Василия Федоровича Стратилата⁷.

Незнание нюансов культового строительства города не может служить оправданием небрежности в работе над подобными изданиями. Тем более архивистам. «Лукич» уже писал об этом в одном из своих номеров за 2002 год, подвергнув критике городскую газету «Тюменский курьер», часто отдающую свои полосы некоему автору-краеведу⁸, пишущему о культовом зодчестве города в том же стиле, что и создатели «купольной идиллии», вводя в заблуждение не просто читателей, но и студентов вузов города — будущих преподавателей истории, а заодно и многотысячный отряд учащихся школ.

³ Купола Тюмени. С. 39.

⁴ ГАТО. Ф.И-109. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 10. Л. 24 и об.

⁶ Тобол. губ. ведом. 1858. № 51. С. 726; Сиб. торг. газ. [Тюмень]. 1904. № 255. 14 нояб. С. 2.

⁷ ГАТО. Ф.И-109. Оп. 1. Д. 34. Л. 31; Д. 37а. Л. 1.

⁸ Лукич. 2002. № 1. С. 100.

Сергей Николаевич Кубочкин родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях. В 2002 году вышла книга «Тычковка, Сарай, Потаскуй...»

Постоянный автор журнала «Лукич». Один из авторов «Фальшивого Лукича» (2003).

**«Полезнейшее для
города учреждение»
Из истории Тюменской
женской гимназии**

Веками считалось, что удел женщины — ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Бытовало устойчивое мнение, что образование может только испортить женский характер. Может быть, поэтому вплоть до середины XVIII в. встретить в России образованную женщину было большой редкостью.

Подтверждением этого является высказывание Екатерины Дашковой, что во всей Российской империи можно назвать лишь двух образованных женщин, читавших книги, — её саму и Екатерину II.

В 1764 г. императрица, решив исправить положение, учредила первое женское учебное заведение — Смольный институт благородных девиц. Воспитанниц учили языкам, литературе, закону Божьему, алгебре, геометрии, физике, географии, естественной истории, танцам,

рукоделию и домоводству.

После Екатерины II заботы о женском образовании и взяла на себя жена императора Павла Мария Федоровна. Она вела обширную переписку, составляла тексты уставов, инструкции по устройству отдельных учреждений, следила за подбором кадров преподавателей, за устройством быта, порядком приёма и выпуска воспитанниц, а в некоторых случаях — за их дальнейшей судьбой.

Авторитет Марии Федоровны привлекал многочисленные пожертвования дворянских и купеческих обществ, частных лиц в пользу учебных заведений.

Ею были учреждены Воспитательный дом (1797), мещанс-

кое училище (1797), училище ордена св. Екатерины (1798).

Но шло время, и к середине XIX в. закрытые и сословные институты благородных девиц были уже не в состоянии вместить всех желающих учиться. Кроме того, сословный характер женских учебных заведений, оторванных от реальной жизни, уже не отвечал духу времени.

«Мысль о новом роде женских училищ как бы витала в воздухе», — писал современник. Инициатива в создании открытых и бессословных женских училищ принадлежала профессору педагогики Главного педагогического института Николаю Вышнеградскому. Именно он разработал и осуществил проект открытых женских училищ «для приходящих девиц». Женская школа строилась на принципе всесословности и открытости для детей разных вероисповеданий.

В Tobольской губернии первое женское учебное заведение было открыто в 1854 году. Это была Tobольская женская Мариинская школа, в становлении которой приняли участие и тюменские купцы И.В. Трусов и К.К. Шешуков, пожертвовавшие 4500 и 2000 рублей соответственно.

На следующий год, видимо, рассудив, что Тюмени не следует отставать от губернского центра, тюменский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин Кондратий Кузьмич Шешуков пожелал выстроить на

свои средства каменный двухэтажный дом для женского приходского училища. С наступлением тепла в апреле 1856 г. была сделана закладка здания на пожертвованном для этой цели месте, принадлежавшем Шешукову. Место находилось на углу теперешних улиц Володарского и Семакова.

Через два года, в 1858 г., постройка здания и его внутренняя отделка были закончены и дом был сдан в ведение училищного начальства.

В том же году на основании Высочайше утвержденного 30 мая 1858 года Положения о женских учебных заведениях Министерства народного просвещения, по ходатайству Тюменского городского общества штатный смотритель Тюменских училищ Михаил Степанович Неугодников вошел с представлением к высшему начальству о разрешении открыть в г. Тюмени женскую школу на правах приходского училища.

Тюменская городская дума, сознавая важность женского образования, постановила отпускать из своих доходов на содержание этой школы по 300 рублей в год.

Помочь женской школе в сборе средств, кроме управляющего Тюменским округом Стефановского, взялись тюменские купцы, сочувствующие этому полезному начинанию. В январе 1858 г. в Тюмени были проведены два «благородных»

театральных спектакля, сборы от которых в сумме 750 рублей пошли в фонд женской школы¹.

Разрешение тобольского губернатора открыть в Тюмени женское приходское училище с двумя отделениями последовало в июле 1859 г. Открытие училища было приурочено ко дню именин императрицы Марии Александровны и произошло 22 июля 1859 г.

На этой торжественной церемонии присутствовали чиновники военного и гражданских ведомств, местное духовенство, почетное купечество и родители принятых в училище учениц, которых и было-то всего 23.

В штате к моменту открытия училища состояло всего несколько человек. Кто-то совмещал сразу несколько должностей, как штатный смотритель тюменских училищ, коллежский асессор М.С. Неугодников, исполнявший обязанности бухгалтера, казначея и заведующего хозяйственной частью; некоторые из-за недостаточности средств у училища согласились заниматься безвозмездно, как законоучитель священник о. Стефан Баженов и учитель Знаменского приходского училища Африкан Крамалей, состоявший секретарем Попечительного совета. В штате состояла и надзирательница (была такая должность в учебных заведениях), ею была избрана купечес-

кая вдова Евгения Львовна Чиралова.

Контроль за учебным процессом осуществлял педагогический совет училища из числа преподавателей. На Попечительном совете училища лежал «нелегкий труд заботиться о постоянном всестороннем преуспевании заведения». На деле заботы совета в основном заключались в поиске средств для финансирования учебного заведения.

В Попечительный совет училища входили три непременных члена, занимавших эти места без выборов, по статусу своей должности. Это городской голова, а в его отсутствие замещающий его гласный городской думы; управляющий Тюменским округом и председатель педагогического совета. Дополняли совет два избираемых члена, один от купечества, другой от чиновников.

Постоянным членом Попечительного совета училища от купечества был К.К. Шешуков.

В первый год бюджет училища составил 722 рубля, из которых 200 руб. были израсходованы на содержание здания и учебные пособия.

Просуществовав в виде приходского училища один год, Тюменская женская школа 20 августа 1860 г. была преобразована в трехклассное училище 2-го разряда на правах уездного училища с приготовительным классом.

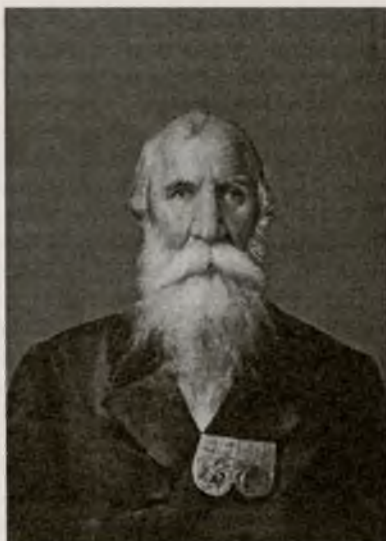
¹ По мнению некоторых историков, именно эти любительские спектакли и являются точкой отсчета в хронологии тюменского театра.

Через два с половиной года Попечительный совет Тюменского женского училища направил в городскую думу просьбу «о составлении обществом приговора для ходатайства о наименовании Тюменского женского училища «Мариинским» в честь Августейшего имени Ее Величества Государыни императрицы Марии Александровны»².

Тобольский губернатор во время своего очередного приезда в Тюмень, узнав о таком желании тюменского общества, предложил городской думе выйти на него с соответствующим ходатайством. Для верности, по мнению губернатора, ходатайство должно было быть подписано не менее чем 150 гражданами.

С первой попытки удалось собрать 39 подписей — 14 купеческих и 25 мещанских, правда, других попыток так и не последовало. Попечительный совет женского училища четырежды обращался в городскую думу с предложением собрать подписи горожан при первом же общественном собрании, но ответа так и не дождался. То ли горожане были заняты более важными делами, то ли большинство их оказалось просто безучастными, но Тюменское женское училище так и не стало Мариинским.

Первой попечительницей училища, по решению тюменского городского общества,

Тюменский купец К.К. Шешуков

была избрана жена управляющего Тюменским округом — Фелицата Андреевна Стефановская.

Одной из самых важных задач, стоявших перед попечительницей, был поиск средств на содержание учебного заведения. Ведь необходимо было платить жалованье учителям, сторожу и истопнику, оплачивать учебные пособия, отопление и освещение учебного здания.

Немалую помощь в этом ей оказывал супруг — управляющий Тюменским округом коллежский советник Василий Яковлевич Стефановский. По его инициативе была организована акция, когда вместо праз-

² ГАТО. Ф.И-55. Оп.1. Д.307. Л.43.

дничных визитов, подразумевающих трату денег на подарки, горожане жертвовали на женское училище. Таким образом было собрано 157 рублей, сбор от организованного концерта составил 152 рубля.

В феврале 1858 г., когда здание женского училища еще достраивалось, от разных лиц поступило 129 рублей, в июле фонд женского училища существенно пополнился выручкой от продажи лотерейных билетов в сумме 900 руб.

Не оставался в стороне от нужд своего детища К.К. Шешуков, пожертвовавший в январе 1859 г. 575 руб. 29 $\frac{1}{2}$ коп., тогда же гласный Н.А. Тюфин представил вырученные «на лотерейном базаре 683 руб. 45 коп.». Общая сумма пожертвованных вместе с выделенными городской думой на содержание учебного заведения ежегодных 300 руб. составила 5382 руб. 74 $\frac{1}{2}$ коп. серебром.

Собранные деньги находились на хранении в городской думе у ответственного за это гласного Патрушева, предварительно записанные «в приход по общему журналу и партикулярной книге»³. Необходимость увеличения капитала, принадлежавшего женскому училищу, и отсутствие в это время в Тюмени возможности поместить деньги на банковский счет⁴ вы-

нуждали городскую думу пускать деньги в оборот под проценты.

Деньги отдавались «благодарнейшим людям, за поручительством членов думы для приращения процентами».

Так, явился 29 января 1859 г. в городскую думу тюменский мещанин Василий Васильевич Селюков и объяснил, что «по коммерческим оборотам он имеет необходимую надобность взять займообразно из суммы, принадлежащей женской школе за указанные проценты 150 руб. сер.», представив на эту сумму вексель в 150 руб. сер. сроком на 12 месяцев за поручительством тюменского 3-й гильдии купца Николая Овечкина. Выдали.

5 февраля 1859 г. тюменский 3-й гильдии купец Павел Александров Рычков просил выдать ему займообразно «из суммы, принадлежащей Тюменской женской школе за указанные проценты 1033 руб. 45 коп. сер.». Поручителем выступал тюменский 2-й гильдии купец Филимон Колмогоров. Выдали и купцу Рычкову.

Деньги женского училища постоянно находились в обороте. Контроль за оборотом этого капитала находился под пристальным вниманием не только гласных городской думы, но и Попечительного совета этого

³ ГАТО, Ф.И-2. Оп.1. Д. 436..Л. 40 об.

⁴ Общественный городской банк в Тюмени открылся только в 1865 г.

учебного заведения. Однако оказалось, что у семи нянек дитя без глаза.

Однажды, рассматривая доставленные Тюменской городской думой ведомости об обороте капитала, члены Попечительного совета заметили, что 274 руб. 66 коп. серебром, отданные думой под проценты купеческому сыну Науму Патрушеву за поручительством купца Ивана Решетникова 1-го, не возвращены в срок.

При разбирательстве выяснилось, что Наум Патрушев умер, и только после смерти открылась его несостоятельность.

На законный вопрос Попечительного совета, почему не взысканы деньги с неустойкой и процентами с Патрушева или его поручителя купца Ивана Решетникова 1-го, внятного ответа из городской думы не последовало.

Дело о взыскании денег было передано в Тюменский городской суд. Начались долгие судебные слушания.

Претензия Попечительного совета к городской думе состояла в следующем: почему был допущен судебный иск по векселю, когда дума имела полное право и возможность предъявить вовремя иск поручителю — купцу Решетникову (при несостоятельном Патрушеве) и взыскать всю сумму с процентами с Решетникова. В случае

и его несостоятельности — с членов городской думы, как отдавших капитал неблагонадежному лицу.

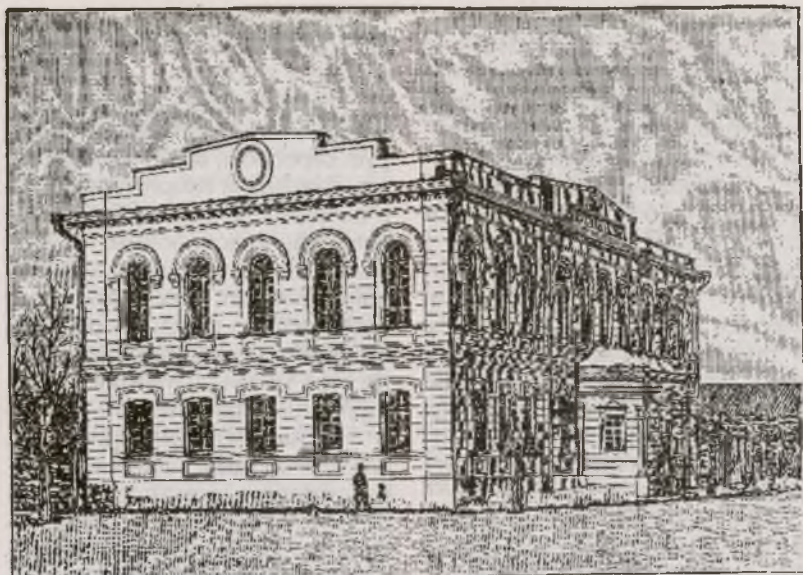
Городской думой факт потери денег признавался, однако среди гласных желающих возместить потерю не нашлось: «платить деньги за Патрушева зависит от доброй воли гг. членов, обязательного же закона на то нет».

Сегодня об этой ситуации сказали бы так: отсутствие необходимой законодательной базы позволило гласным Тюменской городской думы уйти от материальной и судебной ответственности.

Не найдя правды в Тюмени, Попечительный совет обратился в Тобольское губернское правление. В ответ получили лишь обещание сделать внушение членам Тюменской городской думы, «чтобы они были внимательнее и разборчивее при отдаче капитала, принадлежащего училищу для приращения процентов лицам вполне благонадежным, а при наступлении срока уплаты по векселям, не делали бы такого упущения, как в деле Патрушева, где поручитель, по нерадению членов городской думы и упущению срока векселя, остался свободным от платежа денег»⁵.

После этого случая Попечительный совет училища стал с большим вниманием следить за своими средствами, находящи-

⁵ ГАТО. Ф.И-55. Оп.1. Д.1. Л.13.

Здание Тюменского женского училища, построенное К.К. Шешуковым в 1858 г.

мися в городской думе. Видимо, в связи с этим 7 июля 1864 г. был сделан запрос в Тюменское окружное управление: «на каком основании допущена дума распоряжаться суммами училища?»

Ответ управляющего Тюменским округом был таким: «Чтоб осуществить полезнейшее для города учреждение, не в ущерб и обременение жителей и по неимению ввиду особых и безукоризненных источников на этот предмет, решено было собрать благотворительным образом капитал...

...Одно было средство, чтобы оно приращивался, поэтому ре-

шено было передать в городскую думу для приращения его процентами на тех же основаниях, как там приращивается запасной городской капитал.

Сама школа никогда не могла достигнуть таких благотворительных результатов, и кому бы она и как стала отдавать капитал, когда и государственный банк тогда платил самой малой процент, да и посылать частями капитал и получать с него на содержание проценты из С.-Петербурга сопряжено было бы с трагической оного и задержками»⁶.

У женского училища были не только антигерои, но и настоящие самоотверженные его

⁶ ГАТО. Ф.И-55. Оп.1. Д.307. Л.149.

⁵ Заказ 588

ревнители и опекуны. Попечительный совет Тюменского женского училища на своем заседании 29 марта 1864 г. очень лестно отозвался о деятельности зрителя училищ Михаила Степановича Неугодникова, «ревностно, непрерывно и безвозмездно» трудившегося с самого открытия женской школы. По мнению совета, он «весьма много своим усердием и просвещенной деятельностью» способствовал развитию училища. Обсуждался даже вопрос о награждении г. Неугодникова участком городской земли.

Благодарили и тюменского купца Кондратия Кузьмича Шешукова. За пожертвование им 3 июля 1860 года в пользу женского училища векселей на сумму 2280 руб. серебром Попечительный совет объявил «благодарность потомственному почетному гражданину и кавалеру Кондратию Козьмичу Шешукову... через припечатание в «Тобольских губернских ведомостях».

Попечительный совет на заседании, состоявшемся 14 октября 1864 г., отдавая должное стараниям К.К. Шешукова в деле женского образования в Тюмени, предложил поставить портрет благотворителя в одной из зал женского училища. Тюменский 1-й гильдии купец Кондратий Кузьмич Шешуков, по мнению совета, отличался «истинным усердием и все-

гдашнею готовностью на жертвы в пользу образования детей здешних граждан».

Два каменных двухэтажных дома общей стоимостью 41 000 руб. серебром, выстроенных им в г. Тюмени и пожертвованных в вечное ведение учебного ведомства, красноречиво свидетельствовали о любви, с которой Шешуков «так искренно и ошутительно помогает распространению народного образования и с таким разумным сознанием пред заведением...

...Зная, что заведение без средств не может существовать, пожертвовал в разное время в пользу Тюменского женского училища до 4000 рублей серебром наличными деньгами, которые и составили первый основной капитал училища».

Поэтому, «желая передать потомству память ревностного благотворителя Тюменского женского училища, тюменского 1-й гильдии купца потомственного почетного гражданина и кавалера Кондратия Козьмича Шешукова», Попечительный совет принял решение ходатайствовать «о разрешении поставить в одной из зал Тюменского женского училища на вечные времена портрет г. Шешукова, как знак благодарности от настоящих деятелей в справедливой оценке полезных жертв для заведения и в память потомству, что всякая жертва, приносимая с благоразумным сознанием на пользу общую,

получает достойную награду от правительства и благодарность граждан».

5 ноября 1864 г. ходатайство было отправлено тобольскому гражданскому губернатору. Ответ ждали с нетерпением. 17 декабря 1864 года депеша из Тобольска была доставлена в Тюмень.

Тобольский губернатор писал: «По поводу ходатайства моего о дозволении поставить в одной из зал Тюменских училищ портрет почетного гражданина Кондратия Шешукова за сделанные им разные пожертвования в пользу означенных училищ, г. Председательствующий в Совете Главного Управления Западной Сибири уведомил, что разрешение по этому предмету выходит из пределов власти генерал-губернатора и зависит от Высочайшего усмотрения.

При этом генерал-лейтенант Панов присовокупил, что вывешивание портретов известных лиц в общественных заведениях дозволяется только лишь тогда, когда эти лица ознаменовали себя какими-либо государственным заслугами или обессмертили свое имя какими-нибудь учеными трудами, и, наконец, если учредили на свой счет какие-либо общепользные заведения и обеспечили их существование известными вкладами, а так как г. Шешуков не подходит ни под один из этих разрядов, то и не пред-

ставляется возможным входить по сему с особым представлением, тем более, что за сделанные г. Шешуковым пожертвования, он был вознагражден в первый раз золотою медалью и в последний — орденом Св. Станислава 3 степ.».

И хотя действительно почетный гражданин, тюменский 1-й гильдии купец Кондратий Кузьмич Шешуков дважды по выбору городского общества служил тюменским городским головой, за благотворительность и «примерное усердие в общей пользе» Высочайше награжден был орденом св. Станислава 3-й степени, золотой и серебряной медалями «За усердие» на Анненских лентах, это не остановило желающих увековечить память купца Шешукова.

Лишь 23 марта 1866 г. министром народного просвещения было разрешено поставить портрет К.К. Шешукова в актовом зале училища. Так, благодаря инициативе и настойчивости Попечительного совета и несмотря на все перипетии XX века, сохранился и ныне находится в фондах Тюменского музея изобразительных искусств портрет человека, положившего начало женскому образованию в Тюмени.

Однако не должно возникать иллюзии, что в становлении училища принимал участие один купец Шешуков. В пользу женского училища от тюменцев

поступали не только деньги и ценные бумаги, но и мебель, иконы, ткань на платья, часы и даже скатерти. Помогали — кто чем мог.

В 1859 г. О.А. Решетниковой женскому училищу была подарена икона Божией Матери в киоте, дочерьми купца Юдина — икона св. Сергия Радонежского, Иисуса Христа, икона Снятие Иисуса Христа с креста, врачом Образцовым — два шкафа для библиотеки, священником о. С. Баженовым — икона Божией Матери в киоте. Бронзовую люстру училищу подарил К.К. Шешуков, им же были подарены иконы св. Николая и великомученика Кондрата. Иконы дарили училищу купец Гилев, купеческая жена В.А. Подаруева. В 1860 г. училищу был подарен портрет императрицы Марии Александровны.

К 1 января 1864 г. женскому училищу было передано векселей на сумму 8400 рублей серебром, в том числе: купцом Федором Титовым на сумму 1300 рублей, купцом Семеном Чираловым — на 1050 рублей, купцом Иваном Войновым — на 2218 рублей 58 коп.

Постепенно училище пополнялось необходимой мебелью, инвентарем, учебными пособиями, но неожиданно в конце 1863 г. попечительница Тюменского женского училища коллежская советница Фелица-

та Андреевна Стефановская заболела, заявив Попечительному совету училища, что «по расстроенному здоровью, она не в силах нести более этой обязанности, а потому просит Попечительный Совет об увольнении ее от должности»⁷.

Найти в Тюмени в то время руководителя женского учебного заведения оказалось делом нешуточным, ведь руководить им должна была только женщина, образованная и пользующаяся уважением и доверием городского общества.

Прошло полгода, Ф.А. Стефановская оставалась попечительницей лишь номинально.

К решению этого вопроса был привлечен тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович. 10 июня 1864 г. он направил в Попечительный совет женского училища письмо, в котором просил предложить «кому-либо из почетных дам г. Тюмени, напр. жене полковника Фотине Семеновне Серебряковой, или другой, о принятии на себя должности Попечительницы женского училища». Желающих не нашлось.

Но вот в сентябре 1864 г. появилась надежда. В Попечительный совет женского училища из Тобольского губернского правления поступило письмо, в котором сообщалось, что «вследствие ходатайства г. начальника губернии о назначении образованной и достойной по своим

⁷ ГАТО. Ф.И-55. Оп.1. Д.307. Л.92.

нравственным качествам и опытности дамы начальницей Тюменского женского училища, на принятие на себя этой обязанности, изъявила согласие, на предложенных Ею Превосходительством условиях, имеющая звание домашней учительницы Анна Дмитриевна Вернер, известная в нашей литературе под именем Августы Вороновой, как одна из лучших детских писательниц и давно уже занимавшаяся воспитанием детей»⁸.

К сожалению, из-за нерасторопности и медлительности тех лиц в Тюмени, от кого зависела отправка приглашения, назначение А.Д. Вернер не состоялось. Известная писательница получила должность начальницы Петрозаводского женского училища 1 разряда.

Через некоторое время из Московского учебного округа пришло сообщение, что в Москве, ожидая «Всемиловнейше обещанного ей Государыней Императрицей назначения» находится бывшая начальница Иркутского училища для девиц духовного звания г-жа Гамбурцева. В связи с тем, что вакансий ни по ведомству учреждений императрицы Марии, ни по духовно-училищному управлению в ближайшее время не предвиделось, г-жа Гамбурцева,

нуждаясь не только в полезной деятельности, но и в некоторых средствах, согласилась принять на себя должность начальницы Тюменского женского училища.

По Положению о женских училищах принятие решения о назначении начальницы принадлежало Попечительному совету училища. Даже министр народного просвещения или императрица имели лишь рекомендательное право.

Поэтому тюменскому обществу предлагалось принять окончательное решение о согласии видеть г-жу Гамбурцеву начальницей женского училища в Тюмени, а также определить размер содержания начальнице училища и «в каком количестве может быть назначено ей единовременное пособие на покрытие путевых расходов...»⁹.

Тюменское городское общество, собравшееся 4 октября 1864 г., в общественном приговоре в расход училища включило следующие статьи:

- законучителю — 200 руб.;
- учителю истории и географии — 200 руб.;
- учителю арифметики и геометрии — 200 руб.;
- учителю русского языка — 200 руб.;
- учителю чистописания и рисования — 150 руб.;

⁸ К сожалению, в книге Е.Н. Коноваловой «Книгоиздание Тобольской губернии». (Тюмень, 2002) на Сс.19 и 189 допущена ошибка: известная детская писательница А.Д. Вернер никогда в Тюмени не жила и в женском училище не «трудилась».

⁹ ГАТО. Ф.И-55. Оп.1. Д.307. Л.121.

учительнице рукоделия — 200 руб.;

надзирательнице — 200 руб.;

преподавателю, на которого возложены обязанности секретаря училища, — 100 руб.;

на выписку журналов и книг для детской библиотеки и награды ученицам — 80 руб.;

на ремонт дома, отопление, освещение и прислугу — 280 руб.

Пока длилась переписка между Попечительным советом училища и городской думой, пока решался вопрос о размере оклада начальнице училища, г-жа Гамбурцева в марте 1865 г. получила назначение в Ярославль на подобную должность.

Это была не единственная неприятность. Сильные пожары в Тюмени в июне 1864 г., из-за которых выгорело около 400 домов, крайне осложнили финансирование женского училища из городского бюджета. Уменьшился сбор с недвижимого имущества горожан, уменьшились сборы и с гильдейских свидетельств, так как часть купцов стали брать свидетельства в других городах, где эта процедура стоила значительно дешевле.

В связи с отсутствием средств Попечительный совет старался подольше оттянуть приглашение начальницы учебного заведения. Все это время училищем заведовала надзира-

тельница Е.Л. Чиралова. Однако длительное отсутствие начальницы негативно сказывалось не только на учебном процессе, поиск дополнительных источников финансирования частично также лежал на начальнице заведения. Поэтому, пользуясь Положением о женских училищах, генерал-губернатор Западной Сибири 22 сентября 1865 г. утвердил в этой должности вдову адъюнкта-профессора Казанского университета Варвару Дмитриевну Тхоржевскую. Жалованье ей было назначено 600 рублей в год при готовой квартире, освещении и отоплении.

Новая начальница прибыла к месту своей службы только 23 мая 1866 г. После получения полагавшегося ей денежного пособия, в которое входили: двойные прогоны от Петербурга до Тюмени, единовременное пособие, а также жалованье за 8 месяцев, всего на сумму 900 рублей, — финансовое положение женского училища стало близко к краху. Это вызвало не только нарекания со стороны городской думы, но и недовольство городского общества: «...Попечительный Совет расходует училищные суммы не строго обдуманно ...управление начальным училищем, с сравнительно незначительным числом учащихся, обходится слишком дорого»¹⁰.

¹⁰ Историческая записка и отчет за 25 лет существования Тюменской женской прогимназии. 1898. Тюмень. С.13.

Действительно, в начале 1866-67 учебного года в училище обучалось 89 учениц, а к маю их осталось лишь 54. Содержание же начальницы и надзирательницы обходилось городу в 1200 руб., включая 960 руб. жалованья и две квартиры с отоплением и освещением.

В 1865 г. взамен г-жи Стефановской попечительницей училища была избрана жена потомственного почетного гражданина Авдотья Яковлевна Иконникова. На первом же заседании Попечительного совета Авдотья Яковлевна, движимая купеческой обстоятельностью, высказалась о полезности устройства при училище прачечной, погреба, амбара, бани, помещения для скота и экипажей, а также для приучения детей к полезным занятиям завести огород. Только отсутствие места сдерживало исполнение этих замыслов.

Больше всего для этой цели подходило место, находившееся рядом со зданием училища и принадлежавшее купцу К.К. Шешукову.

Члены Попечительного совета поддержали предложение А.Я. Иконниковой, признав, что это позволило бы устроить пансион для малосостоятельных учениц, а позже, при увеличении средств училища, преобразовать его в женскую гимназию.

Обратились к Шешукову. Несмотря на то что это место

было приобретено им для собственной надобности и обошлось ему в 700 рублей, Кондратий Кузьмич принял во внимание благородные цели, которые ставили перед собой члены Попечительного совета, и пожертвовал это «пустопорожнее место в вечное владение Тюменскому женскому училищу».

Таким образом, благодаря Авдотье Яковлевне Тюменское женское училище получило плацдарм для своего расширения и последующего преобразования сначала в 4-классную прогимназию, а затем в женскую гимназию.

Все это ожидало женское училище в будущем, а в 1867 году средств на содержание училища катастрофически не хватало. На одном из заседаний совета было решено ходатайствовать о разрешении упразднить должность надзирательницы, а ее должностные обязанности передать начальнице училища.

Начальница училища Тхоржевская посчитала для себя такие условия неприемлемыми и в декабре 1867 г., в середине учебного года, подала в отставку. Ее отставка была принята 16 февраля 1868 г. При отъезде из Тюмени бывшая начальница, как полагалось по закону, опять получила пособие и прогоны в размере 500 рублей. Не прослужив и двух лет в Тюмени, г-жа Тхоржевская оконча-

*Начальница Тюменской женской
прогимназии (1879—1903)
М.Р. Клерикова*

тельно подорвала бюджет женского училища.

Вот в такой период училищного безвластия 28 июля 1868 г., будучи в Тюмени проездом, женское училище посетил Великий князь Владимир Александрович. Здесь он осмотрел рукоделия учениц и «удостоил принять ковер их работы, шитый золотом и шелками по бархату».

Лишь почти через год, по рекомендации директора Тобольских училищ, новой начальницей стала Анна Владимировна Де-Граве, утвержденная в этой должности генерал-губернатором Западной Сибири 20 мая 1869 г.

Из-за крайней нехватки средств оклад жалованья ей был урезан до 400 рублей в год. Жизнь в училище продолжалась. Росло число горожан, рискнувших отдать своих дочерей на учебу. Все больше поступало в училище учениц из бедных семей.

Учебная программа женского училища предусматривала обучение учениц русскому языку, арифметике, геометрии, истории, географии, рукоделию, обязательным предметом являлся закон Божий. Учителем искусств в училище работал Константин Николаевич Высокский, русский язык преподавал купеческий сын Адриан Кондратьевич Шешуков.

Через год после выхода Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения¹¹ в Тюмень пришел приказ генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущова о преобразовании Тюменского женского училища 2-го разряда в четырехклассную прогимназию с приготовительным классом. Приказ был подписан 15 апреля 1871 г.

Несмотря на то что чисто внешне ничего не изменилось: здание, преподаватели и ученицы остались прежними, — с этого времени начался новый период в истории женского образования в Тюмени.

За время существования училища окончили полный курс учебы всего 35 человек.

¹¹ Высочайше утверждено 24 мая 1870 г.

Первыми девушками, получившими образование в Тюмени, были выпускницы 1862–63 гг.: Александра Зайцева, Ольга Николаева, Ольга Прасолова и Авдотья Садкова.

В 1863–64 учебном году окончили курс 6 учениц, в 1864–65 году — 2; в 1865–66 году — 5; в 1866–67 году — 3; в 1867–68 году — 2; в 1868–69 году — 5; в 1869–70 году — 8.

В 1870–71 учебном году выпуска не было. Ученицы, успешно закончившие 3-й класс училища, были переведены в IV класс прогимназии. Таких оказалось три, они же в 1872 году составили первый выпуск Тюменской женской прогимназии. Это — Вера Иванова, Ольга Тачина и Александра Чмутина.

Первые несколько лет (1871–1879) женской прогимназии характерны частыми сменами начальниц. В сентябре 1874 г. прогимназию покинула А.П. Де-Граве, лишь один 1874–75 учебный год проработала в Тюмени Александра Степановна Ливанова, с 1875 по 1879 гг. прогимназию возглавляла Павла Ивановна Фогелева.

1879 год для Тюмени был относительно спокойным, его можно было бы назвать даже благополучным, в это время не случилось ни голода, ни какой-нибудь эпидемии, пожары, и те как будто обходили стороной почти сплошь деревянный город.

Этот год стал в истории Тюмени знаковым в области просвещения: выход первой тюменской газеты, начало занятий во вновь открытом Александровском реальном училище.

Кроме того, почти одновременно в Тюмень приехали работать два человека, которые в становлении среднего образования нашего города сыграли ключевую роль. Это Иван Яковлевич Словцов, получивший назначение на должность директора реального училища, и Мария Раймундовна Розентретер¹², в июне 1879 г. назначенная приказом генерал-губернатора Западной Сибири начальницей Тюменской женской прогимназии.

Эти яркие и незаурядные педагоги приложили немало сил и знаний для поднятия уровня и престижа своих учебных заведений.

(Продолжение будет).

¹² Видимо, уже в Тюмени Мария Раймундовна вышла замуж. Ее муж коллежский секретарь Иван Иванович Клериков был в Тюмени известным нотариусом и адвокатом.

Елена Прокопьевна Швецова родилась в с. Орехово Армизонского района Тюменской области. После окончания в 1986 г. Тобольского пединститута (специальность — история, английская филология) работает научным сотрудником отдела искусства и архитектуры ТГИАМЗ (ныне Художественный музей). Автор ряда художественных выставок, в т.ч. и межрегиональных. Круг интересов: изобразительное искусство Западной Сибири второй половины XIX—XX веков, современное изобразительное искусство.

Нынешняя публикация — дебют в «Лучиче».

«Гражданин благородной души» О художнике М.С. Знаменском

Сибирский художник и писатель Михаил Степанович Знаменский является видным представителем общественной жизни Тобольска второй половины XIX века. Его по праву считают одним из первых краеведов, как художнику ему принадлежит первенство в разработке тобольского пейзажа. Он стоял у истоков тобольского косторезного промысла, музейного дела в городе. В его мемуарно-биографической прозе ярко предстает Тобольск 40—60-х гг. XIX века.

Изобразительное наследие М.С. Знаменского рассеяно по коллекциям различных музеев нашей страны: в Государственном Историческом музее, Эрмитаже, Государственном Литературном музее; во многих сибирских музеях: ТМИИ, ТГИАМЗ, Иркутском художествен-

ном музее, Омском музее изобразительных искусств. Тобольский

музей обладает большой коллекцией его произведений. Большой частью это работы, поступившие от племянниц художника Л.Н. и Е.Н. Знаменских в 1922 и 1941 годах и от Л.К. Высоцкой, дочери тюменского издателя К.Н. Высоцкого, в 1890 году.

М.С. Знаменский более известен как художник-карикатурист, относящийся к сатирикам-шестидесятникам, которые были постоянными корреспондентами журналов «Искра», «Маляр» и других центральных иллюстрированных изданий. Однако существует мнение, что

они относятся скорее к общественным деятелям, связанным не столько с художественной средой, сколько с литературно-журналистскими кругами. А в официально принятой истории русского искусства Знаменский, как и другие «искровцы», отнесен к художникам-любителям¹.

Хотя Знаменский не получил полного академического образования, но ему посчастливилось быть учеником профессора Академии художеств Ф.Г. Солнцева, акварелиста, автора большей части рисунков шеститомника «Древностей Российского государства», причисленного как знатока древностей к кабинету императора.

Михаил Знаменский брал уроки у одного из ведущих мастеров русского искусства Н.И. Уткина. Известный гравер-портретист с интереснейшей судьбой, живший более десяти лет в Париже и учившийся в Парижской академии, участвовавший в Салонах вместе с Давидом, Энгром, Гро, щедро делился своими знаниями с молодым сибиряком. Знаменский вспоминал впоследствии, что «общение и домашние уроки старого гравера имели для формирования его мастерства, как портретиста, гораздо большее

значение, чем официальные занятия в семинарии»². Имея таких блестящих учителей, окончив курс Санкт-Петербургской духовной семинарии по классу иконописи, а затем в 1859 году сдав экзамен в Академии художеств на звание учителя рисования³, М.С. Знаменский вряд ли может называться художником-любителем.

Художник, который сам себя называл воспитанником декабристов, сыгравших в его жизни судьбоносную роль (именно декабристы прочили Знаменскому карьеру «русского Гранвиля»⁴), кроме литературных трудов, в которых описаны встречи с ними, оставил после себя и обширную декабристскую иконографию. Выполненные Знаменским портреты декабристов специалисты ставят на одну ступень с работами известных русских и западноевропейских мастеров. В Государственном Литературном музее хранится парный портрет четы Фонвизиных, выполненный маслом на металле, альбом Г.А. Принцевой из собрания Эрмитажа начинается портретами С.Г. Волконского, М.А. Фонвизина кисти Знаменского⁵. Несколько акварельных портретов декабристов хранится и в Тобольском музее.

¹ Стернин Г.Ю. Очерки русской сатирической графики. М., 1964.

² Принцева Г.А. Николай Иванович Уткин (1730–1863). Л., 1983. С. 124.

³ Роцевский П.И. Воспитанник декабристов художник М.С. Знаменский. Тюмень, 1954. С. 38.

⁴ Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень, 1997. С. 241.

⁵ Принцева Г.А. Декабристы в изобразительном искусстве. Собр. ГЭ. М., 1990.

Знаменский внес большой вклад и в портретное искусство Сибири. Замечательные портреты отца художника, протоиерея Стефана Яковлевича Знаменского, большого друга и союзника ялutorовских и тобольских декабристов; Петра Павловича Ершова, с которым художник дружил в последнее десятилетие жизни поэта (этому портрету еще нужно вернуть авторство М.С. Знаменского); Анны Николаевны Лебедевой, тобольской учительницы с трагической судьбой. В тобольской коллекции имеются еще и другие, не атрибутированные женские портреты. Трудно также переоценить сатирические рисунки Знаменского в качестве иконографического источника. Его манера работать над карикатурой отличалась портретным сходством, и изображения многих сибирских деятелей на рисунках Знаменского и по сей день становятся находкой для исследователей.

Если сатирическая сторона творчества Знаменского исследована довольно полно, то его работы, касающиеся истории современной ему жизни Зауралья, до сих пор остаются несколько в тени. А между тем, многие акварели, карандашные рисунки Знаменского имеют самостоятельное художественное значение. В коллекции ТГИ-АМЗ — более 160 работ художника: завершённые акварели и рисунки, несколько работ, выполненных маслом, много под-

готовительного материала — наброски, зарисовки, интересные с точки зрения изучения творческой лаборатории художника, а также в качестве исторических документов эпохи, поскольку многие из них — детально проработанные линейные рисунки.

Памятники архитектуры, городские виды, окрестности Тобольска художник часто соединяет с изображением жанровых сцен, как, например, эскиз к акварели «У Михаило-Архангельской церкви», на котором изображена торговка выпечкой и гимназист у церковной ограды, или небольшой линейный рисунок с фасадом Тобольского тюремного замка и площадью перед ним с тонко подмеченными жанровыми сценами, или завершённая тонкая акварель «Придорожная часовня» с крестьянами, встречающими крестный ход с иконой Абаалацкой Богоматери.

Художник-реалист Знаменский всегда шел от натуральных зарисовок как в пейзаже, так и в бытовом жанре. Как известно, в середине XIX века среди художников, занимавшихся жанром, было распространено увлечение этнографической характеристикой народного быта (т.н. «этнографический» жанр). М.С. Знаменскому же импонировала эта тенденция, в нем счастливо сочетались художнический дар и дар ученого-исследователя, что наложило печать

на все его творчество. Нужно сказать, что Знаменский целенаправленно занимался этнографией Зауралья, и его работы, хранящиеся в фондах ТГИ-АМЗ, подтверждают это. В рисунках есть и типы жилья, и национальные типы, показ увеленений, коллективных работ...

Корни интереса художника к истории, в частности к этнографии, понятны. Он воспитывался в среде декабристов, которые являлись ссыльными поселенцами и иными глазами смотрели на местные обычаи и нравы. Знаменский был близок и к областникам, ему были известны работы Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, знаком с программой Н.И. Надеждина, обращенной ко всем интересующимся этнографией. В 60-е годы художник участвовал в экспедициях на север Тобольской губернии, результатом поездок стало множество зарисовок и законченных рисунков. Многие разрозненные работы впоследствии автор собирает в альбомы; так, северные рисунки войдут в альбом, посвященный 300-летию присоединения Сибири к России, и в альбом «От Тобольска до Обдорска». А в 1864 году М.С. Знаменский участвовал в военной экспедиции полковника М. Черняева и прошел вместе с русскими войсками путь от Аулие-Аты до Ташкента. Кроме выполненно-

го официального задания «Типы Кокандской границы», представленного генерал-губернатору Западной Сибири А.А. Дюгамелю, им был создан еще один альбом — «1864 г., степь, виды, типы, сцены, флора, карикатура» (34 листа, приобретен Алма-Атинским музеем в 1936 г.). Они содержат множество ценных материалов по истории Киргизии и Казахстана. Верный себе, Знаменский и во время экспедиции вел дневник «От Омска до Аулие-Аты: летучие записки воинствующего, но не военного господина», поясняющий многие альбомные рисунки⁶.

В нашей коллекции хранится два рисунка из «туркестанского цикла»: «Военный лагерь русских» — выполненная в цвете акварель и монохромная акварель «Ташкентские могилы». Фрагментарная композиция «Военного лагеря...» подчеркивает реальность изображенного: горы на заднем плане решены очень обобщенно, им противопоставлена детализованная прорисовка лагеря. Акварель «Ташкентские могилы», на которой изображены средневековые мавзолеи посреди залитой солнцем степи, призвана напомнить зрителю о вечном. Обе акварели объединены фигурой оруженосца Султангази Валиханова, предводителя киргизской милиции, что было

⁶ Турсунова М.М. Знаменский и Ч.Ч. Валиханов в экспедиции 1864 г. // Простор. 1868. № 3. С. 85.

определено по единственному опубликованному листу из алма-атинского альбома⁷.

Туркестанские работы Знаменского не включены в научный оборот и по сей день, в обзорах художественной этнографии Казахстана второй половины XIX века имя художника не фигурирует, хотя оно могло стоять рядом с именами военного топографа П.Ф. Бабикова, художника-этнографа В.Н. Плотникова и известного русского художника В.В. Верещагина⁸.

Среди северных работ особо выделяется серия пейзажей. Это законченные монохромные акварели «Зимовье князя Тайшина», «Островок Хе в долине Оби», «Могилы остяков близ Обдорска». Для каждого мотива художник избирает свое пространственное решение, так, «Зимовье...» интересно своей асимметричной композицией, а «Островок Хе...» изображен неширокой горизонтальной полосой, все остальное пространство листа занимают небо и вода. Удивляет безыскусность композиционного хода. Существует описание этой местности у И.С. Полякова: «Глазу открывается раскинутая по всем направлениям беспредельная площадь вод, теряющаяся далеко на окраинах горизонта... нас сопро-

вождала северная тишина; вся поверхность широко раскинутых вод представлялась прекрасным зеркалом, в которое с недостижимой высоты смотрело солнце»⁹. Знаменский в своей акварели сумел хорошо передать дух этого места.

Говоря о пейзажных работах Знаменского, нельзя обойти стороной исторический пейзаж. В фондах музея находится небольшая работа «Искер», выполненная маслом. На картине изображен 30-саженный высокий берег Иртыша с крутой излучиной реки в центре, на заднем плане — белеющие церкви Абалакского монастыря. Эпическое раздолье, могучая красота сибирской природы превращают маленькую работу в источник историко-культурной информации.

Михаилу Степановичу Знаменскому принадлежит первенство в разработке тобольского пейзажа. В масле, акварели, карандашных работах Знаменский донес до нас вид Софийского собора, архиерейского двора, панораму Троицкого мыса, Знаменского монастыря, уголков Завального кладбища с могилами декабристов, Прямской взвоз, тюремный замок, другие виды Тобольска и его окрестностей. Касаясь лишь небольшой части многогранного

⁷ Там же. С. 90.

⁸ Чабров Г.Н. Художники России в Туркестане // Звезда Востока. 1954. № 5.

⁹ Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. СПб., 1877. С. 141.

наследия М.С. Знаменского — его мемуарно-биографической прозы, его рисунков, — мы можем ближе познакомиться с Тобольском второй половины XIX века, с местным «beau monde» и чиновничеством. Даже только на примере коллекции работ, которая находится в Тобольском музее-заповеднике (ТГИАМЗ), можно проиллюстрировать широту освещения жизни провинциального сибирского города. Художественное наследие Знаменского называют энциклопедией сибирского общества. Его рисунки являются откликом на все крупные, значительные события в истории города, обличают пороки его жителей. Они ценны как художественные документы эпохи.

Художник откликался на городские события чаще всего сатирическими рисунками: карикатура на Боско Беккера, заезжего фокусника, многочисленные не сохранившиеся карикатуры на «михайловское» дело, упоминающиеся самим Знаменским в его дневниковых записях¹⁰. А в дневнике племянницы Е.Н. Знаменской говорится о карикатуре на приход из Лондона в 1877 году парохода «Луиза», капитаном которого был Г. Даль. «Эку даль — этот Даль! Вот поди-кось! Захотелось знать-разузнать нашу дикость!» — гласила подпись под рисунком¹¹.

Сонное царство провинции оживляли праздники: Рождество, Масленица, Пасха... Отмечались они балами, маскарадами, любительскими спектаклями. Знаменский и сам участвовал в подобных действиях, но, кроме того, переносил увиденное во время праздника на бумагу. Нам известны такие его работы, как «Маскированные», «Славильщики», «Как наши проводят пасху» (четыре рис.), альбомные карикатуры, изображающие подготовку любительского спектакля.

Интересен незаконченный сатирический акварельный рисунок в одном из альбомов Знаменского (коллекция ТГИАМЗ) с названием «1-е мая». Приход весны также знаменовался в Западной Сибири увеселениями. Отмечали этот день с размахом, обязательным выездом на природу. В многофигурной композиции художник с юмором изобразил танцующие пары в верхней одежде, с красными носами, музыкантов в varejках на фоне еще голых деревьев и греющихся у костров горожан.

В коллекции ТГИАМЗ есть и карикатура на тобольское чиновничество обобщающего характера, единственная у нас сатирическая работа Знаменского, выполненная маслом. Работу можно точно датировать концом 1890 года, так как на

¹⁰ Знаменский М. Дневники (Отрывки) // Лукич. 2002. № 1. С. 13–45.

¹¹ НА ТГИАМЗ № 37. Дневник Е.Н. Знаменской. С. 39.

ней изображен барон Келлер-краус, приехавший в Тобольск из Ковно на велосипеде 23 сентября 1890 года¹², которого горожане встречали с большой помпой, а также купец А.А. Сыромятников, готовящий издание в Тобольске частной газеты «Сибирский листок», изображенный в виде Вахха и мечтающий о миллионе подписчиков (первый номер газеты вышел 20 декабря 1890 года).

Изображение колокольни Софийского собора и падающей с нее фигурки человека своим зловещим сюжетом и неуместным расположением вносит разлад в композицию всей карикатуры. По всей видимости, это сделано автором осознанно для того, чтобы подчеркнуть, насколько заметны пороки чиновничества в провинции. На карикатуре изображен весь погрязший в кутеже, картах, бездействии и сплетнях цвет тобольского общества: почетный гражданин (С.Ф. Шишковский (?), помощник смотрителя тюремного замка) сидит за решеткой, директор училищ П.И. Панов играет в кубики, тобольский купец-скотопромышленник И.А. Александров отбивается от просительницы (недовольной любовницы (?), местный краевед К.М. Голодников озабочен переводами с иностранного, а над всем этим витает уже покойный губернатор В.А. Лысогорский как воп-

лощение консервативного и жестокого администратора, рядом — абрис губернского музея и фигурка славы, окруженная денежными мешками, с крылышкам и «показывающая нос». Карикатура отличается от ранних сатирических работ Знаменского своей стилистикой: если ранние были ближе к реалистической манере, в которой соблюдаются перспектива и пропорции, то в более поздних работах художник использует приемы иконописи, когда размеры фигур зависят от ступени, занимаемой ими на иерархической лестнице. Так, неспроста в вышеупомянутой карикатуре художник выделил по величине фигуры Сыромяникова и Голодникова, а также поместил их в верхнем ярусе композиции.

Патриот родного города, Михаил Степанович Знаменский мечтал написать историю Тобольска, бывшей столицы Сибири. Хотя его мечта и не осуществилась в полном объеме, все же он оставил после себя полную живых и зримых образов летопись провинциального города второй половины XIX века в графическом и живописных вариантах.

Значительное место в творчестве художника занимает иллюстрация. Он иллюстрировал произведения своего друга П.П. Ершова, сочинения Н.Г. Помяловского, занимался сатиричес-

¹² Тобольские губернские ведомости. 1890. № 39.

Михаил Степанович Знаменский

Обложка к детской книжке.
Б., цв. кар.; 16 x 21. 1866 г.

Обложка книги М. Знаменского
«Исчезнувшие люди».

К., акв.; 22 x 14. 1870-е гг.

Иллюстрация к «Запискам
из Мертвого дома».

Б., акв.; 21,2 x 23,7. 1862 г.

Лист из серии «Как наши проводят пасху». №1.

Б., акв.; 25,2 x 34,5.
1858 г.

Лист из серии «Как наши проводят пасху». №2.

Б., акв.; 25 x 34,5. 1858 г.

Сибирские крестьяне и цыгане.

К., м.; 16,1 x 15,4.

1-е Мая.

Б., кар., акв.; 25,2 x 33,5.
Конец 1850-х гг.

Ищущий поздравления.

Б., акв., кар.; 25,1 x
14. Конец 1850-х
гг.

Военный лагерь русских.

Б., акв.; 21,7 x 37,5.

Портрет Стефана Яковлевича
Знаменского.
Х., м.; 41 х 29.

Прямской взвоз и архив.

Б., акв.; 20,7 х 16. Ко-
нец 1850-х гг.

Карикатура на то-
больское чиновни-
чество. 1890.

К., м.; 30 х 64.

Остановка в пути.

Б., акв.; 21 x 24.

Представители самоедской и остяцкой знати.

Старшина Анико — вверху. В центре ниже — князь Тайшин, по правую руку от него — его помощник Юрий Юрьевич Ранымов. Крайний слева — старшина Калиев.

Б., акв.; 21 x 23.

Портрет северянина.

Б., акв., кар.; 10,7 x 10,7

Зимовка князя Тайшина близ Обдорска.
Б., акв.; 22 x 35,7.

Известия Императорского
Училищнаго
Учреждения
№ 20, 21 и 22

Островок Хе в долине Оби.
Б., акв.; 25,4 x 38,4.

Лист из археологического альбома (Раскопки 1880 г.).
Б., акв.; 51,5 x 33,4.

Лист из археологического альбома (Раскопки 1880 г.).
Б., акв.; 34 x 51,7.

Лист из альбома «Прогулка по историческим окрестностям города Тобольска».
Чувашский мыс.
Искер.
Искер с севера.
Сузгун.
Б., акв.; 51,9 x 33,3.
1880 г.

Обложка альбома «Прогулка по историческим окрестностям города Тобольска».
Б., акв.; 51,7 x 33,4. 1880 г.

Придорожная ча-
совня близ То-
больска во
время крест-
ного хода.

Б., акв.; 26 х 42.

Обложка к альбому
«Год в провинции.
Экстракт житейских
наблюдений».

Б., акв.; 34,8 х 31,2.
Вторая половина
1880-х гг.

Альбом «Год в провинции. Экстракт житейских наблюдений». Л. 2. — [Внизу — карандашная подпись: «Тобольский литератор Капитон Михайлович Голодников, редактор «Тобольских губернских ведомостей»].

Б., акв.; 34,8 х 31,2. Вторая половина 1880-х гг.

ким иллюстрированием произведений известных русских писателей И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого... Художник проявлял большой интерес к творчеству Ф.М. Достоевского. Он первым из российских графиков обратился к иллюстрированию «Записок из Мертвого дома». К сожалению, они не дошли до печати, сохранилось лишь несколько рисунков, два из них — в фондах ТГИАМЗ. Знаменский и в иллюстрации, как в карикатуре, рисовал с большой долей документальности. Так, на одном из рисунков сам Достоевский в арестантской робе, а на втором, изображающем сцену из главы «Каторжные животные», — начальник Омского острога плац-майор Кривцов¹³.

Дважды художник был приглашен иллюстрировать этнографические труды: путевые записки Ю.И. Кушелевского «Северный полюс и земля Ялмал»¹⁴ и книгу итальянского исследователя С. Соммье «Одно лето в Сибири»¹⁵. Труд Стефана Соммье, хотя и не переведен до сих пор полностью на русский язык, хорошо известен многим этнографам, так как является добротным изданием с замечательным визуальным рядом. Знаменский был одним из иллюст-

раторов этой книги, его рисунки в гравюрах Е. Маззанти заслуживают высокой оценки, многие из них не только документально точны, но и представляют художественный интерес. Рисунки же к путевым запискам Кушелевского органично сочетаются с текстом и, несмотря на несколько сниженное при репродуцировании качество, реалистическая манера исполнения, внимание к деталям, повествовательное начало позволяют отнести книгу к типу синтетического словесно-изобразительного повествования. Иллюстрации Знаменского становятся еще одним источником информации, так как он вводит в рисунки изображения конкретных лиц: самого Кушелевского, священника Обдорской миссии Петра Попова, старшего приказчика М. Мамеева, князя Тайшина, остяцких старшин. Сравнимая один из акварельных рисунков, хранящихся в ТГИАМЗ, «Представители остяцкой и самоедской знати» с подписными иллюстрациями в книге, можно с полной достоверностью определить изображенных¹⁶.

Необходимо отметить и такой любопытный факт, что в роскошном издании «Путешествия государя-императора Ни-

¹³ *Лейфер А.Э.* Михаил Знаменский — иллюстратор Достоевского // Книга: Исследования и материалы. М., 1986. С. 171.

¹⁴ *Кушелевский Ю.К.* Северный полюс и земля Ялмал: Путевые записки. СПб., 1868.

¹⁵ *Sommier S.* Un eslate in Siberia. Roma, 1885.

¹⁶ *Кушелевский Ю.К.* Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. СПб., 1868. С. 75, 106.

колая II на восток (1890—91)», иллюстрированном известным художником Н.Н. Карзинным, помещено несколько рисунков М.С. Знаменского. Эскизы рисунков «Самоед», «Сибирские татары», «Угличский колокол», находящиеся в коллекции ТГИ-АМЗ, позволили выявить авторство сибиряка. Издатели просто не стали «мелочиться» и подписывать незначительные, на их взгляд, рисунки провинциального художника¹⁷.

Занимался Знаменский и иллюстрированием собственных произведений. В нашей коллекции есть немало тому свидетельств. Одно из них — это обложка к повести Знаменского «Исчезнувшие люди», которая как бы персонифицирует страстное желание автора оживить прошлое и доказать обратное изображенному на обложке, что он блестяще и делает в тексте.

В XX веке многие музеи обратили внимание на такое явление, как «авторская книга», или «книга художника», появление которой датируется началом XX века, начиная с французских роскошных «libre

d'artiste» и книг русских футуристов. Многие альбомы Знаменского («Год в провинции. Экстракт из житейских наблюдений», «Похождения Бахвала Бахвалыча», «Северная экспедиция, 1866 г.» из фондов ТГИ-АМЗ и др.) являются законченными, цельными, если говорить принятым сейчас языком, «арт-объектами». Тем более его печатные издания «Моя поездка на кумыс: клубные сонные грезы»¹⁸ и «Обрыв. Роман классический, картинный, длинный и сатирический, и чинный»¹⁹ подходят под определение «авторская книга». Литературоцентризм творчества Знаменского известен, его работы всегда отличала склонность к повествовательности и развитию сюжета, а также большое внимание к пояснительному тексту. Еще Ершов критиковал друга за то, что он «больше литератор, чем карикатурист, и вся соль (в его карикатурах) заключается в подписи»²⁰. Наверное, именно поэтому художника привлек жанр комиксов (на что впервые обратил внимание В.А. Рогачев²¹), жанр, вышедший из

¹⁷ Ухтомский Э.Э. Путешествие государя-императора Николая II на восток (1890—1891). Т. III. СПб., 1897. С. 131, 135.

¹⁸ Знаменский М.С. Моя поездка на кумыс // Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень, 1997. С. 339—368.

¹⁹ Знаменский М.С. Обрыв. Роман классический, картинный, отменно длинный, длинный, длинный и сатирический, и чинный. Тюмень, 1875. 59 с.

²⁰ Абрамов И.С. О поэте Ершове (по неизданным дневникам сибирского художника М.С. Знаменского) // Сибирские огни. 1940. № 4—5. С. 239.

²¹ Рогачев В. Гори, гори, моя звезда! Критико-биограф. очерк жизни и творчества М.С. Знаменского // Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень, 1997. С. 10.

журналистики. Природа комикса такова, что он стоит как бы между литературой и изобразительным искусством. Как некая сюжетная линия, некое повествование, изложенное через череду последовательных картинок, образов, комикс стыкуется с мультипликацией и видео в целом. И вновь художник, как и в своей новаторской прозе, идет в ногу с XX веком. Хочется упомянуть в этом контексте и об одном незаконченном альбоме археологических находок, который называется «Прогулка по историческим окрестностям города Тобольска» (коллекция ТГИ-АМЗ). Кроме тщательно закомпонованных на листах альбома изображений находок, он содержит подробные карты и изображения видов окрестностей, а также отдельный лист, на котором изображены лица, «совершившие прогулку» и расположенные «при подошве Искера близ р. Сибирки». Это сам художник, сидящий с сигаретой на траве, попечитель учебного округа Максимов, бывший директор Тобольской гимназии П.И. Панов с маленькими рюмочками в руках, супруга Панова, также некто Карташев в ко-

телке. Это не научный фолиант, сухо предлагающий визуальный ряд находок, а художническая, рукодельная книга-альбом, выполненная с большой любовью, которая, кроме научной информации, передает и эмоциональный настрой автора.

Жизнь в провинции, где нет развитой художественной среды, — для художника фактически ежедневный подвиг. Ему приходится создавать ее и развивать самому. Михаил Степанович Знаменский не представлял свою жизнь вне «милого» его сердцу Тобольска. Он имел возможность остаться в Санкт-Петербурге, но, как и его будущий закадычный друг Петр Павлович Ершов, решил вернуться в Сибирь. Здесь, в провинции, он сумел прожить полнокровную, творчески насыщенную жизнь, несмотря на то что сатирический склад характера, блестящее образование и воспитание Знаменского изолировали его от среды тобольских обывателей. Надежда на изменение, исправление этой среды с помощью сатирических рисунков и литературных сочинений не оставляла его всю сознательную жизнь.

Поездка самодура в столицу* (Быль из сибирской жизни)

К-ский благодетель Клим Иванович Лоскутьев переживал тяжелые минуты.

Нервными шагами ходил он по своему кабинету, раздумывая о мести для своих врагов.

Самым злейшим своим врагом он считал Акордова, издателя газеты «Жало», выступившего с разоблачениями его бывшей общественной деятельности.

В борьбе с ним он противопоставил свою репутацию «щедрого» жертвователя, общественную деятельность и все свое влияние на граждан, связанных с ним денежными расчетами.

Но предположения его не оправдывались, граждане города не приняли близко к сердцу его огорчений и не пожелали принять участие в его борьбе с врагом.

Он был обескуражен неудачей и проклинал неблагодарных сограждан, еще недавно обивавших его пороги и заискивавших перед ним, чтобы получить его бланк на векселях. Его стали избегать, как только он оставил должность городского старосты.

Незадолго до оставления службы он как-то намекнул одному из граждан о своем намерении пожертвовать старые залежавшиеся обои для комнат богадельни, граждане тотчас же составили торжественное экстренное заседание для избрания депутации для поднесения Климу Ивановичу адреса за щедрое пожертвование.

Много таких благодарностей накопилось в портфеле Лоскутьева.

В осенние длинные вечера любил он «перешупывать» благодарности и с чувством прочитывал их.

Чтение благодарностей доставляло ему большое наслаждение, оно заставляло трепетать и сладостно замирать его сердце, как и в моменты их поднесения.

Но заглянем в прошлое Клим Ивановича.

Немало труда и больших денежных средств он затратил, прежде чем добился известности «благотворителя» и видной общественной должности.

* Печатается по: Ермак. 1912. №15. С. 8–11; №16. С. 6–8; №17. С. 11–12; №18. С. 6–7; №20. С. 5–8; №21. С. 5–7; №22. С. 5–7; №23. С. 10–11; №24. С. 5–8; №25. С. 6–8.

Вышедший в люди из ничтожества, из чернорабочих, Клим Иванович, как только стало умножаться его богатство не днями, а часами, поставил себе целью добиться звания степенного гражданина родного города.

И добился.

Было в его прошлом много темных пятен, много легенд ходило в народе про источник его богатств. Одна из таких легенд оказалась действительностью и попала в книгу присутственного места, выписки из которой приносили невыносимые страдания самолюбивому Климу Ивановичу.

Чтобы добиться популярности и задобрить будущих своих избирателей, Лоскутьев охотно подписывал ручательные одобрения, заменявшие ранее денежные залого по различным подрядам.

Учреждение, заведывавшее свидетельствованием документов, давало о Лоскутьеве такой отзыв:

«Хотя Лоскутьев судился за сбыт фальшивых кредитных билетов и оставлен судом в сильном подозрении, но сейчас он поведения хорошего, заслуживает одобрения общества, имеет недвижимую собственность и поручателем может быть допущен».

Много лет эта фраза вписывалась в документы, где фигурировал Лоскутьев, и она чуть было не послужила препятстви-

ем для утверждения его в должности городского старосты.

Но вышел манифест, и Клим Иванович оказался гражданином с правами.

Правда, в его лабазе размен денег покупателей нередко производился фальшивую монетою, но как фальшивые двугривенные принимались лавкою обратно и без спора, то свободное обращение фальшивой монеты не доходило до суда.

Со времени избрания Клима Ивановича городским старостою фальшивые монетки в его лавке перевелись.

Прошрое его стало понемногу забываться, стал забывать его и сам Лоскутьев.

В роли городского старосты он повел свое управление так, что, в сущности, он единолично вершил все городские дела, а его сотрудники, обязанные ему по векселям, только подписывали журналы.

В ознаменование своей общественной деятельности он выстроил и пожертвовал городу приют для малолетних детей, который наполовину заполнили его собственные дети от Нади, Маши, Даши и других, им же несть числа.

Даже в преклонном возрасте он не чужд был увлечений прекрасным полом и никогда не отказывал в денежной помощи женщине, если она была не прочь отблагодарить его ласками.

Последствия подобных благодетельных поступков наполнили выстроен-

ный им приют для покинутых детей.

Городским старостою он служил долго, почти двадцать лет.

Много он сделал за это время пожертвований городу, но еще более нанес зла своим самодурством и стремлением делать благодеяния за чужой счет.

Вот образец его общественных благодеяний.

Понадобилось одному ведомству построить в городе, где правил Лоскутьев, большое здание; на постройку было ассигновано 400 000 руб.

Управляющий ведомством намекнул Климу Ивановичу, что если он выстроит это здание на свой счет, то его вознаградят орденом.

Получить орден было заветною мечтою Лоскутьева, и он стал строить здание, но не на свой, а на общественный счет, и вовлек город в сотысячный долг.

Недальновидные граждане умилялись талантами своего старосты, кушали у него пироги, низко кланялись и подносили ему благодарственные адреса.

Но ничто не вечно под луною.

Прошло и время Лоскутьева.

Состав городских уполномоченных для вершения общественных дел изменился.

Вошли новые люди и стали проводить новые мысли.

Лоскутьев оказался за флагом, в городские старосты его не выбрали.

Он остался один с пачкою «благодарностей» и просроченных векселей своих приятелей.

Город стал развиваться.

Появились газеты.

Одна из газет — «Жало» — скептически отнеслась к раздутым благодеяниям Лоскутьева и решила сорвать маску с прославленного благодетеля.

В потоке обличительных статей она представила в надлежащем освещении общественную деятельность Лоскутьева.

Поклонники и должники Клима Ивановича, читая статьи, укоризненно покачивали головами, а сознательные обыватели с нетерпением ожидали финала обличительных статей.

Лоскутьев тоже читал газету и, сознавая правду, невыносимо страдал. Самолюбие его было унижено. Он боялся показываться на глаза людям, думая, что служит мишенью насмешек и глумления со стороны граждан К-ска.

В бессильной злобе он забросил все свои дела и думал об одном, как бы закрыть газету.

Мнительность его была настолько велика, что в самом невинном рассказе, если сюжет касался истории с фальшивыми деньгами, он видел намек на себя.

Долго терпел и страдал Лоскутьев. Посылал доносы на вредное направление газеты.

Советовался с адвокатами, с судьями, прокурорами, как бы

привлечь редактора к ответственности, но оснований для привлечения не было.

Все напечатанное было голлой правдой и легко могло быть доказано на суде.

В поисках средств для воздействия на газету-обидчика, он бросался то к одному, то к другому и наконец обратился с просьбой о его защите к гражданам К-ска.

Написал Клим Иванович заявление, в котором постраждал: если его не защитят от газетных статей, то он отбирает обратно пожертвованное здание приюта и сотни детей выгонит на улицу.

Граждане были поставлены в неловкое положение.

Хотелось им уважить милоштивца, но не знали как.

Право «сечь» редактора они не имели.

Составили собрание.

Судили, рядили и неожиданно для Клима Ивановича решили «высечь» самого Лоскутьева, возратить ему пожертвованное здание, а для детей нанять новое помещение.

Начало нашего рассказа застает Лоскутьева в кабинете, ожидавшего результата собрания граждан.

Результат совещания обещал привезти ему секретарь собрания.

В ожидании его Клим Иванович посылал ругательства по адресу редактора газеты «Жало».

— В ступке истолку, в решете измельчу, — грозился он.

— Куда они поместят сотни детей, обязательно вынесут порицание газете, — обнадеживал он себя.

— Что для них газета, она и им доставляет немало неприятностей. А у меня они всегда могут перехватить деньжонок. Отказа не будет.

— А если они меня не попросят взять заявление обратно, что мне тогда делать? — раздумывал Клим Иванович.

— О, тогда я всем жестоко отомщу!

И гаденькие мысли о мести зашевелились у него в голове.

— Что это долго не едет секретарь, — поглядывая в окно, думал Клим Иванович.

Еще полчаса томительного нервного ожидания.

Но вот звонок.

Лоскутьев побежал самостоятельно открывать двери.

Входит секретарь собрания, молодой блондин лет 20.

— Ну что, будут меня просить, кланяться, — заволновался Лоскутьев.

Секретарь сконфуженно молчал.

— Ну, говорите скорее.

— Граждане постановили...

— Что постановили?

— Благодарить вас...

— Наконец-то, благодарить.

Я так и знал. Опомнились! Спасибо тебе за хорошую весть, — и с этими словами рука Клима Ивановича потянулась к бумаж-

нику, чтобы щедро вознаградить радостного вестника.

— Граждане постановили отблагодарить вас за отобранное пожертвование.

— Что, что такое, повтори.

— И решили перевести детей из вашего здания в другое помещение.

— О, проклятые, — мог только проговорить Лоскутьев и без чувств упал на пол.

— Воды, воды скорее, — закричал испуганный секретарь.

Домашние Клима Ивановича прибежали с несколькими ведрами воды.

Холодная струя привела в чувство Лоскутьева.

Мутными глазами обвел он присутствующих. В недоумении взор его остановился на секретаре.

Он вспомнил горестную весть, свой позор, свои разбитые надежды и застонал.

— Неблагодарные гады, — прошептал он.

Всю ночь он был в бреду...

Картины из прошлого воскресали в его воспаленном мозгу.

Вот К-ская тюрьма. Жарко натопленная баня. Бритые макушки обнаженных арестантов.

Среди них его закадычный приятель Федотыч, посланный им «убрать» лишнего человека.

Федотыч надает пар в каменку.

Два дюжих арестанта подхватывают третьего тшедушно-

го арестанта и подставляют его голову под раскаленный пар. Тот отбивается, кричит, но через минуту его голова опускается... Он сварился...

— Прочь, прочь от меня, — отмахиваясь руками, кричит больной.

Эту картину сменила другая.

Комната его любовницы Собакиной. Топится печь. В ней догорают груды фальшивых кредиток.

За дверями стоит становой и понятые для производства обыска.

— Отопру, сейчас отопру, — шепчет больной...

Кошмары прошлого мучили Клима Ивановича всю ночь.

Обеспокоенная старушка жена клала на его голову холодные компрессы...

На другой день Лоскутьев очнулся.

Его железное здоровье выдержало потрясение.

Невыносимо болела голова и ныли старческие кости.

Жена приготовила ему вместо чая горячий настой из сушеной малины, вызвавший у него испарину.

К полудню он оправился настолько, что мог подняться с постели и приняться за дела.

Полученная вчера горестная весть как-то пришибла его, убила энергию. Голова стала трястись. Он постарел на десять лет.

— Хотя бы умереть скорее, а не страдать так, как страдаю я, — думал он.

— На кого меня променяли граждане?

— На бумагомарателя...

— Но погодите, я им отомщу!

— Узнают, что может еще натворить Лоскутьев. Только поправиться бы, поеду в столицу.

— Миллиона не пожалею, найму самого Плеваку, а Акордова таки упрячу в тюрьму. Мои деньги помогали сокрушать и не таких врагов, а там, в столице, научат, как сокрушить обидчика.

— А разве дать этому гаду 10 000 руб., чтобы он оставил меня в покое и молчал о моем прошлом.

Но эта мысль его же самого привела в ярость.

— Чтобы я, Лоскутьев, унизился перед ним? Никогда... Никаких денег не пожалею, а поставлю на своем...

— И неподкупный он, подлец, деньги-то возьмет, а сам будет поджаривать на медленном огне... — раздумывал он...

Лоскутьев поехал в столицу через неделю.

Одна из газет отметила и цель его поездки:

«Наш уважаемый согражданин Клим Иванович Лоскутьев вчера уехал в столицу для присказания адвокатов для ведения судебного процесса против редактора газеты «Жало».

***1

Чудный летний вечер.

Дебаркадер К-ского вокзала.

В ожидании отхода поезда прогуливается публика.

В буфете 1-го класса в углке сидит к-ский «благодетель» миллионер Лоскутьев.

Около его лежат два чемодана и ящик с разной снедью.

Черные крысиные глаза его с беспокойством бегают по публике.

Ничто не отмечало в нем богатого человека. Засаленный пиджак, косоворотка, брюки навывпуск, все в пятнах, скорее заставляли предполагать в нем рабочего, чем богача.

Он сидел в ожидании билетов, за которыми послал своего приказчика. За большим столом буфета беседовали два чиновника.

Разговор касался жгучих тем дня.

— Слышали, как осрамился наш бывший староста, — говорил высокий брюнет своему собеседнику, — отобрал обратно пожертвование от города...

— Как же, слышал, об этом говорит весь город, все негодуют, а самодур и в ус не дует.

— Едет, говорят, в столицу, искать адвокатов, чтобы упечь в тюрьму редактора «Жало».

— Да, гусь он известный, думает, деньгами все можно купить... Сорвется. Это не то что двадцать лет водить за нос добродушных граждан своими жертвованиями...

¹ Здесь астерисками разделена публикация, части которой были помещены в разных номерах «Ермака». См. сноску в начале публикации.

Лоскутьев слышал разговор, краснел, вертелся на стуле, словно сиденье было усеяно мелкими гвоздями.

Он с нетерпением поджидал своего спутника с билетами, чтобы скорее занять место в вагоне.

Прозвучал первый звонок.

Его приказчик, из разорившихся купцов, Емаков нес в руке два билета 2-го класса прямого сообщения на Пермь.

— Неси вещи в вагон, — приказал Лоскутьев.

С маленьким чемоданчиком в руке заковылял Лоскутьев из буфета.

Около него суетливо, с ящиками в руках, вприпрыжку бежал Емаков.

На пути к вагону в числе публики промелькнуло лицо заклятого его врага Акордова, ядовито улыбавшегося.

Лоскутьева затрясло как в лихорадке.

Плохое предзнаменование, — мелькнуло у него в голове.

Он прибавил шагу и поспешил юркнуть в вагон.

До отхода поезда оставалось еще минут 15.

Емаков деловито расставлял по полкам ящики и расстилал постель своему патрону.

Пассажиров во 2-м классе было немного.

Большинство ехало до ближайших станций.

Третий звонок.

Последнее прощание уезжающих, и поезд тихо отходит от станции.

Томительно долгим показалось Лоскутьеву время пути до Челябинска.

Ночами он спал плохо. Невольные думы о недавнем позоре терзали его.

В разговоры с пассажирами он не вступал, а целые дни молчаливо проводил за столиком у окна вагона, задумчиво посматривая на мелькавшие в окне ландшафты.

Промелькнули города Омск, Курган и Петропавловск.

В Челябинске пересадка на Пермь.

Наконец и город Пермь.

Здесь Лоскутьев вышел из вагона и, чтобы размять свои старческие кости, отправился гулять по городу.

Пермь показалась ему благоустроенным городом, куда лучше, чем его родной К-ск.

Широкие прямые улицы, приличные бульвары и хорошие постройки производили хорошее впечатление.

В городе он заметил электрическое освещение, телефонную сеть, водопровод и довольно приличный городской театр.

Единственный недостаток Перми — смешение построек — как-то сам бросился ему в глаза. Наряду с прекрасными каменными зданиями ютились жалкие лачуги и пошатнувшиеся убогие хибарки.

Разгуливая по городу, Лоскутьев сравнивал каменные дома Перми со своими палатами в К., останавливал прохо-

жих, расспрашивал их о капиталистах города, о торговле, о жертвователях.

Один остановленный им прохожий оказался словоохотливым и охотно вступил в беседу с заезжим стариком.

Он был природным екатеринбуржцем, бывал в Тюмени и первым делом стал расхваливать родной Екатеринбург.

— Наш город красивее Перми. В Екатеринбурге высшее учебное заведение, а в Перми только средние учебные заведения.

Лоскутьев спросил что-то о количестве школ.

Словоохотливый прохожий начал перечислять ему их:

— Здесь есть мужская и женская гимназии, реальное училище, горнозаводское и техническое училище, торговая школа, духовная семинария и много низших школ.

— А вы откуда, господин, будете — не из Тюмени ли? — вдруг задал он вопрос Лоскутьеву.

— А... что?..

— Хотел бы узнать, чем кончилось у тюменцев дело с бывшим городским головою Т., отобравшим обратно пожертвование.

Лоскутьева при последних словах передернуло, он подозрительно посмотрел на своего собеседника и сказал:

— Извините, мне некогда, я тороплюсь к отходу парохода.

Лоскутьев, никогда не бывавший в Тюмени, не знал, что в этом городе имеется жертво-

ватель, отобравший пожертвование, принял намеков на свой счет и заключил, что случайный его знакомый, вероятно, был в К-ске и знает о «его позоре»...

Долго он бродил по улицам города. Дошел до «Козьего загона».

Чудный вид на лесистое Закамье и на самую реку, сплошь заставленную различными судами, успокаивающе подействовал на нервы старика.

Он забыл неприятный намек и позор.

Долго стоял он на набережной, и только протяжный свисток парохода заставил его очнуться.

Ускоренным шагом он поспешил на вокзал.

С нетерпением ожидал его приказчик Емаков, не получивший еще от него инструкции, в котором классе брать каюты.

— Берите в первом, а багаж перенесите сами, пристань напротив, — угрюмо распорядился он.

Пароход акционерного общества Любимова и К^о «Иван Любимов» развел уже пары, приготовляясь к отходу.

Пассажиры и публика сновали по мосткам.

Лоскутьев вышел на рубку полюбоваться камским мостом и видом города.

Безоблачное небо, вечерняя прохлада манили пассажиров из кают.

Пароход давно уже оставил за собою Пермь.

Стали виднеться «Курьи», любимая пермяками дачная местность.

По обрыву песчаного берега, сквозь лиственных и хвойных деревьев, сплошной цепью тянулись красивые дачные домики.

«Иван Любимов» рассекал спокойные воды красавицы Камы.

Чувствовалась близость северо-Урала.

По берегам высились великаны горы, покрытые сосновым лесом и залитые лучами заходящего солнца, точно они были освещены заревом пожара.

Но вот запад угас... Терялись из вида берега Камы и кой-где, в раскиданных по берегам деревушках, приветливо светились огоньки.

Лоскутьев поднялся с места, чтоб спуститься вниз в каюту.

Тихо. Берега ушли из вида.

Кругом вода, вода.

Со всех сторон несся смолистый аромат сосен.

Лоскутьеву невольно вспомнились песчаные хмурые берега Иртыша и безлесые высокие берега Оби.

Долго он всматривался в замаскированные сумерки ночи, неровные очертания берегов, погруженных в сладкую дрему.

По воде стлался легкий туман.

Мимо Лоскутьева прошел высокий кряжистый старик.

Фигура старика показалась ему знакомой.

— Уж не Пелевин ли, — подумал он. — Вот неожиданная встреча! — и Лоскутьев хотел окликнуть старика, но тот уже спустился вниз.

— Завтра узнаю, он или нет, — и с этими мыслями он направился в свою каюту спать.

* * *

— Ну, Андрей Андреевич, спать пора, — проговорил Лоскутьев, входя в каюту. — Я приготовил вам постельку. Ложитесь с Богом.

— Скоро, брат, в столицу приедем. Будем искать управы на нашего врага, — мечтал Клим Иванович.

— Конечно, глубокоуважаемый, найдете. При ваших капиталах да не найти управы! В тюрьме сгноите дерзновенного, что он осмелился идти против вас.

— Непременно сокрушу проклятого. В бараний рог согну, в порошок измельчу. Будет помнить и знать, что был не свете Клим Иванович Лоскутьев.

— Помнишь нашего исправника Кольчугина? — обратился Лоскутьев к приказчику. — Тоже против меня линию вел. Живо вышиб со службы. Сначала перевели в захудалый городишко, а теперь в писарьках пробивается.

— Расскажите, Клим Иванович, про этот случай. Очинно любопытно послушать, — елеыным голоском упрашивал Емаков.

— Очень ловко мне это удалось — вышвырнуть Кольчугина.

Осмелился он составить на меня протокол, что у меня крыльцо при доме построено не согласно плана и представляет опасность в пожарном отношении. Я ему и показал пожарную опасность!

Первым долгом написал докладную записку начальнику губернии, что в городе под управлением Кольчугина стали твориться разные безобразия, участились кражи, убийства, а он жуликов «прикрывает», а потом и министру о том же челобитную послал. А проездом из Нижнего из каждого попутного городка посылал телеграфные жалобы на Кольчугина, что проездом через К. был обокраден, а исправник никакой помощи не оказал.

— Неужели, Клим Иванович, телеграммы от своего имени посылали?!

— Ха, ха, ха, — закатился Лоскутьев.

В одном городе послал от Иванова, в другом — от Сидорова, в третьем — от Козлюшкина. Да что Кольчугин! Я и повыше его доносами упекал, тоже убирали. Нужно только уметь.

— А на Акордова вы не пробовали подействовать этим способом? — спросил Емаков.

Лицо Лоскутьева омрачилось.

— Пробовал все. Просил и старосту Ивана Александровича, хотя мне и тяжело было ему кланяться, чтобы похлопотал у губернатора о закрытии газеты.

Руками и ногами замахал. Не могу, отвечает, никак не могу. Печать и без этого находится в тяжелых условиях. У меня язык не повернется просить об этом.

— Был и у губернатора. «Привлекайте к суду», — ответил. — А как привлечешь, когда ни один адвокат не берется вести дело. Печать в тяжелых условиях! Черта с два. Порядочного человека помоями обливают, а никто не пожелал заступиться! Будь у меня власть, я бы печать совсем уничтожил. Крамолу она разводит, хорошим людям житья нет. Взять, к примеру, хотя бы нападки на меня. Правда, я сидел в тюрьме за то, что фальшивые бумажки принял, недосмотрел. Подсудность — происки врагов. Но не виноват я...

При последних словах Лоскутьева Емаков едва мог скрыть невольную улыбку.

Он был хорошо осведомлен о прошлом своего принципала.

Лоскутьев увлекся рассказами.

Он перешел к своим былым победам над женщинами.

— Водки никогда не пил, проклятого зелья не употреблял. Одно удовольствие у меня было в жизни — женщины. Не хвастаясь скажу, успехом у женщин пользовался немалым.

Долго еще он посвящал Емакова в тайны былых своих похождений.

В сладких воспоминаниях о минувших победах Лоскутьев заснул.

Проснулись они поздно.

«Иван Любимов» прошел уже Нытву.

* * *

Солнце высоко поднялось над горизонтом.

«Иван Любимов» отходил от пристани «Нытва».

Кое-кто из пассажиров стояли на палубе, любуясь красавицей Камой.

Утренняя прохлада бодрила и ласкала.

Между пассажирами шел разговор о железоплавильном заводе французского акционерного общества, расположенном несколько в стороне от Камы, около впадающей в нее речки Нытва.

Какой-то чиновник в форме М.П.С. говорил о косности русских, о их неумении пользоваться богатствами страны. Восхвалял предприимчивость иностранцев, забирающих в свои длинные руки богатства Урала.

— Вот пример, — говорил он, — мы прошли иностранный завод, вырабатывающий мартеновскую сталь. На нашей земле, наш материал, русские руки, но барыши уплывают в карманы французских рантье.

Поднялся на палубу и Лоскутьев.

Он только что напился чаю и вышел на рубку в надежде встретить Пелевина.

Но пассажира, которого он принял за брата умершего друга своей юности и благодетеля, на палубе не было.

Медленной походкой он ходил по палубе, из одного конца в другой, любуясь окружающей природой...

К нему подошел с сумкой книгоноша с предложением купить книжек.

Лоскутьев отмахнулся.

— Барин, имеются и секретные карточки для старичков, — соблазнял книгоноша.

— Не надо — уйди от меня.

Но книгоноша не терял надежды.

— Вот интересный роман про Екатеринбург: «Приваловские миллионы» Мамина-Сибиряка. «В глухих местах» — история про тюменцев, Лухмановой. «Томские тайны», — перечислял книгоноша свой товар. — «Сибирские коршуны» Левитова. «История одного преступления» — были из сибирской жизни. «Благотворители современности»...

Лоскутьев уже отходил от назойливого книгоноши, но последние два названия его заинтересовали...

«Не про меня ли уж?» — мелькнуло у него в голове.

— Что с тобою делать — давай две последних книжицы, перелистаю на свободе. Сколько стоит?

— Два рубля.

Лоскутьев, взяв книги, бережно спрятал их под пиджак, оглянулся кругом и направился в каюту.

Емаков перебирал какие-то бумаги в чемодане.

— Что роешься? — прикрикнул на него Клим Иванович. — Ступай на палубу — я читать буду, а ты мне мешаешь.

Выпроводив Емакова, Лоскутьев запер каюту и принялся смотреть книги.

Взяв «Историю одного преступления», небольшую книжку в 6–7 печатных листов, он обомлел, увидя на обложке родной город К—ск, откуда он недавно выехал, и название типографии заклятого врага.

— «История одного преступления» — была из сибирской жизни Карпеева, — шептали его побелевшие от неожиданного открытия губы.

— Гад смердящий, что делает! На Каме книги распространяет про меня.

Разрезав пальцами несколько страниц, Лоскутьев «впился» в предисловие.

«Не вымысел, а правдивую историю передам тебе, читатель, в этой книжке. Сибирь — страна неожиданностей, там рыцари большой дороги нередко становятся именитыми гражданами... Сюжетом для моего рассказа послужил судебный процесс одного фабриканта, конкурента экспедиции заготовления государственных бумаг, снабжавшего своим фабрикатом любителей легкой наживы.

Герой рассказа был убит в тюрьме арестантами, а следственное дело сгорело в дореформенном суде... Но остались свидетели мрачного дела — они живы.

Сын и дочь фабриканта отбыли срок наказания на каторге, превратились в добрых поселян и написали свои воспоминания, которые случайно попали в мои руки»...

Таково было предисловие книги.

Лоскутьева жгли эти строки.

Его бросало и в холод и в жар.

Он понял, что в рассказе он не забыт и дети «фабриканта» в воспоминаниях не пощадили его.

Стук в двери каюты оторвал его от книги.

Стремительно он спрятал книгу под подушку.

— Кто там? Что надо? — спросил он, отворяя каюту.

Емаков высунул голову и с заискивающей улыбкой сказал:

— К Оханску подходим, уважаемый Клим Иванович. Не желаете ли взглянуть на городок? Вся хорошая публика высыпала на палубу.

— Что пристал ко мне, как оса! — крикнул Клим Иванович.

— Ну пойдём! — скрывая свое взволнованное состояние, уже более мягко сказал Лоскутьев.

Выйдя из каюты, он ее запер и ключ положил в карман.

— Ключ-то оставьте, уважаемый, я подмету в каюте.

Лоскутьева передернуло, он подозрительно посмотрел на приказчика.

— Чего пристал с подметаньем — пойдём наверх.

Маленький Оханск, напоминающий большое село, уже виднелся.

Лоскутьев сел на скамейку.

Рядом сидящий пассажир рассказывал соседу легенду про Оханск: «В то время, когда дьявол показывал Иисусу Христу богатства мира, то он умышленно прикрыл Оханск своим хвостом, чтобы Христос не увидел такой гадости»...

— И действительно, — разъяснял он курьезную легенду, — Оханск — забытый Богом и людьми городок. Здесь нет ни торговли, ни промышленности. Чем только промышленяют оханцы — трудно сказать.

— А долго здесь стоит пароход? — обратился Лоскутьев к пассажиру.

— Нет, недолго, здесь нечего делать.

И действительно, пароход приставал к пристани для того, чтобы сдать двух пассажиров, и через несколько минут отправился далее.

От Оханска ландшафт берегов оживился лесом — он ласкал глаз своей зеленой стеною.

Лоскутьев не обознался.

В числе пассажиров парохода «Иван Любимов» действительно находился Иван Пелевин, ехавший в Казань для совета с профессорами.

Он тоже узнал Лоскутьева, но испугался этой встречи.

Еще в К—ске Лоскутьев начал заигрывать и старался возобновить с ним знакомство.

Но Пелевин после памятной ночи, когда он едва не сделался

жертвою Клима Ивановича, старательно избегал с ним встреч и инстинктивно его боялся.

И сейчас, после бессонной ночи, одиноко сидя в своей каюте, он думал, как благодаря Лоскутьеву он сделался бедняком.

Он решил не показываться Лоскутьеву на глаза и не выходить из каюты до Казани.

Молодость Пелевин провел очень бурно.

Отец считал его непутевым сыном.

Сколько родитель ни делал отеческих внушений Ивану — ничего не выходило.

Иван продолжал сорить деньгами да кутить.

Семья Пелевиных назад тому лет 40 гремела на весь К-ский уезд.

Никто не знал, какими судьбами старик богател.

Все село, где у старика была лавка, находилось в кабале у богача.

Старший сын старика Александр был правою рукою отца и помогал старику вести торговое дело.

Когда старик Пелевин умер, то его два сына унаследовали пятнадцать тысяч наличными, кроме товара, находящегося в лавке.

Старший сын был очень энергичный, значительно расширил дела отца, а младший не обращал внимания на торговлю, а продолжал кутить, ежедневно требуя у брата денег на пьянство.

Старший брат махнул рукою на младшего и терпел его как неизбежное зло.

Случайно Александр Пелевин, при поездке в К—ск, познакомился с Лоскутьевым, торговавшим на базаре мукой.

Лоскутьев, бывший до того в работниках у Манченкова, сумел положить за голенище несколько десятков рублей из хозяйской выручки и решил завести собственное торговое дело.

Потребности к-ских обывателей в то время были очень скромны.

Хлебная торговля основывалась на сбыте ржаной и пшеничной муки, о крупчатке большинство жителей не имело даже понятия. Если она и находилась случайно в лавке Манченковых, то этот сорт не находил потребителей.

Лоскутьев задумал заняться распространением этого сорта муки, купил у своих бывших хозяев для первого дебюта десять мешков и с этим запасом начал свою торговлю.

В первый же базарный день он вывез на площадь муку для продажи.

Подойдут бабы к возу, «пожуют» муку, подивятся новинкой и идут далее.

Другие торговцы зло вышучивали Лоскутьева.

А он нахваливал бабам качество своей муки.

Но ничто не действовало. Муку не покупали.

Тащил он баб за рукава, упирались даром взять на «пробу» пшеничной муки без отрубей.

Бабы упирались, но на даровщинку все-таки соблазнились, и один мешок кое-как был разобран.

Понурил голову Лоскутьев, когда повез домой не проданные 9 мешков муки.

Через неделю торговля пошла лучше.

Бабам новая мука понравилась, они расхвалили ее соседкам, и 9 мешков у Лоскутьева были уже расхвачаны.

От 10 мешков он нажил 5 рублей.

В следующую неделю он распродал уже 20 мешков.

И так постепенно увеличился сбыт муки.

Лоскутьев мечтал уже о собственной мельнице.

Но денег для мельницы еще не было наторговано.

О богаче Пелевине он был много наслышан и, когда с ним познакомился, у него мелькнула в голове мысль уговорить Пелевина выстроить крупчатую мельницу.

Пелевин приглядывался к торговле Лоскутьева крупчаткой и понял выгоду постройки мельницы.

Присматривался он и к Лоскутьеву.

Энергичный и трудолюбивый Лоскутьев понравился ему.

Скоро они сошлись, и Лоскутьев на деньги Пелевина выстроил крупчатую мельницу.

Весь свой капитал издержал Александр Пелевин на новое дело.

И это дело его радовало.

Крупчатая мука почти вытеснила из употребления пшеничную, и обороты компаний-нов стали увеличиваться.

Пелевин был очень доверчив и не считался с тем, на чье имя была мельница.

А Лоскутьев сумел все дело перевести на свое имя.

Иван же не бросал своей разгульной жизни и не интересовался делами своего брата.

Старший брат внезапно захворал.

Пробовал лечиться старухами и, по рецепту Лоскутьева, «нашатырем».

С каждым днем он чувствовал себя хуже и хуже.

Лоскутьев не отходил от постели больного. Александр чувствовал себя очень плохо, упросил Лоскутьева разыскать младшего брата и привести к нему.

Когда полупьяный Иван появился у постели больного, Александр Пелевин сказал Лоскутьеву:

— Слушай, Клим, весь свой капитал я доверил тебе и в своем доверии я не раскаивался. Капитал у нас с братом общий. Когда я умру, ты отдай ему и его и мою часть. Что ты нажил на наши деньги, пусть будет твое. Поклянись, что исполнишь мою волю и не обидишь брата.

Лоскутьев снял с угла икону и дал клятву.

Старший Пелевин умер, и Лоскутьев остался бесконтрольным хозяином мельницы.

Первые два-три года он давал Ивану Пелевину кое-что, но затем стал принимать его с каждым приездом холоднее и холоднее и уменьшал сумму подачек.

Иван Пелевин стал меньше пить и начал подумывать, как бы выручить от Лоскутьева хотя часть денег, отданных братом.

И он решил потребовать от Лоскутьева свою часть.

Приехал он из своего села к Лоскутьеву.

Тот поставил перед гостем водку с закуской.

Иван Пелевин даже не приронулся к «угощению».

— Приехал я к тебе, Клим Иванович, поговорить о наших делах.

— У нас с тобой не было никаких дел.

— Но зато были дела с моим братом. Помнишь клятву у постели умирающего брата?

Лоскутьев молчит.

— Ты теперь стал богатым человеком, — продолжал Иван Пелевин, — но все, что ты имеешь, — мое. У нас с братом капитал был наследственный от отца, и я наследник. Отдай мне мои деньги.

— Денег у меня нет, как у тебя нет и доказательств, что твой брат давал мне деньги.

— А Бог-то на что?

— Бог никому не скажет, но немного я тебе все-таки дам, буду помогать. На муке у меня один только убыток, и мельница мне в тягость.

— Отдай мне мельницу, и мы будем квиты.

— Переночуй у меня. Утро вечера мудренее. Завтра поговорим.

Пелевин пошел в отведенную ему комнату. «Рассчитается или нет со мною Клим?» — раздумывал он.

И с этими мыслями он заснул.

Страшный и ужасный сон приснился Пелевину: в полночь будто бы он слышит шорох. Дверь приоткрывается, и лохматая голова Лоскутьева обрисовывается в темноте.

Пелевина взяла жуть. Что ему надо в ночную пору? Зачем он пожаловал?

Лоскутьев крадется к его постели.

— Кто тут — что надо? — поднимается Пелевин с постели.

Лоскутьев молчит.

Пелевин соскакивает с кровати.

— Кто тут?! — уже закричал он.

— Это я, — отозвался Лоскутьев и вышел из комнаты.

Ночной визит Лоскутьева обеспокоил гостя. Он нашел спички, зажег свечу. Осмотрел комнату. В углу он увидел лом. Взял это орудие и положил к себе на кровать.

Проходит два часа. Опять слышен шорох. Снова отворяется дверь. Кто-то вошел в комнату.

Пелевин зажег спичку и увидел Лоскутьева с топором в руке.

Пелевин догадался, зачем пришел Лоскутьев.

Он вскочил, взял лом и закричал:

— Не тронь, живой в руки не дамся! На твой топор у меня есть лом. Ты пришел убить меня, чтобы не отдать мои деньги?! Подавись ты деньгами!

Молчание было ему ответом. Скрипнула дверь, и Лоскутьев ушел из комнаты.

Пелевин в ужасе проснулся, холодный пот струился по его лицу. Кошмар он принял за действительность и, не простившись с хозяином, уехал домой.

Прошли года.

Иван Пелевин бросил свои кутежи, начал работать и стал жить зажиточно.

Воспоминание об ужасе пережитой ночи не покидало его.

В городе много раз он встречался с Лоскутьевым.

Лоскутьев здоровался с Пелевиным и, как будто бы ничего не случилось, говорил Пелевину:

— Что в гости не заезжаешь?

— Спасибо, один раз хорошо угостил, в другой раз твоего угощения пробовать не хочется.

О деньгах Лоскутьев не упоминал.

Не поминал о них и Пелевин, зная, что денег Лоскутьев ему не отдаст.

Когда на Лоскутьева нашла полоса благотворений и жертвований, он делал попытки сойтись с Пелевиным и задобрить его.

Но тот не шел на компромиссы.

Он следил за Лоскутьевым, знал все его проделки, знал и городские слухи о том, что будто бы существует при его мельнице фабрика фальшивых двугривенных.

Посылал Пелевин доносы начальству, что из мучного лабаза Лоскутьева сдача выдается исключительно фальшивую монетою.

Доносы не действовали, а Лоскутьев богател не по дням, а по часам.

Его считали уже обладателем сотни тысяч рублей.

Проследил Пелевин, как Лоскутьев судился за сбыт фальшивых троек, пятиток и десятков, которые будто бы спускались в степь киргизам при расчетах за купленный у них скот.

С интересом Пелевин следил за ходом судебного процесса, когда фабриканта «накрыли» с его фабрикою. Фабрикант начал на суде «объявлять» своих покупателей.

И за это заплатился жизнью.

Узнал Пелевин, что фабриканта «сварили», и удивлялся ловкости бывшего компаньона

брата, с которою тот выпутывался из бед.

Видел он, как Лоскутьев обманывал сограждан, надев на себя маску великого жертвователя и благодетеля, и думал:

— Покажет им Клим когда-нибудь свои когти.

Неожиданная встреча с Лоскутьевым на пароходе почти через 15 лет после их последнего свидания заставила его струсить.

Он знал озлобленность Лоскутьева, и чисто животный страх при встрече с ним напал на него.

— Не столкнет же Лоскутьев меня с борта парохода, — ободрял он себя.

И он укрепился в своем решении не выходить из каюты до Казани.

* * *

Плавно рассекал пароход «Иван Любимов» могучие волны Камы.

Промелькнул Сарапул с его церквями, с высокими блестящими куполами и крестами, рельефно выделяющимися на бледно-голубом небе.

Пройден и знаменитый «Пьяный бор».

Вот и икское устье.

Ик когда-то был судоходной рекой, а теперь он совершенно заброшен.

До сих пор сохранилась в народе легенда об этой реке и Ермаке.

С устья реки Ика двинулся на Ермака с сильной ратью царский воевода.

Задумался Ермак. Не знал он, как избежать беды.

Но надумал. Взял он с собою казну, княжну-полюбовницу, выехал на середину Ика и взмолился ему, чтобы тот спас его от царского воеводы.

Принес он Ику жертву, бросил в воду всю казну: золото, серебро, камни-самоцветы. Не пожалел он и княжны-полюбовницы, и ту отдал Ику.

Поднялась непогода, разбушевался Ик, и погиб в его волнах воевода с царской ратью.

Ермак с своей дружиной спасся, но за то с той поры поумтел Ик. Затянуло его омутами, и в тех омутах хранит он казну Ермака.

И вот придет время, говорит народная легенда, поднимется Ермак с песчаного берега Иртыша, заберет казну из омутов Ика и заполонит новое царство от высоких «Теплых гор до большого Белого моря».

Задумчиво сидел Лоскутьев на палубе парохода, слушая легенду о Ермаке от своего спутника Емакова.

Не заметил он и таинственных «Тихих гор».

Думы о прошлом не выходили из его головы.

Мысленно он перенесся в далекую юность.

Вспомнил он свою недолгую службу у сибирского богача Дрышниковца.

Спокойное путешествие на пароходе напомнило ему дру-

гое его путешествие по тундрам Сибири.

Суровая зима. Он сопровождает большой транспорт товара.

Десятки возов тянутся по безлесной дороге.

Слышна перекличка ямщиков.

Он сидит на переднем возке, укутанный в козлиные шкуры, и боязливо оглядывается по сторонам.

От Иркутска обоз отъехал верст на 200.

Плохой славой пользовалась дорога, по которой проходил обоз.

Жители деревень промышляли грабежами, не стесняясь нападать на обозы и днем.

Вот промелькнула с гиканьем тройка, а навстречу, с другой стороны, неслась другая тройка.

Ямщики насторожились. Время клонилось к вечеру, а до ближайшей станции оставалось верст 15.

Подозрительные тройки то и дело носились по обеим сторонам обоза.

Лоскутьев обратил внимание на ямщика одной тройки, высокого чернобородого мужчину лет 40, проехавшего мимо обоза три раза.

— Слушай... Смотри!.. — раздавались возгласы ямщиков обоза.

С большой осторожностью они подвигались вперед.

Станции в то время состояли из одного-двух дворов.

Подъехали, наконец, они к станции, отворили ворота и въехали во двор, где расставили свои воза.

У Лоскутьева защемило сердце, когда он узнал в хозяине постоялого двора ямщика, с гиканьем носившегося мимо их обоюза.

Но он не подал вида, что узнал, а обратился к нему с вопросом:

— Что, хозяин, можно ехать далее? Не опасно?

— Ничего, поезжайте. Здесь не балуют, никто вас не обидит.

— Мы хотим переночевать у тебя. Можно?

— Переночуйте.

Напившись в избе чаю, Лоскутьев вышел во двор к ямщикам, хлопотавшим у возов.

— Дело неладно, — обратился он к ямщикам, — хозяин — подозрительный человек. Без охраны воза не оставляйте, а чай пейте попеременно. Спите на возах. Один из вас должен обязательно стоять на карауле.

Хозяин следил за Лоскутьевым. Он допытывался, почему ямщики попеременно ходят в избу пить чай.

— Обоз нельзя оставлять без караула, — откровенно сказал Лоскутьев.

— У меня потери не случится, можете спать спокойно, — убеждал хозяин.

— Ямщики сами не оставят возов. Они были уже учены, — ответил Лоскутьев.

Хозяин продолжал уговаривать спать в избе, но безуспешно.

Лоскутьев, как обозный приказчик, имел при себе большую сумму денег, выданную ему на путевые расходы.

В доброе старое время, когда от Екатеринбургa вплоть до Кяхты тянулись бесконечные транспорты с товарами, а обратно, из Восточной Сибири, шли обозы с цибиками китайского чая, обозные приказчики играли большую роль.

Многие сибирские купцы-миллионеры начинали свою карьеру с обозных приказчиков.

Они славились своими кутежами и щедростью.

Многие из них, как, например, Каменский, Кухтерин, Подаруев, составили себе крупные состояния, а некоторые сложили свои буйные головы на большой дороге от Иркутска к Красноярску.

Лоскутьев обозным приказчиком ездил только раз и чуть было не поплатился жизнью.

Хозяин постоялого двора знал, что у приказчика должны быть деньги, и задумал ограбить Лоскутьева.

А Лоскутьев подметил необычную услужливость хозяина, его советы ложиться спать и насторожился.

Поздно вечером ушел хозяин в свою половину, а Лоскутьев вышел на двор проверить ямщиков.

Но утомленные ямщики крепко спали.

Какие-то две тени виднелись у одного воза.

Лоскутьев разбудил ямщиков. Тени скрылись.

Разбуженные ямщики бросились осматривать обоз, у одного воза оказались срезанными два места с мануфактурой.

Лоскутьев распорядился, чтобы ямщики не спали, и пошел в избу.

Едва он успел перешагнуть порог, как сильный удар по голове свалил его с ног.

Он очнулся уже днем, на возке в дороге. Прежде всего ощупал он кошель с деньгами, хранившийся у него на груди, и набожно перекрестился. Деньги были целы.

Из расспросов ямщиков он узнал, что они бросились в избу на его крик и застали хозяина снимающим с него одежду.

Один из них ударом дубинки оглушил грабителя, а потом они выехали в дорогу...

От дум о прошлом Лоскутьева отвлек разговор двух пассажиров.

Они громко говорили о жертвователях.

Недалеко уже виднелась Елабуга.

Говорили о Стахееве. Восхваляли его общественную благотворительность. По его инициативе в Елабуге устроены прекрасное шоссе, электрическое освещение, водопровод, реальное училище. На эти сооружения он затратил значительные средства.

Один из собеседников, оказавшийся тюменцем, иронически спросил.

— А Стахеев не отбирает обратно пожертвований?

— А разве возможно отбирать пожертвования? — заинтересовался другой пассажир.

— Вполне возможно. В моем городе славился пожертвованиями некто г. Текутьев. Граждане не остались неблагодарными к его жертвам. Повесили его портрет для назидания потомства в думском зале, исходатайствовали ему звание почетного гражданина, а он, в благодарность за это, взял да и отобрал пожертвованное им здание для школы, выгнав на улицу несколько сот детей.

— А чем же реагировала Дума на это?

— Ничем. Впрочем, некоторые граждане предполагают возбудить вопрос о торжественном вынесении портрета Текутьева из думской залы, при колокольном звоне и при участии выгнанных им учеников.

Лоскутьева от этой беседы передергивало.

Он не знал г. Текутьева, не знал, что в Тюмени имеется такой же жертвователь, отбирающий пожертвования, как и он, Лоскутьев, и принял беседу на свой счет.

Он внимательно вглядывался в пассажира.

«Не послал ли Акордов кого-нибудь из своих сотрудни-

ков шпионить за ним?» — мелькнула у него мысль.

Он шепотом спросил у Емакова:

— Ты не знаешь пассажира, который говорит о Текутьеве? Не из г. К—ска он?

— Нет, не знаю, уважаемый Клим Иванович.

Слышанный разговор о жертвованиях так взволновал Лоскутьева, что он не мог уже спокойно предаваться своим думам и направился в каюту.

Нервы Лоскутьева не на шутку расстроились.

— Что за несчастная поездка? — раздумывал он. — 1912-й год для меня, кажется, роковой. Счастье повернулось спиной...

Его лихорадило.

— Приму нашатырь, — решил он.

Вынув из кармана нашатырь, он начал ножиком скоблить кусок. За этим занятием застал его Емаков, вошедший в каюту.

— Что с вами, уважаемый Клим Иванович, занедужилось, полечиться вздумали? Я вам и водицы принесу, — заискивающе заговорил спутник Лоскутьева.

— Убирайся ты от меня с своими услугами, без тебя обойдусь! — отрезал хозяин.

Емакова это не остановило. Он подметил слабость Лоскутьева к сплетням и доносам, старался везде подсмотреть, подслушать, чтобы потом отдать

полный отчет хозяину. Этим он добился расположения Лоскутьева и обеспеченного материального положения.

— Я свел новое знакомство — с Иваном Ивановичем Пелевиным, что-то неладное он рассказывает про вас пассажирам, — начал Емаков.

Лоскутьев встрепетнулся.

— Что такое он мог рассказать про меня, говори.

— Познакомился я с ним, глубокоуважаемый, случайно, встречаю его около уборной и говорю:

— Нельзя ли познакомить-ся, вместе путь держим...

А он мне отвечает:

— С добрым человеком рад свести знакомство — приходите в мою каюту чай пить.

— Вчера, когда вы изволили почивать, я направился к новому знакомому в гости.

Вхожу к нему в каюту, смотрю, сидит у него великовозрастный не то реалист, не то гимназист.

Пелевин ему что-то рассказывал, а при моем появлении они разговор прекратили.

Потом гимназист стал просить Пелевина, чтобы тот рассказал ему, как вы, Клим Иванович, в молодости жили и как капитал нажили.

— Зачем это гимназисту знать понадобилось? — думаю я про себя и приготовился внимательно слушать. Но многого из рассказа Пелевина не мог понять.

— Что еще рассказывал Пелевин гимназисту? — спросил Лоскутьев.

— Говорил он, что вы так любили его брата Александра, в такой большой дружбе с ним находились, что за 50 верст пешком к нему в село Елижанское хаживали.

Лоскутьеву стало не по себе, он бледнел и краснел.

— А далее что? — допрашивал он Емакова.

Рассказывал Пелевин про какой-то колокол, который вы поклялись купить для колокольни в селе Елижанском, но долго не исполняли клятвы, пока священник Иноградский, исповедывавший Александра Пелевина, не потребовал от вас ее исполнения. Более 10 лет назад вы собирались купить этот колокол и приобрели его будто бы дешевый, рублей за 500, а не за две тысячи, как обещали Александру Пелевину.

— А еще что рассказывал про меня Пелевин? — допытывался Лоскутьев.

— Боязно мне, многоуважаемый, что-о и передавать об этом. Спирт будто бы с его братом очень дешево покупали у заводчика Храброго, через подвального Агаева Храбрый в трубу вылетел, а подвальный Агаев 20 кабаков потом завел, богатым сделался.

— А еще что он врал про меня?

— Жаловался Пелевин гимназисту, что кто-то 45 000 р.

вынул из шкатулки у его умирающего брата да банковым билетом «на предъявителя» в 50 000 руб. воспользовался.

Рассказывал, что брат его Александр думал больницу выстроить, но болезнь помешала. Деньги на постройку он отдал «закадычному» другу, но этот друг больницу хотя и выстроил, но пожертвовал ее от своего имени, а не от имени настоящего жертвователя.

Говорил он, что его брат сидел в тюрьме за политические убеждения, и как «друг» старался его освободить оттуда, но потерпел неудачу.

— А далее что говорили? — весь красный, допытывался Лоскутьев.

— Непонятен был для меня дальнейший разговор, уважаемый Клим Иванович. Говорил он про вашу торговлю скотом в степи, про какую-то книгу, в которой вы расписывались в получении «товара» у одного фабриканта. Любопытная, говорил Пелевин, эта книга. Она будто бы и сейчас еще жива...

Много говорил он про своего брата, которого считал умным человеком. Выписывал тот много газет, вел собственный дневник, в который записывал свои личные переживания и наблюдения. Дневник он вел тайно, не знали об этом даже жена и близкие люди. Пелевин нашел его случайно, в потайном месте — большая книга, страниц в 500.

Когда разговор зашел о дневнике, гимназист стал спрашивать Пелевина, у кого находится сейчас этот дневник и нельзя ли его посмотреть.

— Опоздали, молодой друг, — ответил на это Пелевин.

Год тому назад приезжал к нему в деревню какой-то любознательный господин, расспрашивал его про Лоскутьева и про брата, а когда увидел дневник, то очень заинтересовался и купил его у Пелевина за большие деньги.

— Обязательно, сказывал, напечатаю, этот дневник выяснит одно темное, загадочное судебное дело.

Лоскутьев слушать сплетни Емакова более не мог.

— Оставь меня одного — мне нездоровится, — разбитым голосом сказал он Емакову.

Емаков низко поклонился. Пожелал скорого выздоровления и вышел из каюты.

Лоскутьев каюту за ним запер.

Болтовня Емакова его очень расстроила.

Неожиданное сообщение о дневнике Пелевина разбивало все его надежды и планы.

Он верил и не верил в существование дневника.

— Быть этого не может, чтобы Александр оставил дневник. Он никогда не говорил мне об нем.

Лоскутьев старался припомнить прошлое, и холодный пот выступил у него на лбу.

А если дневник действительно существует и в нем ничего не утаено, а записано все, что мы с ним говорили и делали. Это ужасно. Все выплывет теперь на свет Божий!

Надо принять меры, чтобы дневник не попал в печать, но где я его найду?

— Надо было исполнить посмертную волю Александра — это он теперь мстит мне из могилы, — мелькнула у него суеверная мысль.

— Часовню выстрою на вокзале — если минует меня чаша сия, — решил он.

Последнее решение его как бы успокоило, но червячок самолюбия снова зашевелился в его мозгу:

— Часовню выстрою в память какого-нибудь события, а затем пожертвую ее обществу. Людям не к чему знать, какая причина побудила меня на это жертвование. С этими мыслями он лег на койку.

* * *

Невеселая была поездка в столицу у Лоскутьева.

Сплетни Емакова его очень расстроили и лишили сна.

Гимназист, заинтересовавшийся, по рассказам Емакова, прошлым и дневником Пелевина, представлялся ему опасным шпионом.

«Кто его знает, что он за человек. Может, и не гимназист, а какой-нибудь анархист, подосланный врагами бросить в

удобный момент в меня бомбу», — думал он.

Лоскутьев всегда страдал манией преследования, в каждом незнакомом человеке он видел злоумышленника, готового посягнуть на его драгоценную жизнь...

Он любил писать сам себе анонимные письма с угрозами, а потом заявлять в газетах, что его благодетельному существованию от неизвестных злодеев угрожает опасность и что его сограждане рискуют потерять щедрого благотворителя, на жизнь которого устраиваются постоянные покушения.

Боязнь последних у него доходила до галлюцинаций.

Он очень боялся темноты, ему чудились тогда кружащиеся вокруг него страшные тени, он ощущал холод, разряженность воздуха, спазмы горла не давали ему дышать.

Дома у себя он спал при зажженной у иконы лампаде, а в каюте на пароходе — при электрическом свете.

Монотонные удары колес по воде, ласкающий плеск волн в его воображении представлялись чем-то ужасным.

Он думал, что гимназист стоит у дверей каюты и намеревается ворваться и задушить его.

Он уже жалел, что не оставил спать в каюте Емакова.

«С ним, дураком, было бы веселее», — раздумывал он.

— Но что это? — вдруг ужаснулся Лоскутьев.

И действительно, несмотря на электрический свет, в углу каюты начала обрисовываться какая-то фигура неопределенных очертаний, в виде сероватого прозрачного тумана.

Лоскутьев соскочил с койки, от ужаса волосы поднялись у него на голове.

Рука его, движимая какой-то невидимой силой, повертывает кнопку электрического провода — и каюта мгновенно погрузилась в мрак.

Лоскутьев теряет представление о времени и месте.

Его глаза, от ужаса вышедшие из орбит, уставились в угол каюты, где умывальник.

Сероватый туман отсвечивал фосфорическим светом.

Неясные очертания начали концентрироваться и принимать форму человеческой фигуры.

Вот обрисовалось продолговатое землистое лицо с правильным греческим носом. Мутные голубые глаза в упор были устремлены на Лоскутьева с угрожающим выражением.

В каюте откуда-то подул холодный ветерок.

Лоскутьев узнал гостя.

— Петр Иванович Ячменев. Он же живой! Господи, что это такое, — шептал Лоскутьев.

Фигура заговорила глухими сдавленными звуками.

— Да, был живой, но благодаря тебе шесть лет уже лежу

в могиле. Полюбуйся на свою жертву! Что я тебе сделал худого, за что ты разорил и погубил меня. Через твое не знавшее никогда жалости сердце я должен был бежать из города и, как зачумленный, скитаться по разным местам из боязни, чтобы ты не засадил меня в тюрьму.

Но помни, Клим Иванович, в природе ничто не проходит безнаказанно. Каждый твой грех, каждое зло будет тебе отомщено. Час возмездия настал, твои пожертвования обратились уже в твой позор... Но что значат твои теперешние страдания перед будущими? Ты не замечаешь бездны, у которой стоишь. Могила зовет тебя в свои вечные объятия. Тебе осталось жить немного, не годы, а только месяцы. Пока есть время, покайся в своих грехах и добрыми делами успокой свою больную душу, но не теми добрыми делами, которыми ради тщеславия и почестей ты обманывал людей, а такими, которые творятся втайне. Перед твоей смертью я еще раз явлюсь тебе, а теперь прощай и помни мои слова.

Фигура исчезла.

Лоскутьев долго находился в оцепенении и не мог прийти в себя.

В каюте стояла тишина, слышен был плеск волн Камы и биение сердца Лоскутьева.

Бессознательно он нащупал кнопку от электрической лампы, и свет снова залил каюту.

Мозг его не мог уяснить таинственного явления.

— Что я, брежу, кажется, — размышлял Лоскутьев. — Надо положить на голову холодный компресс. — Он разыскивает полотенце, мочит его водою из умывальника и кладет на воспаленную голову.

— С чего это мне пригрелся Ячменев, я его очень-то не обидел, он же мне не заплатил трех тысяч и сбежал. Правда, я сумел с него «выковырнуть» восемь тысяч. А если прекратил ему потом кредит, то это дело коммерческое.

— А зачем ты подал ко взысканию векселей на шесть тысяч, ведь Ячменев умолял тебя взять у него все, что тот имел, в ногах кланялся, а ты не пожалел, — кто-то прошептал Лоскутьеву.

— По миру бы пошел, если бы жалел всех, — мелькнул у него в голове ответ на предыдущую мысль.

— А если Ячменев умер, то что ему не лежит в могиле? Зачем его тень смущает покой порядочного человека.

Он стал припоминать свое коммерческое дело с Ячменевым.

— Писал тот другому должнику, что Лоскутьев взыскивает с него лишние три тысячи, но письмо то было изорвано. Не угрожает ли мне уголовный суд, если записка сохранилась и найдутся другие данные, которые могут меня уличить в этом?

Долго еще Лоскутьев думал о своем деле с Ячменевым. Он считал себя, однако, правым и здесь.

Теперь, когда он немного успокоился, в видение он не верил. «Так, пригрезилось», — думал он.

Он вообще не верил в загробную жизнь и не признавал души в человеке, хотя что-то иногда ему и говорило, что он не прав.

Во дни молодости, когда он был мясником и самолично «свежевал» скотское мясо, свое ремесло он считал делом обыкновенным, приносящим известные плоды.

Рука его никогда не дрожала, когда он обухом по голове убивал «обреченное» на пищу животное.

В его представлении люди не отличались от животных.

Одного себя он считал *человеком*, умнее всех и выше всех, а род людской приравнивал к быкам и коровам, которых он когда-то безжалостно лишал жизни. В силу такой логики и целью его жизни было не щадить попавшихся ему по коммерции должников, а обречь их на позор и унижения.

Мухе, попавшей в тенета паука, было легче, чем человеку, имевшему несчастье занять у Лоскутьева деньги по векселям.

Ни богатство, ни почести не доставляли ему того наслаждения, какое он испытывал при

виде несчастных должников, ползающих у его ног и молящих об отсрочке долга.

Он здесь чувствовал себя в своей сфере и был неумолим.

Ни долголетнее знакомство, ни услуги не принимались им во внимание.

Плати или обеспечь долг, требовал он и отбирал у должника все, что тот имел, и оставлял того полным нищим.

* * *

Петр Иванович Ячменев действительно был обязан своим разорением Лоскутьеву.

Уроженец Елабуги, он приехал в К—ск довольно состоятельным человеком, купил дом и завел торговлю сибирскими товарами.

Преимущественно он проводил орех, значительные партии которого отправлял в Россию.

Дело наладилось, покупка и перепродажа ореха давала порядочный барыш.

Ячменев познакомился с именитыми купцами, был принят во многих домах и даже был избран старостою в храм, который был известен своею чудотворною иконою.

Среди его знакомых зародилась идея создать крупную торговлю колониальными товарами на товарищеских началах.

Идея была скоро осуществлена, был собран капитал и на главной улице К—ска появился роскошный магазин под фирмою «Ливерстов и К^о» с от-

делением в наиболее бойкой части города.

Ячменев вступил в дело крупным пайщиком.

Тоговля пошла бойко, главными покупателями были сами же пайщики: парходчики, кожаные заводчики, юристы — все сливки общества.

Шампанское выписывалось вагонами, различные «деликатесы» — громадными партиями.

Пайщики брали товар «на запись», в счет будущих барышей, лишая этим дело оборотного капитала.

Первый год дал очень крупный дивиденд, но только на бумаге.

Собрание владельцев отчет утвердило, а «барыши» вспрыснули грандиозно попойкою.

Тоговля просуществовала года три, весь вложенный капитал пайщики «пропили» на шампанском и «проели» на деликатесах. Тоговля держалась уже на кредите.

К—ск славился кутежами своих купцов на всю Сибирь.

И сейчас там старожилы помнят старика Кондратьева, державшего при себе таборы цыган и раскуривавшего свою трубку только сторублевой ассигнацией.

Пропивались целые состояния.

Кондратьев в молодости был обозным приказчиком и как-то замечательно скоро «сколотил» большую деньгу, завел чайную торговлю и слыл за миллионера.

Он кутил дико, неумело, разбрасывая кредитки даже по улицам, но его кошелек казался неиссякаемым и пополнялся из неизвестного источника.

Народная молва источник его богатств видела, и, кажется, справедливо, в фабрикации фальшивых кредиток.

Под его каменным домом-дворцом имелись подземелья, где печатный станок возобновлял запасы кредиток Кондратьева.

Но как ни велико было его богатство, Кондратьев к концу своей жизни, однако, обеднел и оставил по себе памятник в каменном здании, пожертвованном им для женского училища.

Дом-дворец перешел во владение одной чайной фирмы, и при ремонте дома подтвердилось народная догадка: в подземелье оказалась комната с прикованным к стене человеческим скелетом.

Тоговля пайщиков начала падать, и они решили дело ликвидировать.

Ячменев, не бравший из дела вложенного им капитала, при ликвидации получил лишь жалкие остатки.

Пришлось вернуться к первому делу, к покупке ореха.

Вести дело в прежних рамках Ячменев уже не мог и должен был заложить свой дом в банк.

Дело понемногу стало развиваться, но, к своему несчастью, Ячменев познакомился с Лоскутьевым.

Когда Лоскутьев был избран городским старостою, то Ячменев по желанию нового старосты был избран ему в помощники.

Староста и помощник подружились и сошлись настолько, что один без другого не могли обходиться.

Ячменев не только был деятельным помощником в управлении Лоскутьевым городом, но часто исполнял и коммерческие поручения своего друга.

Видя к себе дружеское расположение миллионера, Ячменев задумал расширить свою торговлю, посоветовался с Лоскутьевым, тот его намерения одобрил и открыл ему кредит в банках.

Но никому еще помощь Лоскутьева не приносила пользы, его деньги, нажитые сомнительным путем, были несчастливы и неминуемо вели к разорению того, кто ими пользовался.

Не принес кредит Лоскутьева счастья и Ячменеву, а наоборот, первая взятая им тысяча рублей принесла несчастье.

Закупив значительную партию ореха, он перепродал его другому лицу, тот обанкротился, и Ячменев получил только 20 коп. за рубль.

Дело пришлось вести исключительно на кредит, открытый Лоскутьевым, и это привело его к полному разорению.

Лоскутьев, посещая часто Ячменева, плотоядно просматри-

вал на его красавицу дочку, учившуюся в женском училище.

Самолюбие отца сначала льстило внимание Лоскутьева, и он ничего не видел предосудительного в том, если старик погладит его девочку по голове, потреплет по щеке, шипнет за локоток.

Лоскутьевские ласки стали повторяться очень часто, барышня в недоумении посматривала на отца и на Лоскутьева и наконец пожаловалась матери, что «дедушка», когда остается с ней наедине, ощупывает у ней бюст.

Ячменев узнал про «шутки» Лоскутьева, старался удалять дочь из комнаты, когда заявлялся Лоскутьев, и подозрительно относился к его вопросам, куда ушла его дочка.

Но долг Ячменева мешал ему прервать с Лоскутьевым знакомство.

Дружеские отношения их продолжались еще два года.

Дочь Ячменева кончила курс и распустилась в пышную красавицу.

Дела Ячменева начали поправляться.

Лоскутьев по-прежнему посещал семью Ячменева и усиливал свои любезности с красавицей Маней.

Ячменев, чтобы избавиться от долга Лоскутьеву, стал обращаться с просьбами о кредите к другим лицам и, не будь у него хорошенькой дочки, приглянувшейся Лоскутьеву, он, веро-

ятно, ускользнул бы от лоскутьевских когтей.

Подозрительно было Ячменеву, что Лоскутьев почти никогда не возвращал ему оплаченных векселей, а оставлял их у себя.

Как-то раз он попросил Лоскутьева вернуть ему старые векселя, а тот закричал на него: «Ты мне не стал уже верить, второй раз не буду взыскивать!».

В г. К—ске существовала общественная лавка, деньги для ее оборотов получались из банка под учет векселей старшего приказчика, а иногда и векселей Ячменева.

Документы писались на имя Лоскутьева, а тот учитывал их в банках и деньги выдавал приказчику городской лавки для покупки товаров.

Лоскутьев потом воспользовался этим обстоятельством и попросил раз векселей у Ячменева для учета на три тысячи, тот беспрекословно исполнил желание Лоскутьева, не подозревая, что тот не побрезгует потом взыскивать с него деньги по безнадежным векселям.

Все время Лоскутьев был ласков с Ячменевым и при разговорах всегда справлялся о здоровье дочери Ячменева.

Как-то Лоскутьев обратился к нему с таким вопросом:

— А что, Петр Иванович, отдашь за меня свою дочку в замуж?

— Что вы, Клим Иванович, шутить изволите, какая же она вам невеста, да вы и женаты.

— Это ничего не значит. Очень уж она мне приглянулась, из головы не выходит. Полмиллиона не пожалел бы, чтобы обладать ею!

Как ужаленный вскочил Ячменев со стула и запальчиво сказал:

— Вы мне предлагаете продать мою дочь, что ли?

— А хотя бы и так. Не ты первый, не ты последний, — усмехаясь, цинично закончил Лоскутьев.

— Я дочью не торгую. Вы меня оскорбляете!

Лоскутьев увидел, что зашел далеко, изменил тон и шутливо ответил:

— Осердился уж. Остынь, я пошутил. Мало ли что говорится между закадычными друзьями.

— Жестоко вы шутите, Клим Иванович, — мог только проговорить Ячменев.

— Сказано — пошутил, больше не буду. Прости, если обидел, — извинился Лоскутьев.

Пошлая шутка обеспокоила Ячменева. Он вспомнил огонек, загоравшийся в глазах Лоскутьева, при виде его Мани.

По рассказам самого же Лоскутьева, он знал об его амурных похождениях, знал его похотливость и что он был неразборчив в средствах, чтобы получить в свое распоряжение понравившееся ему тело.

— От греха подальше. Надо отправить Маню в другой город, — решил Ячменев.

Он отправил дочь с женою в Москву, к своим родственникам.

Лоскутьев вскоре спросил Ячменева о его семье.

Получив ответ, что Ячменев живет один, а жена с дочерью уехала в Москву, он ничего не сказал, но потемнел и нахмурился.

Месяца через четыре подошел срок векселя, учтенного Лоскутьевым.

Денег у Ячменева не было, и он стал просить Лоскутьева о переучете векселя.

— Я ничего не знаю, — ответил Лоскутьев, — если вексель не выкупишь, я его протестирую.

Ячменев с большим трудом продал за бесценок часть товара, но вексель оплатил.

Пришел срок второго векселя. Снова повторилась та же история и платеж по векселю.

Был выкуплен третий и четвертый вексель, и Ячменев оказался без товара и без денег.

Он остался должен Лоскутьеву еще три тысячи, срок которых был через полгода.

Подходят срока векселей, учтенных другими лицами.

Ячменев снова обращается к Лоскутьеву, доходит даже до унижений и на коленях просит у него дать денег под закладную дома, предлагает купить у него дом и тем помочь ему расплатиться с долгами.

Лоскутьев, насладившись безвыходным положением Ячменева, сначала соглашался

купить у него дом, был приглашен даже нотариус для закрепления сделки, но накануне срока векселя, когда Ячменев пришел к нему за деньгами, он ему в помощи отказал.

— У меня сейчас денег нет. Впрочем, — растягивая слова, говорил Лоскутьев, — могу и найти, если ты мне пообещаешь, что твоя дочь возвратится в К. и полюбит меня.

Был бы посписходительнее и не побрезговал бы ранее породниться со мною, хотя и по гражданскому браку, то я не заставил бы тебя платить по векселям.

Твою дочь обеспечу — пятьдесят тысяч положу на ее имя и тебя не забуду, — закончил Лоскутьев.

Ячменев плохо улавливал смысл предложения Лоскутьева, он со страхом смотрел на своего мучителя.

Он принял его за дьявола.

И действительно, ему показалось, что на него смотрит не Лоскутьев, а кто-то другой, похожий на него, с черными рогами на лбу, на месте глаз сверкали два раскаленных угля, на ногах вместо сапог обрисовались копыта. Необыкновенной длины хвост, перекинутый через плечо, конец которого напоминал змеиный язык, был направлен в сердце Ячменева.

На Ячменева напал ужас. Он перекрестился и бросился бежать из кабинета бывшего своего друга.

Долго ходил Ячменев по улицам города, ничего не сообщая и не понимая.

Когда он пришел в себя и вспомнил происшедшее, он наконец осознал свое безвыходное положение.

— Этот человек — исчадие ада, — думал он, только *дьявол* может строить такие козни над человеком.

Завтра срок векселя в 1600 руб., а у меня только 260 руб., что мне делать? Как я буду смотреть в глаза добрым людям? Единственный выход для меня — бросить все на произвол судьбы и уехать отсюда, чтобы не видеть своего позора.

Дома Ячменев взял маленький чемодан и пешком направился на вокзал. В тот же вечер он уехал из города.

На другой день разнесся по городу слух, что Ячменев выехал неизвестно куда. Имущество его было опечатано и сдано на хранение квартирантам дома.

Через неделю после отъезда кредитор, которому пришлось выкупить из банка векселя Ячменева, получает письмо от него из г. Омска, которым он просил своего кредитора приехать к нему для личных переговоров.

Кредитор поехал.

Со слезами на глазах встретил его Ячменев на вокзале и рассказал, почему он должен был бежать из К—ска.

— Лоскутьев, — объяснял он, — расставил мне ловушку,

в которую я попал. Он домогался моей дочери и, встретив отпор, разорил меня. В три месяца он взял из дела восемь тысяч, сейчас я должен ему только три тысячи, и за эти деньги он не постесняется посадить меня в тюрьму. Поздно я понял, что это не человек, а исчадие ада.

— Пригласил я вас, чтобы предложить за долг дом, берите его и меня не кляните.

Лоскутьев, узнав о бегстве Ячменева и видя свои планы на обладание красавицей Маней разрушенными, рассвирепел и поклялся преисподнею сгноить беглеца в тюрьме.

Продажа Ячменевым дома другому его кредитору подлила масла в огонь, и он поставил целью своей жизни отомстить Ячменеву за то, что он не продал ему своей дочери Мани.

Предъявил он ко взысканию векселя на Ячменева не только те, по которым тот был действительно должен, но и те, которые учитывались для городской лавки.

Ячменев очень бедствовал, средства к существованию он зарабатывал конторскою службою, занятия были временные.

Он очень боялся мести Лоскутьева, он знал, что Лоскутьев при своем капитале и связях с судебным миром легко может исполнить свою угрозу. Несколько лет дружбы с Лоскутьевым показали ему, как тот был жесток и неумолим с теми, ко-

торые чем-нибудь не угодили ему.

Нравственные страдания, постоянные лишения сломили его организм, и он умер, проклиная своего разорителя.

Лоскутьев ничего не знал о смерти Ячменева, он продолжал лелеять мысль отомстить ему за то, что тот пренебрег им, кским миллионером и благодетелем, и не отдал ему для потехи своей дочери.

И он искренно считал себя обиженным Ячменевым.

* * *

Широко разлила свои воды Кама. По левому берегу кругозор необъятный. Круто падает к реке правый берег. На его темно-красных обрывах удивительно красиво высятся сосны и пихты. Как хороша, как изящна пихта, эта сибирская красавица!.. Густая, прямая, как свеча, напоминающая южный кипарис, она высоко вздымается к небу.

Лоскутьев после тяжелой кошмарной ночи утром, сидя на палубе, не замечал чарующей прелести мелькающих мимо него пейзажей.

Его душа, погрязшая в сребролюбии и тщеславии, настолько огрубела, что не могла уже чувствовать дивных красот природы.

Глаза его равнодушно скользили по контурам видневшейся невдалеке Елабуги.

Вдруг он встрепенулся и спокойно стал всматривать-

ся в высокую фигуру гимназиста, стоявшего с задумчивым видом у перил парохода.

Тот оглядывался на Лоскутьева, но, заметив его упорный взгляд на себе, стал смотреть на город.

Пароход скоро поравнялся с Елабугой.

До пристани оставалось еще версты полторы.

Гимназист вынул записную книжку, карандаш и, поглядывая на Лоскутьева, стал что-то писать.

Лоскутьев, встревоженный занятием гимназиста, поднялся с места и ушел в другую сторону палубы.

Но вот пароход подошел к пристани, расположенной у подошвы горы.

На горе одиноко возвышается круглая башня, по цвету своему не отличающаяся от глинистого, пустынного на этом месте берега Камы.

Башня носит название «Чертово городище» — один из немногих памятников древнеболгарского народа, некогда господствовавшего на берегах Камы. Во второй половине прошлого века башня пришла в разрушение и легко могла бы исчезнуть с лица земли. Но, к счастью, в Елабуге нашлись просвещенные люди, которые и спасли памятник от гибели. В 1867 году по инициативе И.В. Шишкина, отца нашего известного художника, башня была восстановлена. В память этого

в стену была вложена чугунная доска с надписью: «Сей древнейший памятник до разрушения не допущен; возобновлен елабужскими гражданами в 1867 году». В башне помещается церковь в честь Св. Духа.

О происхождении городища Немировичу-Данченко рассказывали следующее:

«Место слепое, что тут! Черт, вишь, у попа дочь сватал; поп ему и задал задачу: выстрой мне в ночь церкву... Собрал черт своих чертенят и давай работать; только было кончили — петух и запой, стройка вся рассыпалась, камнем о берег легла. Это тебе одно, а вот другое: жили в ней люди разбойные, только и они своего закона держались. Заплатил ты им деньги — честь чествово проводят тебя по реке, ведь тут быстрина, лукоморья здесь. Ну а не заплатишь, наведут барку на такое место, что ее и опружит. Тут груз какой — ограбят, купца или приказчика в воду, осетрам на кормы, а рабочий народ — на берег и на все четыре стороны вольной дорогой.

Честь чество!».

На пристани была обычная суета. С парохода сходили пассажиры, ехавшие в Елабугу, и подъезжали новые пассажиры.

У пристани стоит двухэтажное здание, окруженное с трех сторон террасами, в котором помещается чайная попечительства о народной трезвости. В этой чайной, прилично об-

ставленной и хорошо содержимой, пассажиры *нередко* пьют чай.

От пристани до города в 1894 году земством было проложено по незатопляемой дамбе прекрасное шоссе, освещаемое электричеством.

До того времени приходилось переправляться в город на лодках или же подниматься по лестнице. А высота берега здесь 70 сажен!

Лоскутьев сошел на пристань в сопровождении Емакова, чтобы пройти по дамбе.

Емаков считал своей обязанностью развлекать своего повелителя.

— Какое чудное место, уважаемый Клим Иванович, не проехаться ли нам до города? Пароход простоят часа четыре.

— Пожалуй, поедем. Кстати подадим телеграмму в К—ск — спросим, что там делается.

Они наняли какого-то Ваньку и «потрусили» по шоссе.

Елабуга — красивый, лучший уездный город Вятской губернии. Благоустройству его может позавидовать не один губернский город.

Мощные улицы, электрическое освещение, водопровод, публичная библиотека, 19 различных училищ, в том числе реальное училище, выгодно выделяют ее из многих городов нашей матушки Руси. Елабужские храмы известны по всей Каме

роскошью внутренней отделки. «На иконостасе Покровской церкви, — говорит г. Кудрявцев, — прекрасная живопись, исполненная лучшими художниками-академиками. Внутренность Спасского собора поражает гармонией частей и правильностью рисунка орнаментов. Колонны и пилястры сделаны в стиле коринфского и ионического ордеров, иконостас в стиле рококо, алтарь овальной формы. Все вместе — богатство ризницы и утвари, чеканная серебрянная одежда престола, стройное сочетание линий в лепных и узорных работах — придают изящество многоместительному храму уездного города». В соборе есть икона Спасителя, почитаемая местным населением за явленную и чудотворную. В Никольском храме царские врата и напрестольная одежда сделаны из чистого серебра. В Троицкой кладбищенской церкви есть несколько икон с сохранившимися на их обратных сторонах надписями о том, что они перенесены сюда из церкви села Тресвятского.

Село Тресвятское было основано одним из предков Стахеева, бывшего родом из Новгорода Великого. Оттуда он ушел вместе с другими в царствование Иоанна III на вольные земли, на Каму, где и основал село, впоследствии переименованное в Елабугу.

Стахеевы, обладая огромным капиталом, стоят во главе целого ряда торгово-промыш-

ленных предприятий: у них и пароходство, и керосиновое, и хлебное, и соляное, и винокуренное, и мануфактурное, и прочие дела. Не забыли они и Тюмень своим вниманием. На тюменской площади ими построены громадные магазины — оптовые и розничные с мануфактурными товарами.

На первых же порах их предприимчивость поглотила старинную тюменскую фирму Лагиных, их магазины и товар были куплены Стахеевыми по «очень сходной цене».

Тюменские потребители отнюдь не выиграли от прибытия к ним стахеевской торговли, наоборот — им приходится порядочно переплачивать за честь покупать в громадных стахеевских магазинах.

Поражая покупателей громадностью своих складов, стахеевские магазины, однако, как говорят, не отличаются большим разнообразием товара, и потребитель рискует купить «новость», пролежавшую в складах несколько лет.

Из рода Стахеевых вышел небыизвестный писатель Дмитрий Иванович Стахеев, родившийся в Елабуге в 1840 году. В его многочисленных романах и повестях читатель встретит немало черт, метко характеризующих Прикамский край и отжившие или отживающие типы местных обывателей. Между прочим, в повести «Обновленный край» описан

вид Елабуги и указаны некоторые черты из ее прошлого.

Знаменитый пейзажист, превосходный офортист и рисовальщик И.И. Шишкин — уроженец Елабуги.

Лоскутьев по дороге спрашивал возницу о достопримечательностях города.

— Достопримечательность у нас одна — Стахеевы, известные благодетели. Много построили храмов в селах, город изукрасили.

— О Стахеевых я слышан. Нет ли еще чего, — спрашивал Лоскутьев.

— Надежда Андреевна Дурова у нас жила. Вот к ней на могилку ездят.

— Святая, что ли? — заинтересовался Лоскутьев.

— Нет, офицер-девица. С Наполеоном, говорят, воевала. На ее могиле не так давно памятник поставили.

— Не слышал о такой девице. Ты привези меня прямо на телеграф, — переменял Лоскутьев разговор.

Подъехали к телеграфу.

Лоскутьев вошел в помещенье телеграфа и стал писать телеграмму.

Несколько раз он зачеркивал, перечеркивал, гладил лоб, морщился — телеграмма сочинялась туго.

Наконец он написал:

«К—ск. Дом Лоскутьева. Филату. Что нового. Узнай стороной — не собираются ли граждане послать ко мне в столицу депутацию просить меня снова пожертвовать приютское здание. Не закрыта ли газета «Жало»? Отвечай. Казань, до востребования».

Сдав телеграмму хорошенькой чиновнице, сунув квитанцию в карман, Лоскутьев вышел к извозчику.

— Поезжай обратно, на пароход! — крикнул он.

— Что же вы, Клим Иванович, городок не посмотрели. Чистенький он, — счел своим долгом сказать Емаков.

— Посмотрели и довольно, — отрезал он.

На пароход они возвратились еще до свистка.

(Окончание в следующем номере).

Наталья Александровна Рогачева родилась в Тюмени, закончила историко-филологический факультет Тюменского государственного университета (1978), защитила кандидатскую диссертацию по поэзии В. Маяковского (1988). Работает доцентом кафедры истории русской литературы ТюмГУ.

Составитель двух хрестоматий по литературному краеведению. Лауреат премии им. Н.М. Чукмалдина (1997)

«За возвращение забытых имен массовому читателю».

Автор вступительных статей к словарям рифм М. Цветаевой, Б. Ахмадулиной, А. Ахматовой. Наиболее заметная работа последних лет — составление и комментарии «Былей и небылиц Тавдинского края в трех томах» (Тюмень, 2000). Активно помогала журналу на начальном этапе становления.

Запах — душа Тюмени

Чем пахнет Тюмень? «Запахом бензина и дорогих духов», как положено «городу-сказке, городу-мечте»? Или более прозаическими одорантами, например, выхлопными газами автомобилей и свежим торфом? Известно, чем должны пахнуть города, концентрируя в себе техногенные и антропогенные запахи. Гарью, дымом, чадом — всем тем, что обычно обозначают заимствованным словом «смог», но что давно стало неизменным атрибутом российской реальности. Должны пахнуть кошками и помойками, толпой (телом) в жаркий день. Так должно быть или могло быть, но на самом деле Тюмень ничем не пахнет.

В недавние семидесятые годы восточный ветер приносил

в город запах столярного клея — это работал мясокомбинат. Ветер менялся — слегка веяло аккумуляторным заводом или фенолами завода пластмасс. Однако это не были запахи города, пахло нечто конкретное в городе, и Тюмень отмахивалась от навязчивых одорантов. Многие запахи исчерпываются временем и потому тоже не могут служить характеристикой души города, его сущности. Например, это так называемые «модные» запахи. В

начале перестройки Тюмень заблагоухала экзотической и доступной по цене туалетной водой «Феретти». Но закончилась мода, деньги, партия привозного товара — и запах исчез. Столь же нестойки сезонные запахи — на окраинах города запах свежераспиленных дров, свежего навоза, запах весны или запах первого снега.

Повторю, сказанное приводит к мысли, что Тюмень в реальности ничем не пахнет. Весь вопрос в том, для кого? Для всех? Для одного отделимо взятого гражданина? Нужно думать, что если запаха города нет в действительности, то его нет и в текстах о городе.

Однако даже беглый обзор произведений, посвященных Тюмени, убеждает: одористический код — один из самых существенных в ее определении, в категории запаха воплощается наиболее общее впечатление о нашем городе. Дело здесь в дистанции между самой Тюменью и человеком, который воспринимает город и облекает восприятие в словесную форму. Дистанция эта может иметь пространственный или временной характер, но она всегда идеологически насыщена.

Наиболее нейтральная форма противопоставления человека и городской среды — пространственная. Момент встречи, неожиданного или ожидаемого сближения выражается в одори-

стических мотивах, которые свидетельствуют о несходстве, порой радикальном, между «местом» и воспринимающим его субъектом. Как следствие — характеристика приобретает негативное звучание: «Сплошной и низкорослый березняк сменила полоса непроницаемого, серого, почти белого дыма.

— Что это значит?

— Где значит? Не значит, а это наша Тюмень.

— Где Тюмень? Я про дым спрашиваю.

— На вот! За дымом-то и есть Тюмень.

<...> Между тем дым, застилавший буквально все, начал надоедать. С резким, противным запахом, он разбедал глаза, щекотал в носу и легкие.

— Да дым-то, дым-то откуда?

— Да я ж баял — от навоза!

— О, Господи, да навоз-то откуда и почему он горит?

— Горит-то он потому, что зажгли, а валим мы его, всем обществом. Тут, язви их, татарва канав огромных нарыла, батюшку Ирмака желала погубить. Нарыла, убегла, а канавы нам оставила. Ни пройти, ни проехать. <...> Ну, мы и задумали их «высорить». Который год валим-валим. Всю, можно сказать, жисть себе задымили»¹.

За этими словами фельетониста тюменской газеты «Ермак» (1913 г.) открывается целая философия сибирского города, по-

¹ Шурагай А. Тюмень (Впечатления приезжего) // Ермак. 1913. № 41–42.

восточному грязного, равнодушного ко всему свету, не заботящегося о впечатлении, которое он производит на проезжего. «Тюмень, известно вам, помойная яма»², — как о чем-то привычном и давно надоевшем пишет И.Я. Словцов. Безымянный «путешественник» («Онъ») в 1912 году увидел здесь «мощные улицы», которые «трудно отличить от немощных»: «Они такие же пыльные, грязные, покрытые чуть ли не на четверть навозом и грязью. <...> От дня своего появления на свет они не видали метлы. Да и к чему эта метла. Пусть копится на мостовую все то, что Бог посылает»³. «Заслуга» тюменцев — улицы, вымощенные навозом: «Наземная улица ... существует в одной из окраин нашего города, хотя официальное название дано ей, вероятно, по недоразумению, довольно звучное — именно «Громовская», но она, право, ничем не гремит; зато обладает более чем в достаточной степени нестерпимой вонью, ибо каждый или почти каждый домовладелец этой улицы считает своим долгом весь накопившийся в его дворе навоз ... вываливать непременно на улицу»⁴.

Навозный «дым отечества» олицетворяет душу Тюмени. Известный русский писатель И.В. Федоров-Омулевский открыл когда-то «близ Лукоморья, в местах, где странствовал Ермак»⁵, блаженную страну, Эдем, который он возвеличил «навозным раем». Нет, речь шла о Тобольске, а не о Тюмени, но, похоже, наш город легко обойдет старую столицу Сибири в состязании за это почетное имя. Запах навоза ассоциируется не только с грязью, но и с деревней, а Тюмень, как известно, «столица деревень». Она ласкова к людям и к «скотам», которые лениво и спокойно разгуливали по ее дорогам всего около полувека назад. Здесь, где одна только «Царская улица и еще две-три напоминают город, а остальное, что подалее от центра — того... деревня»⁶, «домашние звери рыщут свободно»⁷. Заботливый корреспондент «Вестника Западной Сибири» предостерегает тюменцев: «Необходимо посаженные деревья ограждать от хулиганов и козлов, иначе труд и расход по посадке деревьев будут напрасны»⁸.

С унавоженными улицами могут состязаться, пожалуй,

² Словцов И.Я. Письма из Тюмени претендента на должность городского головы // Литературные фантомы. Тюмень, 1997. С. 16.

³ Ермак. 1912. № 7.

⁴ Ермак. 1913. № 41–42.

⁵ Федоров-Омулевский И.В. Наброски сибирского поэта // Проза и публицистика. М., 1986. С. 236.

⁶ Ермак. 1912. № 7.

⁷ Ермак. 1913. № 14.

⁸ Вестник Западной Сибири. 1911. № 204.

только мостовые, устеленные корьем — отходами кожевенного производства. «Всюду носился запах дубильной кислоты, и все незамощенное деревом место двора и улицы засыпано было «одубиной»⁹, — отмечает Н.М. Чукмалдин. Та же деталь характеризует городской пейзаж очерков Н.А. Лухмановой «В глухих местах»: «...Во всем Заречье <...> стоял особенный кислый запах. Можно было подумать, что здесь во всех домах проветриваются бочки из-под кислой капусты.. Этот своеобразный аромат шел со всех улиц, густо «высоренных» одубиной. Толчеи неустанно мололи дубовую кору, телеги подвозили ее на заводы, а из дубильных чанов все негодные отбросы вывозились прямо на улицы и «высаривались», как песок. Солнце высушивало это своеобразное мощенье, лошади и пешеходы притаптывали почву; зато когда дожди растворяли всю эту благодать, то только носы зареченских жителей могли ее переносить»¹⁰. К кислому аромату одубины примешивается «тяжелый запах крови». Подобное сочетание запахов сообщает о постоянной тяжелой и грязной работе, в которую погружена Тюмень. Это запах того же рода, что и более поздние промышленные запахи города. Их отсут-

ствие тревожит, создает впечатление, будто жизнь замерла, исчез сам ее «источник».

Но на самом деле жизнь города просто принимает иные формы, уходит в глубину, сосредоточивается в сфере частного существования. Одолистический образ Тюмени подчинен оппозиции внешнего/внутреннего. Одна из характерных примет нашего города — сочетание внешней непривлекательности со стремлением к внутренней благоустроенности. Содержимое дворовых помойных ям в прошлом веке (да, пожалуй, и сегодня) составляет весьма ощутимую ноту в аромате Тюмени. Привычка, вычищая дворы, сбрасывать грязь на улицу, под окна собственного дома, весьма своеобразно мотивировалась жителями: «Вы слышите, как от них воняет. Если такую гадость выносить на двор, на дворе будет гадко пахнуть, ну а на дороге все это смешается с грязью и будет незаметно»¹¹.

Приведем еще одну цитату — из книги И.Я. Словцова «Письма из Тюмени»: «...Царская улица <...> лишь только вступаете на нее, как вас со всех сторон охватывает какая-то смесь разнообразных зловоний. Отвратительный запах происходит, главным образом, от канав, прорытых по обеим сторонам

⁹ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. Тюмень, 1997. С. 75.

¹⁰ Лухманова Н.А. В глухих местах // Очерки из жизни в Сибири. Тюмень, 1997. С. 24.

¹¹ Ермак. 1912. № 13.

Рис. А. Кухтерина

улицы, на дне которых толстый слой грязи, не имея стока, разлагается, отравляя воздух. Пройдите по этому проспекту часа в четыре в жаркий июльский день и вы получите тяжелое, угнетающее впечатление. Пыль затянула горизонт серым вуалем... Площадь, на которой предполагается воздвигнуть гостинный двор, <...> унавожена разным мусором. Словом, куда ни повернись, все возбуждает отвращение и бьет по органам чувств»¹². Одним духом пропитаны окраины и центр — духом тлена и грязи. Насколько этот «дух» Тюмени конца XIX — начала XX вв. соответствует сегодняшнему, проверить нетрудно — стоит только принохаться.

Самая большая помойная яма города, конечно, река. Если признаком развитой промышленности служит обилие сточных вод, то Тура блестяще показала, насколько мощно тюменское производство. Долгое

время промышленная грязь, которая попадала в реку, просто не замечалась тюменскими бытописателями. Во всяком случае ни П.А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири» и «Письмах из Сибири 1826 года», ни Н.А. Абрамов в очерке «Город Тюмень» ничего не говорят о качестве воды в реке, на низком берегу которой разместились кожевенные и мыловаренные заводы: «На 46 заводах выделяется до 400000 воловьих, коньих, бараньих, козловых и опойковых кож» (Н.А. Абрамов). «Вода в реке мягкая, но нечистая», — осторожно заметил автор «Статистического описания Тюменского округа Тобольской губернии в промышленном отношении»¹³. Нужен был человек посторонний и злой, чтобы произнести филиппику о «вопиющих злоупотреблениях» — строительстве «кожевенных заводов среди города, и вопреки не только всем

¹² Словцов И.Я. Письма из Тюмени претендента на должность городского головы // Литературные фантомы. Тюмень, 1997. С. 72, 73.

¹³ Тобольские губернские ведомости. 1860. № 46. Ч. II. С. 426.

гигиеническим правилам, но и при ежегодном ропоте 11 тысяч жителей, вынужденных пить порченную воду, а летом дышать теми невыносимыми миазмами, которые, как известно, далеко заражают воздух около кожевенных заводов»¹⁴.

«Где льют, там и пьют» — сказано о тюменцах. На коротком участке Туры, вокруг которого обосновался город, как в клоаке, смешалось все: здесь берут питьевую воду, стирают белье, купаются, сбрасывают ядовитые растворы для дубления кож. «...Пожалел я и о самой Туре. <...> Как раз против купален расположились кожевенные заводы, специальное дело Тюмени. При более подробном разговоре об этом деле оказывается, что «ничего невозможно поделывать», ни купальню перенести, ни заводов. <...> Купальню даже и вовсе невозможно перенести ни выше, ни ниже: выше будет далеко, а ниже — начинается уже настоящий кожевенный смрад. Таким образом, и место хорошо, и вид великолепный, и река «лучше не надо», а купаться нельзя, потому что можно, вопервых, заболеть какой-нибудь кожной болезнью, а во-вторых, даже и задохнуться», — писал Г.И. Успенский, упрекая тюменцев в нерадивости и равнодушии к судьбе главного до-

стояния города. Туринская вода со временем обрела символический смысл. «Грязная», «ядовитая», «мутная» — вот ее обычные эпитеты, за которыми видится сама смерть. «Желтая река» несет свои «мутные и ароматные воды»¹⁵, — пишет о Тюмени начала XX в. корреспондент газеты «Тобольская речь».

Сращение природного и человеческого начал, которое свойственно любому антропогенному пространству, вносит дополнительную мотивировку в определение Тюмени как грязного и определенно вонючего города. Не побежденная человеком природная среда обнаруживает свое присутствие в символе болота, который проступает сквозь различные образы Тюмени. «Улицы города представляют собой болота липкой грязи», — это самый распространенный мотив «Тротуарной хроники» тюменских газет второй половины XIX — начала XX вв. Город на болоте, город в окружении болот, город, скрытый туманом, — формулы, кочующие из текста в текст.

Привычка к жизни в «болоте» может рассматриваться как характерная черта нравственного облика тюменского обывателя. Болото — не просто символ наступления природы на городскую культуру, но и прозрачная аллегория обыва-

¹⁴ Завалишин И.И. Путьевые заметки (Тобольская губерния) // Лукич. 2000. № 1. С. 77.

¹⁵ Максунский Н. Тюменские настроения // Тобольская речь. 1907. № 2.

тельского существования, как, например, в фелетоне «Болото. набросок. Посвящается тюменским обывателям», напечатанном в газете «Ермак». Болото символизирует родство тюменского мешанства со средой его обитания: «...в зловонном болоте весело квакают лягушки»¹⁶. Никакие прелести мироздания, будь то свет или чистый воздух, не милы сердцу тюменцев так, как сырость и вонь родного болота с его неизменной «мерзостью запустения». Не случайно метафора болота получила столь широкое распространение в текстах о Тюмени, к ней охотно прибегают в тех случаях, когда хотят представить изнанку городской жизни: «В Тюмени в сильной степени развита торговля «продажной любовью». ...И в вечернее время все эти улицы, мне кажется, превращаются в грязное болото, от которого поднимаются смрадные испарения — гнусных предложений»¹⁷.

Грязь служит наглядным символом распутного и пьяного города, который в заботах о «животе» забыл о Боге и о ближнем своем: «О, нечестивый город Тюмень! Денег на черные дни ты не припас, а земельные имущества, как говорят, профершпилл. Проигрался ты, очевидно, не с похмелья, а по

невежеству. Будешь влачить теперь свою жизнь постылую, как чиновник гаванский! Банкротство и неминуемое банкротство ожидает тебя!» (И.Я. Словцов). Недаром П. Головачев окрестил Тюмень «гнездом народного невежества»: «Приезжий человек, посмотрев на несравненную, чуть ли не на всемирно известную тюменскую грязь, на отвратительные лачуги, в которых ютится многочисленная беднота, на множество кабаков и трактиров, ... поймет, что в подобной раме должна заключаться и соответственная картина, что Тюмень остановилась только на первой ступени культуры, что в ней разрастается одна внешняя, черная, работа цивилизации, вся эта торгово-промышленная возня и суета...»¹⁸. Грязны души людей, занятых в первую очередь накоплением капитала, равнодушных к культуре, к добру, глухих к страданиям бедняков. Как над библейским Содомом, над Тюменью поднимается белый дым и серный пар. Пыль, что облаком повисла над городом, красноречиво говорит об аморфности, расплывчатости характера Тюмени, погруженной в дремучий сон и как бы забывшей, зачем она родилась на белый свет: «Душа народа — потемки... Воистину — это о тюменцах. На-

¹⁶ Ермак. 1912. № 24.

¹⁷ Ермак. 1912. № 13.

¹⁸ Головачев П. Тюмень как гнездо народного невежества // Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 556–562.

селение Тюмени склонно к некоей спячке, апатии — сродни звериной, сезонной, с одной разницей: человек в это время продолжает чего-то пожевывать ... да и к весне не просыпается»¹⁹ (К.В. Тихомиров).

«Дым отечества» — это так называемый «большой» запах места, он охватывает его целиком. Иную картину являют собой запахи «внутреннего» пространства города. В их различии доминантой служит социальная характеристика: приятные запахи возбуждают мысль о богатстве и благополучии, смрад свидетельствует о чрезвычайной нищете и заброшенности. В купеческом особняке девятнадцатого века за высоким забором царит совершенно особый дух: «От затейливых куртин, расположенных звездами и «планидами», шла приятная духовитость». В домашних молельнях «пахло росным ладаном» (Н.А. Лухманова). Иное дело — мещанские дома, расположенные на Городище или в Сараях: «В воздухе висит удушающий смрад, вся атмосфера пропитана особенным, специфическим, кислым, подавляющим запахом»²⁰ (И. Петров). Запахи дома и улицы сливаются, свидетельствуя о маргинальности, неструктурированности района: «Там громадные ямы, не огороженные,

переполненные нечистотами, издают такое убийственное зловоние, что случайному путнику положительно приходится задыхаться в буквальном смысле слова. А возле ям, всего в нескольких саженях, ютятся домики, около которых, ползая, весело играют ребятишки»²¹. Запах бедности витает в тюменских школах: «В ящике в 30 кубических сажен помещается около полусотни учащихся, в спертom воздухе пахнет потом, сапожной кожей и чем-то противно затхлым» (И.Я. Словцов).

Отметим, что во всех приведенных текстах наблюдатель (точнее — «ощущатель») синхронизирован с городом. Их встреча одномоментна или растянута в настоящем времени. Кроме того, это человек в той или иной степени чужой для Тюмени. Если он не приезжий (путешественник или временный поселенец), то все же «посторонний» — человек, не желающий слиться с местом, ему неприятным. Беря на себя роль «воспитателя», такой человек смотрит на Тюмень с точки зрения обитателей некоего идеального пространства, где «все чисто и красиво». Иная идеология города порождается диахронным принципом восприятия Тюмени. Те же запахи, что вызывали раздражение и злость

¹⁹ Тюменские известия. 1994. 9 июля.

²⁰ Тюменские известия. 2002. 15 окт.

²¹ Сибирская торговая газета. 1897. № 8.

Рис. А. Кухтерина

на «навозный рай», порождают противоположные эмоции. Пряный запах «одубины»²² способен пробудить ностальгическое чувство, и корье под ногами будет вспоминаться как настоящая мостовая: «И когда человек спускался с нагорной части города и переходил по наплавному мосту через Туру, на другой стороне его одурманивал пряный запах кожи и обработанной ивовой коры, которая использовалась при дублении кожи. <...> Улицы Тюмени утопали в грязи. Но здесь, в Заречье, можно было пройти сухой ногой по мягкому тротуару из «отдубины»²³. Асфальт вместо живой земли порою кажется противоестественным и варварским вторжением в сокровенный мир детства, как и стоянки автомашин на месте «обветшалых домиков»

или административное здание «на месте старой пекарни (от которой по утрам так дразняще пахло свежими булками)». В «замшелых, умирающих, приговоренных к сносу <...> улочках» откроется «что-то трогающее за сердце», потому что здесь «легко и раскованно дышалось, хорошо думалось»²⁴.

Тюмень, отделенная от наблюдателя временной дистанцией, наполняется преимущественно «положительными» запахами, потому что отождествляется с утопическим городом — городом прошлого (детства) либо городом будущего (условным пространством мечты). Первый вариант в тюменском тексте представлен практически исключительно в творчестве Ивана Яковлевича Словцова и Владислава Петровича Крапивина. Попадая в город детства,

²² Тураев С.В. Воспоминания старого тюменца // Филологический дискурс. Вып. 2. Тюмень, 2002. С. 26.

²³ Крапивин В.П. Тополиная рубашка // Шестая Бастионная. Свердловск, 1987. С. 386.

²⁴ Лагунов К.Я. Больно берег крут. Екатеринбург, 1994. С. 271.

читатель вместе с персонажем-ребенком ощущает: «Все дышало свежестью и ароматом цветов. Боже ты мой, что за «благорастворение воздуха» чувствовал я в садике Александры Ивановны! Детскую натуру поражала здесь сила жизни и таинственная тишина, в которой она проявлялась. Все это чувствовалось инстинктивно, бессознательно. Жизнь как-то неслышно, незаметно обступала меня со всех сторон, и целый фантастический мир связывался в детском представлении с этим таинственным растительным миром» (И.Я. Словоцов). Вместе с героями Крапивина мы чувствуем «запахи травы, листьев, древесной коры». Ощущаем «сквозь заросли сонную жизнь недалекого большого города с его асфальтом, камнями, озоном от электрических моторов»²⁵. Этот город пахнет тополями: «В солнечный воздух, в запах свежих тополевых листьев»; «воздух <...> был теперь влажный, с запахом мокрых тополей». Именно тополь стал символом Тюмени: «...Он казался мне издали — из других городов, из взрослой моей жизни — надежным береговым ориентиром». «А тополевый запах заполнял весь мир. И наша жизнь делалась радостной, беззаботной, бесстрашной, потому что мы сливались с этой

свежестью, с этим запахом листьев и солнечными звездами. Словно кровь наша перемешивалась с тополевым соком». На улочках Тюмени «все дышит стариной», здесь «душным» летом пахнет «сухой полынью и горячей пылью немощеных улиц». Полудеревенские окраины пахнут «теплой полынью», «сладким пасленом». От Туры тянет не зловонием, а настоящим морем, далью, романтикой: это «запах соленой рыбы, которым несло от сложенных в пирамиды бочек», теплый запах «ржавого железа» от «старой баржи». Здесь, у реки, чувствуется «что-то праздничное, приморское, почти сказочное». Небгатый дом пропитан запахом праздника («елкой»), «лекарствами и пеленками», жильем: «В дощатых сенях прохладно, пахнет влажной кадушкой и рогожами». Даже запахи свалки наполнены поэзией: «Свалка каскадом пыли, мусора и всякой рухляди спускалась от заводского забора в лог. Мы лазали по склону среди сора, пахнувшего жженым целлюлозидом и едкой химией»²⁶. Наш город-сказка, каким увидел его В.П. Крапивин, слава Богу, не похож на город из модной песни, поскольку вызван к жизни переживанием глубокого родства, спаянности человека и места.

²⁵ Крапивин В.П. Белый шарик матроса Вильсона. Екатеринбург, 1993. С. 303.

²⁶ Крапивин В.П. Мой друг Форик, или Опаляющая страсть киноискусства // Золотое колечко на границе тьмы: Повести. М., 2001. С. 245.

Иное дело — образ города будущего, несколько ироничный, холодный, поскольку в этом городе не было прожито ни одного дня. И запахи здесь условно приятные, чужие — ничьи: «Меня охватил запах ароматной свежей зелени пихтовых побегов и только что распустившихся цветов монгольской яблони. Против городской думы, на берегу Туры, увидел я роскошный сквер с фонтаном и цветочными клумбами самых причудливых форм» (И.Я. Словцов). Временной и пространственный факторы порождают противо-

положные ценностные интерпретации одористических признаков города. Почему это происходит? По-видимому, человек в пространстве города становится его невольником, он буквально вдыхает город, подчиняясь зову рода, растворяясь в нем. Происходит уничтожение личности, выраженное мотивами болезни, страдания, едва ли не смерти. Время — фактор освобождающий. Временная дистанция снимает физическую зависимость человека от места, позволяет ему дышать своим воздухом — воздухом памяти.

Юрий Иванович Переплеткин. Родился в 1938 году в Ханты-Мансийске. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Многие годы работал в газетах: собственным корреспондентом по Ханты-Мансийскому округу в «Тюменском комсомольце», зав. отделом нефти, газа и геологии в «Тюменской правде», собственным корреспондентом по Тюменской области в «Известиях». Выпустил несколько книг, принимал участие в создании целого ряда сборников повестей, рассказов, очерков. Главная тема его произведений — люди Тюменского Севера, их роль в преобразовании Сибири. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Кружева памяти

Однажды в журнале «Лукич», который выпускает Юрий Лукич, я прочитал про Николая Лукича — и с этого все началось...

Тюменский издатель Юрий Лукич Мандрика напечатал в своем краеведческом журнале статью А. Чернышова «Архивная комиссия в Тобольском братстве...», где упоминалось о губернском агрономе-селекционере Николае Лукиче Скалозубове — известном общественном деятеле, избравшемся в состав II и III Государственной думы (в 1906 и 1912 годах). На 146-й странице «Лукича» (1999. № 1) была помещена фотография: симпатичный, интеллигентного вида мужчина с густой шевелюрой, аккуратно постриженными усами и в пенсне держит на руках девочку 2-3

лет в темном платье с белыми кружавчиками. Внизу подпись: «Николай Лукич Скалозубов с дочерью Ариадной».

Что-то необъяснимое сработало в моем сознании. Сочетание слов «агроном», «Ариадна» и «Скалозубов» вызвало в памяти некое движение, возвращая меня в далекое и прекрасное детство. Ханты-Мансийск, сельскохозяйственная опытная станция, в белой пене цветущие яблони и аллеи желтых акаций — небывалые растения для глухого северного городка, окруженного кедрами, елями, пихтами. На опытной станции существовал особый мир, отличный от иных частей Ханты-Мансийска. Там, в других — скажем по-современно-

му — микрорайонах, люди занимались добычей и обработкой рыбы, заготовкой древесины, местной промышленностью, а здесь дипломированные специалисты сельского хозяйства засевали поля (на участках, отвоєванных у леса) ароматным клевером с тимофеевкой, выхаживали рассаду огурцов, помещенную в специальные торфоперегнойные горшочки, украшали территорию опорного пункта диковинными деревьями, кустарниками и цветами.

Так нам, ребятишкам, тогда казалось. Позже я узнал, что ставились задачи и решались проблемы куда серьезнее: коллектив сельхозстанции выводил пригодные для Севера сорта овощей и картофеля, изучал оптимальные варианты обеспечения общественного животноводства кормовой базой, заботился о снабжении в достатке жителей автономного (тогда — национального) округа собственными, не завозными продуктами сельскохозяйственного производства.

Всем руководила директор опытной станции агроном Ариадна Николаевна Голяновская — человек очень строгий и очень добрый.

Николай Лукич
Скалозубов
с дочерью Ариадной.
Снимок 1890-х годов

Я еще раз взглянул на фотографию в «Лукиче». Удивительное дело: в облике и во взгляде трехлетнего ребенка мне отчетливо увиделась Ариадна Николаевна. Конечно, это она! Имя-отчество совпадают, а ведь ее девичья фамилия Скалозубова. Я припомнил: уже уехав из Ханты-Мансийска в Москву, она присылала мне письма, в одном

из которых упоминала свою сестру — Надежду Николаевну Скалозубову. Надо, подумалось мне, отыскать это письмо, оно наверняка сохранилось среди старых документов.

Кстати, при А.Н. Голяновской на сельхозстанцию приехали работать родители моего школьного друга Эдуарда Титлянова, который много лет спустя и сам стал ученым. Между тем, часть нашей с ним переписки тоже, возможно, жива...

Одна фамилия вызывала в памяти другую, цепь лиц и событий полувековой давности тянулась все ближе к сегодняшнему дню, замысловатые вензеля воспоминаний на какое-то время буквально захватили меня. Я обратился к своему архиву — увы, не слишком богатому и пребывающему далеко не в образцовом состоянии.

Но кое-что там нашлось, и фото девочки с папой в журнале «Лукич» послужило отправной точкой для своего рода цепной реакции восстановления потерянного и полузабытого...

Я не краевед и не исследователь. Вряд ли мой поиск был продиктован высоким стремлением обнаружить какую-то утраченную истину — просто показалось интересным, полезным и даже необходимым сказать несколько слов о достойных людях, с которыми меня сводила судьба; не исключено, что публично о некоторых из них — не о звездах науки, а простых работягах и их детях — никто, кроме меня, уже и не упомянет.

* * *

Когда Ариадна Николаевна руководила Ханты-Мансийской сельскохозяйственной опытной станцией, там трудились представители разных национальностей, разных специальностей, разного уровня жизни...

Но отвлекусь ненадолго. Станция состояла из нескольких подразделений. Прежде всего, сам опорный пункт — так в городе именовали территорию, где располагалась контора, несколько жилых домов, детсад (все строения были одноэтажными), овощехранилище, парники, конный двор, склад почвообрабатывающей техники, кузня (в самом конце переулка, у леса), посадки ягодных кустов (малина, смородина), поля, занятые то злаками, то овощами, то картофелем (осуществлялся севооборот по какой-то особой системе).

По другую сторону дороги, соединявшей Самарово со строящимся Ханты-Мансийском (позже, когда город объединит в себе все разрозненные части, дорога просто станет одной из его улиц — улицей Гагарина), — так вот, по другую сторону дороги и чуть наискосок от опорного пункта находилось

*Сотрудники
опорного пункта —
верхний ряд (слева
направо): Ф. В. Ваш-
кевич, Н. Г. Белоусо-
ва, В. М. Шувалов,
нижний ряд:
З. И. Сосновская,
А. Н. Голяновская,
А. В. Корепанова,
М. А. Пискулина;
1948 год*

элитное. Этим словом называли участок (также отвоеванный у леса), где испытывались, проходили селекцию опытные образцы элитного посадочного материала зерновых культур (овса, ячменя, пшеницы), овощей, картофеля. На элитном имелся небольшой зерноток, где молотили и сушили хлеб, скирдовали солому. Наверное, для любого южного сельскохозяйственного района все перечисленное — самая что ни на есть обыденность, но для жителей таежного городка — рыбаков, лесников, охотников — опорный пункт казался каким-то диковинным оазисом.

А еще имелись две животноводческие фермы — № 1 и № 2. Они находились за Иртышом, в нескольких километрах ниже по течению от города. Там содержались молочные стада коров и паслись кони, принадлежавшие сельхозстанции.

Я называю места, которые по сей день помню вплоть до каждой межи, до пригорка, до огородного прясла. Потому что именно там прошло мое детство. Ежегодно от последнего весеннего дня учебы до 1 сентября я, как, впрочем, и многие мои сверстники, был в работе. Возил на лошади для полива капустной рассады воду из небольшого пруда близ элитного, орудуя большим черпаком на длинной палке (каждая бочка — примерно 60 черпаков, за день привозил 12-15 бочек).

Доставлял к месту ограждения полей жерди на тележном перекладке — сам устраивался верхом либо вышагивал с вожжами в руках рядом с возом. Рыхлил и окучивал картофель: я опять же верхом, а по борозде, сжимая рукоятки культиватора или окучника, шла обычно тетя Нюра (Лысенкова). Картофельные рядки казались бесконечными, от однообразия и зноя кружилась голова, в жаркие дни над нами тучами вились оводы.

Ну а с началом сенокоса пацаны уезжали на ферму, за Иртыш. Траву косили два маленьких МТЗ-7 (ранние предшественники тракторов «Беларусь»), а почти все остальные работы выполнялись с помощью конной тяги школьниками. Нам не позволяли только метать стога — силенок для этого не хватало. Зато мы сгребали конными граблями подсохшую кошенину, собирали ее в валки, потом (ликвидируя такую промежуточную операцию, как создание копен) граблями же превращали их в большие кучи сена, которые при помощи изобретенного умельцами сельхозстанции «ускорителя» подвозили к формируемому стогу. «Ускоритель» (особая конструкция с широким захватом, сделанная из отесанных жердей), забирая массу сена, исправно работал только в том случае, если две впряженные в него лошади с двумя мальчишками-седоками действовали

синхронно, при полном взаимопонимании. Иначе можно было не только бездарно расстрясти кошенину по лугу (потом сгребай ее снова!), но и повредить сам «ускоритель». Тут мастерство одного из напарников ничего не значило — успех приносила только согласованность обоих наездников. Поэтому пары подбирались с учетом умения каждого виртуозно управлять лошадью и соблюдением принципа совместимости — как позднее космонавты перед отправкой в полет. На опорном уже знали среди школьников таких «асов», как Эдуард Гомзиков, Василий Жуков, Борис Вакарин, Юрий Устьянцев, Геннадий Черепанов. Смее надеяться, что и я был не на плохом счету...

Так вот, когда А.Н. Голяновская была директором, мне, школьнику, несколько лет рядом довелось в каникулярные месяцы трудиться рядом с теми, кто представлял, скажем так, рабочий класс опытной станции. Тогда в городе было много сосланных, поэтому опорный представлял из себя истинно интернациональное братство. Там работали русские: бригадир Александр Николаевич Пастухов, конюх Петр Григорьевич Симонов, кузнец Семен Жуков (отчества не помню, мы его звали просто «дядя Сема»), разнорабочая Дарья Петровна Вакарина, семьи Малышкиных, Кузнецовых, Тарлоповых, Гуду-

шиных, Карякиных. Много было калмыков: возчик Алексей Кикеев, шофер полуторки Герман Джалкин, тетя Маруся Цыкеева и ее сын Валерий, Бадмаевы и их сын Анатолий. Татары Мирхалитовы, молдаване Мария Пломодьяло и Николай Цуркан, украинцы Владимир Семененко (молодой симпатичный механик) и Михаил Куропятник (сторож на костылях с бездействующей берданкой). Работали две пожилые сестры-немки: Дора Ивановна (худенькая, порывистая, чаще всего находилась на элитном) и Шарлотта Ивановна (с большими ногами, очень полная, с трудом передвигающаяся; фамилия у нее — видимо, по мужу — была Подсочина).

У меня в те годы складывалось такое ощущение, что Ариадна Николаевна знала не только по именам всех работников и их детей, а помнила про материальные, личные и всякие прочие проблемы каждой семьи. Причем, как я теперь понимаю, на первом месте у нее, конечно же, были заботы научного характера, в штатах ее наверняка больше волновали ученые, высокообразованные специалисты сельского хозяйства, я же веду речь о простых рабочих, которые представляли из себя не более чем подсобную силу при решении главных задач станции — научных изысканий и исследований. Но у Голяновской были ровные, доб-

рые, одинаково уважительные отношения — что с замашившимся на докторскую кандидатом наук, что с полуграмотным конюхом.

Каким-то образом она узнавала даже про события в нашей, мальчишеской жизни. Когда я окончил пятый класс, она подзвала меня, увидев возле конторы, и протянула книгу рассказов А. Серафимовича. «Поздравляю с хорошими оценками, — сказала она. — Вот тебе книга, дарю. Александра Серафимовича как писателя очень ценил Ленин. Читай, вникай, учишься жизни». Читал я в детстве много, но то, как она назвала знакомого мне автора — с ударением на «и», — меня удивило. «Разве ударение не на «о»?» — спросил я, боясь опростоволоситься. «Я назвала писателя по имени-отчеству, — ответила Ариадна Николаевна. — Полностью же следует говорить так: Серафимович Александр Серафимович. Тут тебе ударения и на «о», и на «и». Хотя Серафимович — это псевдоним. Настоящая фамилия писателя — Попов. А ты молодец, что обращаешь внимание на детали».

В 1957 году я окончил ханты-мансийскую среднюю школу № 2 и уехал на новостройку, в город Бийск. В том же году А. Н. Голяновская уехала с опытной станции в Москву, где продолжила научную деятельность в сельскохозяйственной

академии. Вернувшись через год с Алтая на родину, я стал газетчиком, получил журналистское образование. Ариадна Николаевна, будучи в столице, была в курсе событий, происходящих на опытной станции, переписывалась со многими специалистами.

Получил от нее несколько писем и я. В одном из них она изложила просьбу, которую по мере возможностей я попытался выполнить. Вот как это происходило.

* * *

В 1968 году в честь 50-летия ВЛКСМ в областной молодежной газете «Тюменский комсомолец», где я уже около десяти лет работал собственным корреспондентом по Ханты-Мансийскому округу, была введена рубрика «Экспедиция «Подвиг». Именно она была предпослана моему материалу «Борис Горинович. Что вы знаете о нем?» Я приведу здесь эту корреспонденцию полностью.

«Многие годы, в том числе и самые трудные для нашей страны, директором Ханты-Мансийской сельскохозяйственной опытной станции работала А. Н. Голяновская, человек больших знаний и твердого характера. Сейчас она живет в Москве. Нынешней весной я получил от Ариадны Николаевны письмо. В нем говорилось:

«...Всех нас, «стариков», волнует вопрос, как передается

эстафета революционных идей от поколения к поколению. Чем дальше удаляются годы от «десяти дней, которые потрясли мир» (Джон Рид), тем больше нужно думать о том, в каких формах передавать эту эстафету, чтобы она не теряла своего накала, чтобы эффективнее оберегать молодежь от обывательщины и мещанства. К сожалению, не каждый коммунист задумывается о том, чтобы быть на высоте и показывать пример молодежи не на словах, а на деле. Ведь молодые резко реагируют на действия таких коммунистов!

В этой связи я очень высоко оцениваю работу всех организаций, особенно школьных, — не прекращающих розыски пропавших без вести бойцов и командиров, потерявших друг друга детей и родителей, сбор сведений о героических поступках участников войны, о «неизвестных солдатах». Ведь матери, отцы и близкие люди до сих пор их ждут, хотят знать о них. В школах создаются своеобразные музеи, реальная героическая жизнь сверстников или почти сверстников не может не повлиять положительно на повышение морального уровня нашей молодежи.

По данному поводу у меня есть к тебе просьба. В 1942 году у меня в Ханты-Мансийске жил единственный сын моей сестры Надежды Николаевны Скалозубовой. Зовут его Борис Василь-

евич Горинович. В 1941 году его с матерью эвакуировали из Москвы. Мать осталась в Тюмени, а Бориса отправила ко мне. Учился он в 9 классе в Самаровской школе, той, что была под горой, около тубдиспансера. Борис был очень сознательным и активным комсомольцем.

В августе 1942 года он в числе большой группы молодежи был направлен Ханты-Мансийским военкоматом в Томск, в пехотное училище № 70517.

Борис, конечно, давал о себе знать.

Из письма от 16 февраля 1943 года. Досрочно, не окончив училища, был направлен на фронт.

Из письма от 6 мая 1943 года. Направлен в Гвардейскую дивизию, п/п воинской части 14200 «А».

Из письма от 20 июня 1943 года. Присвоено звание младшего сержанта.

Из письма от 1 июля 1943 года. Едет на передовую.

Из письма от 22 июля 1943 года (последнего!) мы с Надеждой Николаевной поняли, что его с Южного фронта перебросили на Центральный. На заданный ранее вопрос в письме матери, не пошлют ли его учиться, Борис ответил: «Видишь, мама, что происходит на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Теперь не до учебы».

Письмо от 7 ноября 1943 года из воинской части 14200

«А» пришло уже не от Бориса. Сообщалось, что он ранен и направлен в госпиталь, какой — неизвестно...

Мать розыски не прекращает. Мы с ней не раз говорили и о нем, и о введущихся розысках, о чем пишут в газетах. Письма Бориса с фронта были очень хорошими по содержанию, огромной ответственности и мужества. Между прочим, кажется, вместе с ним был мобилизован Костя Дерябин. После тяжелого ранения он вернулся в Ханты-Мансийск, живет на радиостанции — ты знаешь, это около нашей сельскохозяйственной опытной станции. Может быть, он помнит фамилии командиров или солдат их части? Служил ли Костя в подразделениях, близких от Бориса, а может, в одном и том же? Когда и где действовала их воинская часть? В каком месте был ранен Борис? В каком примерно районе был госпиталь, в который его отправили?..»

Найти К.С. Дерябина в Ханты-Мансийске оказалось уже невозможно. Поиски привели в Новосибирск. Константин Сергеевич откликнулся на мое письмо. Мне удалось связать его с матерью Бориса. Но, к сожалению, выяснилось, что Дерябин ушел на фронт на год позднее своего товарища, поэтому сведения о нем имеет довольно скудные.

Есть еще один путь узнать что-либо о Борисе. Этот путь

лежит через школу, где он учился. Ариадна Николаевна далее пишет мне:

«Свяжи Надежду Николаевну и меня со школой. Ведут ли комсомольцы и пионеры розыски участников войн (погибших, пропавших без вести)? Сохранилась ли сама школа? Нет ли учителей того времени? Кто директор, кто секретарь комсомольской организации? Сохранились ли в архивах какие-нибудь сведения о деятельности комсомольской организации того времени?..»

Старые рабочие и сотрудники опытной станции (1942 года), например, А.Н. Пастухов, Даша Вакарина, Петр Гр. Симонов и др., я уверена, помнят Бориса. Он всегда активно участвовал в оказании помощи хозяйству станции и выезжал на работу в колхозы. Его любили и в школе, и на станции...»

Разговоры с названными рабочими (сейчас некоторые из них уже на пенсии) показали, что Бориса действительно помнят и любят. Что касается школы, то, мне кажется, комсомольцы-старшеклассники сделают все, чтобы в чем-то помочь матери, столько лет живущей ожиданием.

Кстати, через некоторое время после первого письма из Москвы мне пришло второе — теперь уже от самой Надежды Николаевны:

«...Как была бы я обрадована, если б нашлись сослуживцы

моего сына, если б я узнала, когда, где, при каких обстоятельствах он погиб (если погиб)... Он писал мне с 1941 по 1943 год. А потом... куда бы я ни обращалась, всюду один ответ: пропал без вести. Мне и Министерство обороны дало о нем справку как о пропавшем без вести. Но меня это не удовлетворяет. Я хочу найти хотя бы братскую могилу, где он лежит. Помогите разыскать его однополчан!..»

Хочется обратиться ко всем, кто хоть что-то знает о Борисе Гориновиче: отзовитесь! Ведь многие были мобилизованы вместе с ним — некоторые, наверное, вернулись в Ханты-Мансийск (или в другой город). Кто-то, может быть, знает о сослуживцах Бориса. Кто-то — подробности его жизни до ухода на фронт. Матери пропавшего без вести комсомольца (в ее сердце он до сих пор остается комсомольцем) будет отрадно узнать даже любую мелочь. Впрочем, для нее мелочей, касающихся сына, не существует. Для нее — все важно.

Писать можно нам, в редакцию «Тюменского комсомольца». А можно и прямо матери, Н.Н. Скалозубовой. Ее адрес: Москва, А-475, ул. Зеленоградская, д. 39, корпус 1, кв. 64.»

Таким был мой материал, опубликованный в областной молодежной газете 11 августа 1968 года. А буквально через несколько дней я завершил свою многолетнюю собкоровс-

кую вахту в Ханты-Мансийском округе и переехал в Тюмень, продолжив работу уже непосредственно в аппарате «Тюменского комсомольца». От Надежды Николаевны, получившей от меня все интересовавшие ее адреса, которые удалось найти, писем больше не поступало. И о судьбе Бориса Гориновича мне на сегодняшний день, увы, ничего неизвестно.

В письме Ариадны Николаевны Голяновской, которое я пространно цитировал в газетной публикации, были строки личного характера — я их, конечно, в «Тюменском комсомольце» не использовал. Но сейчас, учитывая характер своих заметок, считаю возможным их воспроизвести. Она писала:

«Дорогой Юра! Поздравляю тебя с праздником 50-летия Вооруженных Сил Советского Союза! Никогда не забывай, что ты — сын участника Великой Отечественной войны. Помогай матери...»

Как сложилась у нее жизнь? Где твои братья Анатолий, Вова, сестренка (не помню ее имени)? Почему-то не помню других детей, хотя знаю, что вас было больше четырех. Будешь писать матери письмо — передай от меня большой привет. Я очень хорошо ее помню. Ей было очень трудно. Когда-нибудь — буду жива — напишу тебе незабываемые подробности о твоей семье. Письма твоего отца у меня сохранились.

Мой дед был знаменитый художник-передвижник. Его картины находятся в Третьяковской галерее и других галереях — Русском музее в Ленинграде, в Таганроге, в некоторых городах Сибири. Мой отец, Скалозубов Николай Лукич, был очень известный губернский агроном и ученый Тобольской губернии. В нашей семье так принято, поэтому хранятся все письма, документы о их жизни и деятельности. Следуя этому обычаю, я сохранила массу писем уже и своих современников...

С приветом А. Голяновская».

Довольно неожиданным образом, спустя три с половиной десятилетия (!), я получил дополнительную информацию и про удивительного деда Ариадны Николаевны, и про не менее удивительную мать. Сведения дошли до меня не без участия известного ныне журналиста-краеведа из Ханты-Мансийска Валерия Константиновича Белобородова и доктора медицинских наук, профессора Николая Александровича Зубова, у которого и с северным городом, и с опорным пунктом тоже многое связано. Несколько позднее я вернусь к этому.

* * *

Законы памяти непостижимы. Отдельный факт или явление прошлого, порой даже самые мелкие детали, вызывают вереницу ассоциаций, и даль-

нейшие воспоминания могут пойти по самым разным направлениям. Вот я словно вернулся в те далекие годы, когда подростком жил на опорном пункте, и дальше мысли устремляются от одной темы к другой.

О чем или о ком рассказать?

Может, о взрослых — научных сотрудниках, руководителях различных подразделений опытной станции? В недавно вышедшей энциклопедии Ханты-Мансийского округа «Югория» я нашел много фамилий хорошо известных мне людей, работавших на опорном. Это, помимо самой Ариадны Николаевны, супруги Анна Васильевна и Константин Тимофеевич Корепановы, Виктор Максимович Шувалов, Зоя Ивановна Сосновская, Василий Аркадьевич Аммосов... А сколько таких, что не попали в энциклопедию (кстати, принцип подбора статей в этом шикарном издании вызывает немало вопросов). Например, Надежда Кравченко, изучавшая кормовую базу для развития животноводства, она стала кандидатом сельхознаук и после отъезда из Ханты-Мансийска присылала мне письма откуда-то с северо-запада страны — не то из Калининграда, не то из Мурманска. Или Антонин Титлянов и Евгения Лебедева — ученые-энтузиасты, родители моего друга детства Эдика Титлянова...

А может, рассказать о моем отце, о котором не раз упоми-

нала Ариадна Николаевна? Он участник трех войн — гражданской, с белофиннами и Великой Отечественной, откуда вернулся в 1943 году с простреленной в локте рукой. Помню, как мать, плача, перевязывала рану, которая в конце концов затянулась, но сгибаться рука так и не стала, хотя пальцы продолжали действовать. У бати был каллиграфический почерк (в связи с чем его даже на войне определили в писари); теперь он здоровой левой рукой укладывал на стол правую, брал в пальцы перо и продолжал так же красиво писать. Уходивший на фронт в 1941-м с Ханты-Мансийского (тогда — Самаровского) рыбоконсервного комбината, отец вернулся на прежнюю должность экономиста-статистика. Когда наша семья после сильнейшего наводнения вынуждена была переехать из Самарова «на гору», в комбинатский поселок, родители перешли на работу ближе к жилью — на опытную станцию. Отца взяли в контору — опять же статистиком, а мать трудилась в детсаду под началом заведующей, Шарлотты Ивановны: то в группе — няней, то на кухне — поваром. Отец несколько раз брался было писать историю своей жизни; потом бросал; мне это тогда казалось неинтересным — мал был, не соображал, насколько это важно; может быть, именно в письмах А.Н. Голяновской отец и

сообщал об особенностях своей сложной судьбы; в 1960 году его не стало, и теперь уж ничего не восстановить.

Или лучше вспомнить о делах сердечных, о первых детских увлечениях? К примеру, о том, что у А.В. Корепановой была дочка Ира, в которую мы с Эдиком влюбились одновременно, однако получили от дамы сердца обескураживающее заявление, что оба для нее — «слишком пожилые». Она тогда училась в первом или втором классе, Эдик в пятом, а я в шестом. Чуть позже мы, мальчишки, создали специальный отряд, штаб которого разместился на пожарной вышке посреди поля клевера и тимopheевки. Мы с Эдиком, конечно, заняли должности командира и комиссара, в члены отряда в разное время были приняты Анатолий Бадмаев, Николай Звездин, Владимир Аммосов, Валерий Цыкеев, мой брат Анатолий, старший из трех братьев Шининых Владимир, потом средний — Алексей (младший, Ленка, и еще один мой брат, Володя, так и не дотянули до «призывного возраста»). Цели объединения виделись нам весьма неопределенно: что-то среднее между тимуровской командой и масонским орденом. Но тайственность привлекала. Однажды мы получили послание от отряда «Спартак» — оказывается, таковой был создан опорновскими девчонками. Мы соперников

(соперниц) всерьез не приняли, но задумались: а почему наш отряд без названия? Стали с Эдиком соображать. К тому времени и у него, и у меня в школе уже были зазнобы. Мы рассуждали: может, отряд «Г+Г» (имелось в виду «Галя + Граня»)? Или «В+Ч» («Веселова + Ченькова»)? Остановились на втором варианте: это же был наш секрет, членам отряда решили сказать, что «ВЧ» это «Василий Чапаев»... Господи, как все наивно, мило и смешно!

И еще тема, которая так и просит своего раскрытия: отношения между «опорновскими» и «комбинатскими» — то есть тех пацанов, что жили на сельхозстанции и — через дорогу — в поселке рыбоконсервного комбината. Вначале это была откровенная вражда, как, видимо, и всюду у подростков из разных «сфер влияния». Но неприязнь как-то быстро иссякла, поскольку четкого разделения на «своих» и «чужих» не

получилось. Например, Эдька Гомзиков жил среди рыбаков, а его родители (и сам он во время школьных каникул) работали на опорном. Наша семья тоже вначале жила в поселке рыбокомбината, а потом переехала на сельхозстанцию. Так что междоусобные схватки подростков случались только во время спортивных соревнований: по футболу, волейболу или хоккею (с мячом; про канадский, с шайбой, мы тогда еще мало знали; клюшки делали из кедровых корневищ или можжевеловых веток, а мячи шили из тряпок). Нас, «опорновских» и «комбинатских», неизбежно должно было примирить еще и то, что все мы учились вместе, «под горой», в средней школе № 2, в одних классах...

Необъятного не объять. Но в какую бы сторону ни уходил очередной «завиток» памяти, непременно вспоминался мой друг Эдуард Титлянов.

И это неудивительно. Все прочие сверстники были, как и я, из малообеспеченных, часто многодетных семей, жили впроголодь, плохо одевались, испытывали постоянную нужду. А Эдик оказался из другого мира. И так близко от меня — в соседнем

Эдуард Титлянов (справа)
в школьные годы

доме. Общаясь с ним, я многое узнал впервые. Вкус лимонада, например (непонятно, кто и откуда доставлял его семье эти бутылки — ведь в Ханты-Мансийске лимонада тогда не было!). Или то, что в квартире может быть библиотека. Не 5-7 книг, как у некоторых, а настоящая библиотека! (Свою я начал комплектовать именно с того времени). У Эдика я впервые увидел фильмоскоп. Это же надо: почти что кино на дому! От давних встреч с другом берет начало и мое увлечение фотографией. Эдик ходил с отцом на охоту, у него — подумать только! — было свое настоящее ружье, хоть и почти детское, 32 калибра, ему подарили родители.

Многое нам, опорновским пацанам (мне, Борьке Вакарину, Юрке Устьянцеву, Генке Черепанову), казалось непостижимым. Например: Титляновы имели домработницу, Тасю. Удивительный для нас факт: мы считали, что подобное имело место только до революции. Кстати, эта высокая строгая женщина и близко бы нас не подпустила к квартире хозяев,

которую содержала в образцовом порядке, но ей дано было твердое указание: для друзей Эдика — никаких ограничений! Так что мы не только бывали у него в доме, но даже занимались в подполье, прямо на картошке, проявлением пленок и печатанием фотографий (с чем связано множество уморительных историй, записанных в моих старых дневниках).

Наверное, мой друг осознавал разницу в нашем социальном положении, но никогда, ни разу, ни словом, ни жестом не показал в какой-либо форме превосходства или неуважения к товарищам.

Иногда, впрочем, сам того не желая, он своим поведением ставил нас, приятелей, в тупик. Пример. Мы играем возле дома. Время обеда. На крыльцо выходит Тася. «Эдик, пора кушать. Обед на столе. Мальчики тебя здесь подождут». Другу с нами интересно, уходить не хочется, он тянет время: «А что там сегодня на обед?». Тася отвечает: «Мясо с тушеным картофелем и овощами». «Опять мясо!..» — недовольно, с капризными нотками произносит Эдик, но все же уходит домой, обещая скоро вернуться. Мы почти в прострации. Для нас мясо — редчайший продукт, который мы видим разве что по

большим праздникам, тут же его предлагают просто так, в будний день, а приятель еще и уросит: «Опять мясо!». Фантастика какая-то.

Что было, то было.

* * *

Наша дружба продолжалась сравнительно недолго. Родители Эдика, видимо, отработав в Ханты-Мансийске обусловленный период, уехали на Дальний Восток. Мы переписывались — до той поры, пока я не окончил школу и не отправился за романтикой на Алтай. Связь прервалась. И только годы, даже десятилетия спустя, мы — уже взрослые, семейные люди — снова нашли друг друга. Как это произошло, можно узнать из трех писем, которые случайно сохранились в моем архиве.

Генка Черепанов, окончив Тобольский рыбтехникум, был распределен куда-то в Находку или Совгавань, по несколько месяцев плавал на сейнере в далеких морях, ловил рыбу. Как-то прислал мне письмо (на редакцию «Известий», так как не знал моего нового домашнего адреса) и сообщил, что виделся с Титляновым, который стал ученым, работает в институте... Как всегда, безалаберный, Черепанов не удосужился назвать институт

*Евгения Лебедева —
мать Эдуарда*

полно и правильно, и я послал депешу Эдику почти как «на деревню дедушке». Но ответ, как ни странно, пришел.

«Юра, здравствуй!

И все-таки твое письмо меня разыскало! Ты все верно рассчитал, только работаю я не в ТИНОРО, а в Институте биологии моря ДВО АН СССР.

Было после такого долгого перерыва очень странно получить от тебя письмо — и очень приятно. Мы хорошо дружили в далеком детстве. Я иногда беру свой старый фотоальбом и смотрю на нас. Есть у меня твои письма. Интересно было бы встретить тебя. Как я понимаю, ты сейчас корреспондент центральной газеты — может быть, тебя и в наши края занесет?..

Сейчас немного о себе. Итак, уехали мы в Приморье. Окончил 10 классов в Уссурийске и поступил в Приморский сельхозинститут, потом разругался с начальством и уже на 2 курсе перевелся на биофак в университет во Владивостоке. Окончил кафедру физиологии растений и поехал в целевую аспирантуру в Ленинградский университет. 1963—1966 — прекрасные годы в аспирантуре, в Ст. Петергофе в Институте биологии моря при ЛГУ...

Но до этого я еще в 19 лет успел жениться, в 20 лет заиметь дочь. В Ст. Петергофе жил с женой. Окончил аспирантуру, уехал во Владивосток преподавать на кафедру биохимии — вначале ассистент, потом старший преподаватель и к 1969 году доцент. В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию.

В университете вплотную занялся физиологией водорослей, освоил водолазное дело, развелся с первой женой и женился на своей студентке — дипломнице Тамаре: ей 22, мне 28.

В 1970 году перешел работать в Институт биологии моря, здесь организовал лабораторию фотосинтеза, которой и командую до сих пор. Правда, сейчас еще и зам. директора института по науке.

Родили мы с Тамарой дочь Анну, которая в этом году вышла замуж, да сына Антонина — жуткого охламона, который сейчас мучается в 10 классе. Первая моя дочь Ира родила мне пять лет назад внука.

За это время я еще защитил докторскую диссертацию и вступил в партию (в 1983 г.). Много работаю во Вьетнаме и вообще в тропиках: побывал в Австралии, Сингапуре, на Филиппинах, Сейшельских островах, в Африке, на Мальдивах. В этом году собираюсь на Мадагаскар.

Охоту я не бросил, всю жизнь с ружьем. Особенно люблю охоту на уток. Каждые ноябрьские праздники, если на-

Э. Титлянов (слева) и автор материала на охоте; 1952 г.

хожусь в СССР, то сижу дней шесть на болоте.

В семье более или менее нормально, пока разводиться не собираюсь. Отца похоронил в 1972 году, мать жива, ей 84 года и сейчас живет у меня (в данный момент смотрит телевизор).

Часто бываю в Москве, но в Тюмень еще не приезжал. Теперь, может быть, и заверну.

Вроде вкратце все о себе написал. Моя сестра Аргента тоже доктор наук, живет в Новосибирске.

В конце марта на один месяц уезжаю во Вьетнам. Вот уже 10 лет веду там работы, привык к тропикам. Сейчас создаем там Тропический центр и Морскую биологическую станцию. Вот такие наши дела.

Откройся и ты! В нашей компании всегда все выдумки шли от тебя. А также ты писал стихи. Может быть, ты поэт и сейчас? Бываешь ли в Ханты-Мансийске, на сельскохозяйственной опытной станции? Как там сейчас? Где Бадмаев? Пиши! Жду с интересом.

Твой древний приятель —
Эд. 29.02.88.»

Теперь я отправил другу целое жизнеописание. Не пойму, каким образом рукопись моего послания осталась в архиве. Скорее всего, это было время, когда собкоры «Известий» снабдили симпатичными портативными пишущими машинками, и я (во многом из пижонства) перепечатал текст перед тем, как отправить. А оригинал остался. Скорее всего, так.

«Эдик,

получил твоё поздравление, спасибо, а на первое письмо не ответил потому, что ты не дал в нём своего адреса — пришлось бы снова отправить конверт гулять по всем институтам Владивостока, к тому же ты тогда (как и сейчас) уезжал в очередную кратковременную полутодовую командировку по морям-океанам. Теперь же, полагая, что Кирова, 70-23 это твой домашний очаг, решил заодно с годовыми поздравлениями сообщить тебе и кое-какие подробности, ответить на вопросы. Думаю, рано или поздно ты вернешься и прочитаешь...

Ну, что о себе? В 1957 году, окончив школу, уехал из Хан-

тов со школьным товарищем в г. Бийск Алтайского края (у него там была родня) — за романтикой, на какую-то стройку. Сейчас это кажется более чем смешным, поскольку вся Тюменская область превратилась в сплошную стройку. Через год вернулся назад (военкомат потребовал). Буквально через несколько дней меня пригласили работать в местную районную газету (была в то время такая).

Тут сделаю маленькое отступление. Ещё когда я учился в 8 или 9 классе, в школу пришел сотрудник этой газеты, и наша литераторша велела мне показать ему мои опусы (в основном, стихи). Некоторые он взял. Вскоре я пережил неопишное потрясение, увидев напечатанным в газете свой шедевр «Березка» — стихотворную бодягу длиной в колбасу... Так или иначе, стал я с тех пор сотрудничать в районке, выдавая заметки сперва из школьной жизни, а потом и — по заданию газеты — незатейливые писульки с производства. А рассказы и стихи слал даже из Алтайского края, печатали.

И вот совпадение: в редакции узнали, что я вернулся в Ханты, а у них как раз вакансия образовалась... Честно скажу, что о штатной работе в газете у меня и мыслей никогда не было, поэтому приглашение опять-таки потрясло мое слабое и хилое по тем временам существо.

Получив официальную должность литсотрудника и громад-

ную зарплату в 600 рублей старыми деньгами (плюс гонорар), я с упованием начал колесить по Самаровскому району: зимой по «веревочке», т.е. на почтовых лошадях, летом на катерах или колесных пароходах. Бедная газета терпела не только мои так называемые очерки и корреспонденции, но и стихи, пародии, уголки юмора и т.п. Эта идиллия продолжалась год. Представь себе, заметили в немислимо высоких для Ханты-Мансийска инстанциях, аж в Тюмени, и предложили перейти в областную молодежку «Тюменский комсомолец» на должность собственного корреспондента по Ханты-Мансийскому округу. В этом качестве, продолжая жить на Севере, я проработал долгих десять лет.

Постепенно все становилось серьезнее. В округе еще в 1953 году нашли газ, а в 1960-м ударил первый фонтан нефти, все ожило, задвигалось, загрохотало, я почти не находился в Хантах — исколесил все районы (Березовский, Сургутский, Нижневартовский, Кондинский и другие)

Снимок из газеты «Правда» (Э.А. Титлянов справа); 1989 г.

вдоль и поперек. Уже и транспорт был другим, и задачи, и отношение к делу. Впрочем, и возраст. В это же время окончил заочно факультет журналистики Уральского университета.

В общем, если коротко, то дальше так: в 1968 году перевели в аппарат редакции «Тюменского комсомольца», с женой Любой и маленьким Алешкой переехал в Тюмень и возглавил отдел, а в 1971 году стал редактором этой газеты. Через четыре года уехал учиться очно в Москву, в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, получил еще один (красный) диплом. Вернувшись в Тюмень, стал заведовать отделом нефти, газа и геологии — уже в партийной газете «Тюменская правда», а через два года (в январе 1980-го) был утвержден собственным корреспондентом газеты «Известия» по Тюменской области, пребывая на этой сладкой каторге по сей день. О том, как я поступал все эти годы и что делал, — ни разу ни на миг не пожалел.

Ты, я думаю, тоже доволен своей судьбой. Мне всегда казалось, что ты «обречен» на прекрасную жизнь и восхождение к научным вершинам, какой бы путь ни избрал, — вначале ведь ты хотел стать геологом,

а потом охотоведом (кстати, помнишь ли: когда-то ты написал рассказ «Первая утка?»).

Хорошо, что вы повстречались с Г. Черепановым. Тебя я нашел с его помощью, а он меня «вычислил», прочитав подборку моих материалов в «Неделе» (это еженедельное воскресное приложение к «Известиям»). Когда наша с тобой связь прервалась (кажется, в пору моего отъезда на Алтай), я буквально бомбардировал письмами город Ворошилов-Уссурийский (так ли он называется? — уже не помню), у тебя там были какие-то посторонние адреса, следовало писать на другие фамилии и делать пометку «для Э. Титлянова». Но там либо хозяева поменялись, либо были такими уж бессердечными — на мои непосредственно к ним обращения даже не реагировали. Прошло много лет, прежде чем я перестал трепыхаться и прекратил поиски. Думал всякое-разное...

Не без зависти вычитываю у тебя и Геннадия потрясающую географическую экзотику: Мальдивы, Мадагаскар... В общем, оба вы пираты XX века: один отбирает у моря последнюю рыбу, а другой — последние тайны.

В Хантах я бываю редко: раз в 2–3 года, случался даже десятилетний перерыв, хотя мимо летаю постоянно: в Сургуте, Новом Уренгое, Нижневартовске, Надыме приземляюсь по-

чти ежемесячно. Мне сейчас трудно представить, как Ханты выглядели на момент твоего отъезда, но перемены там, к счастью, происходят медленно. Однако, к несчастью, все же происходят. И свидания с прошлым приносят теперь уже не светлую печаль, а горькое разочарование. Раньше, появившись в Хантах, я обязательно приходил на опытную станцию, смотрел на потемневшие дома нашего детства, шел в сторону конного двора, в поля, где стояла вышка со штабом нашего отряда «В+Ч», к знакомым деревьям.

Но постепенно все менялось: выросла в землю старая контора, ей на смену построили унылую двухэтажку, постепенно стали исчезать знакомые с давних лет здания, многие акации и яблони задавили асфальтом. А в последний раз (года полтора назад) я вообще увидел протянувшуюся к бывшему конному двору целую улицу противных новых коттеджей с парниками и цепными собаками. По сути, остался лишь тот дом, где жили вы. А из людей — давно ушедшая на пенсию Анна Васильевна Корепанова, которая до недавнего времени еще давала в окружной газете советы специалиста: о яровизации картофеля, подборе удобрений и т.п.

Лица твоих родителей я хорошо помню, но вот отчества выветрились. Может, потому,

что ты мне как-то показал книжку «Камчатка», где упоминались «молодые ученые Евгения Лебедева и Антонин Титлянов». Так и врезалось в память. И поразительный факт: о твоих родителях написано в книге!!

Согласен с тобой: детство у нас было хорошее, интересное (у кого оно иное?). И хоть мы находились, что называется, в разных «социально-экологических нишах», мне кажется, многое нас связывало. Но это целый отдельный разговор.

Меня, кстати, обстоятельства тоже пытались направить в науку. После университета оставляли на кафедре, двигали в аспирантуру, но я вернулся на свой Север, к нефтегазовым делам. Позже с удовольствием поучился в ВПШ, для меня в Москве это были, видимо, столь же приятные годы, как для тебя — в Ленинграде. И даже более приятные: я ведь вернулся к «студентству» почти через десять лет после университета, к тому же очно занимался впервые. Так вот, там я опять получал те же предложения, даже сдал кандидатский минимум. Но поскольку мои потенциальные научные свершения были связаны преимущественно с протиранием штанов в читальных залах библиотек и архивов, то я и на сей раз счастливо избежал соблазна.

Ты в науке — другое дело. И работа по душе, и в подводных зарослях наверняка чуть

интереснее, чем в архиве. Представляю, как возвращаешься домой с очередной Суматры: просоленный брызгами, прокопченный солнцем, продутый и разлохмаченный муссонами, пассатами или как там их у вас называют все эти торнадо?..

В общем, не слишком ли многословно поздравляю я тебя с Новым 1989 годом? Хотя, ты ведь будешь это читать уже в апреле...

Еще два слова. Родителей моих в живых уже нет: отец скончался еще в Хантах в 1960 году, а мать схоронил здесь, в Тюмени, пять лет назад. Погиб (утонул) и брат Анатолий, очень давно. Остальные братья и сестры имеют свои семьи, Володя живет в Свердловской области (но всего в полутора часах езды от нас по тракту), а Людмила, Зоя и Сергей — в Тюмени. Людмила пока остается незамужней, другие же народили детей. Что касается нас с Любой, то вырастили сына Алексея, ему уже 26 лет, живет с нами, электронщик, работает в Гипротюменнефтегазе, пока не женился, в связи с чем мы выпендриваемся перед своими сверстниками — все они уже бабки и дедки, а мы вроде как все еще совершенно юные...

Ну вот, разом все не расскажешь, если что интересно, спрашивай — отвечу. Черепанов звал меня на восток, я ведь в том конце дальше Хабаровска не был. В принципе побы-

вать во Владивостоке по якобы служебным делам особой проблемы для меня, думаю, не составило бы, просто как-то всерьез не думал об этом. Кстати, там наш собкор Ю. Балакирев — его легко найти, если вдруг возникнут какие проблемы, обратиться к нему, сославшись на меня, в правом деле он обязательно поддержит. Нас ведь 60 собкоров-известинцев разбросано по стране (и еще 40 — за рубежом) и почти все связаны невидимыми нитями профессионального цехового братства. Так что мне в любом регионе гарантирована «крыша над головой» и достаточное внимание.

Теперь, кажется, заканчиваю. Всего наилучшего! Пиши (Тюмень-48, ул.С-Шедрина, 34-40), звони (22-43-45), шли телетайпограммы (телекс 235226 «слово»). Юрий.

28.12.1988 г.»

Это был, как указано в письме, конец 1988 года. В апреле 1989-го пришел ответ.

«Юра, привет!

Получил от тебя подробное письмо с твоим жизнеописанием. Ты хорошо идешь по жизни, как и предполагалось. Я тянулся за тобой, писал даже рассказы, но не мой это удел. Хотя говорят, что, когда пишу популярные вещи, у меня выходит. Время, время, где его взять?! Вот и сейчас — привез с Сейшел много интересного, а времени хватает (вернее, не хватает) даже на науку.

Очень печально ты описал Ханты и станцию. Я в тех краях не был с детства, но все хорошо помню. Как мы катились в Самарово с горы почти до самой школы, как ходили через кладбище. Хорошо помню наш и ваш дом, контору, смородину у конторы, конечно же конюшню, склад, наше поле с вышкой.

Хотелось бы побывать в Ханты-Мансийске, но путь мой теперь все больше лежит на юг, а не на север, хотя может быть как-нибудь объединимся и махнем в Ханты. Приезжай к нам по делам, да и так можешь, в отпуск. У нас в Приморье есть что показать. Обычно ухожу в отпуск где-то в середине сентября, отпуск большой — 48 рабочих дней. Есть что рассказать спецкору «Известий», может быть, сделаешь репортаж, страницу в «Неделю» или вдохновишься на стихи.

Сейшельская экспедиция, из которой я вернулся и где значился начальником, была уникальной, сложной, трагической, интересной. Вспомни, как во «Времени» передавали репортажи из Сейшельской Республики про то, как советских водолазов спасли американские подводники — так это про нас. Имею на руках богатейший материал. Экспедиция была советско-американская, первая и, возможно, последняя такая. Я за эту экспедицию получил благодарности от разных

научных советов разных стран и — выговор в собственном институте. Спас людей от смерти, но, как в лучшие времена засота, получил по заднице.

Много приобрел друзей — как на Сейшелах, так и в США. Большим другом стал первый советник американского посольства на Сейшелах Энди Андерсон. Моя жена Тамара очень подружилась с его женой Барбарой. Затеваем после рейса общую научно-исследовательскую программу со Смитсоновским институтом в Вашингтоне и Калифорнийским университетом в Лос-Анджелесе. И чтобы все это потянуть и еще написать книгу, я ушел из заместителей директора, но зато получил диплом профессора. В этом году был на перепутье: или администратор, или ученый. Выбрал второе.

Нынче в июле собираюсь в Лондон на конференцию по кишечнополостным, англичане платят за мое пребывание там, но еще удивительней, что меня как специалиста по кораллам пригласили к себе израильтяне на весну 1990 года и платят опять же за все, включая авиабилет от Владивостока до Иерусалима и обратно. Интересно пролететь над своей страной за израильский счет.

Таковы дела в научном плане. Ну а дома... Мама сейчас живет у нас, но на лето собирается к себе, на горно-таежную станцию. Она тебе напишет письмо сама. Я, конечно же, дед:

внук от первой дочери Ирины ходит в школу, а сейчас она еще ждет дочь (для нас внучку). Аня, вторая моя дочь, растит внука Ваську — у него уже два зуба, он активно откликается на зов и очень быстро ползает по полу. Хорошие мужички.

Жена Тамара, кажется, все еще любит меня, хотя вроде уже и не за что любить — так, по привычке. Вырываюсь на охоту, жду осени.

Да, еще в этом году в ноябре собираемся с Тамарой посетить Париж, поехать в гости за счет своих сбережений. Есть у нас там знакомые, а сейчас, говорят, особых проблем поехать в гости нет.

Твоего Юру Балакирева я не знаю, но ты ему напиши, что есть интересный материал для «Известий» и лежит он по ул. Кирова, 70, кв. 23 у Титлянова. Но лучше бы отдать все это тебе.

Юра, я забыл, что означают изображенные тобой в письме символы, в том числе и «В+Ч».

Короче, приезжай, очень интересно будет встретиться, может быть, и поработаем вместе.

Привет жене. Моя тебя хорошо знает по фотографиям детства.

Всех благ. Эд.
28.04.1989 г.»

* * *

Вместе с последним письмом Эдик (впрочем, какой он теперь Эдик; доктор наук Эду-

*Здание бывшей конторы
опытной станции; февраль
2002 г.*

ард Антонинович Титлянов) прислал несколько газет Сейшельской Республики. По отдельным словам я нашел публикации, в которых говорилось о советско-американской экспедиции, увидел фотографии, на которых фигурировал мой весьма представительный друг, но никак не мог образовать, на каком языке отпечатаны тексты. Явно не на немецком, с которым я более или менее знаком. И на английский похоже, и на французский...

Моя родственница Ульяна Соловьева сделала перевод нужных статей: оказывается, каждый номер газеты наполовину печатается на французском, а наполовину — на английском. Благо, Уля владеет тем и другим. Я заглянул в энциклопедический словарь и узнал, что в Республике Сейшельские острова оба эти языка являются государственными.

Приведу здесь выдержки из двух статей в газете «Сейшелы — националь». Одна (в номере за 20 февраля 1989 года) называлась «Американский ученый считает, что уникальная морская экспедиция стала возможной благодаря перестройке». В ней говорилось:

«О советском исследовательском судне «Академик Александр Несмеянов» пресса уже упоминала в связи с несчастным случаем, когда два советских водолаза пострадали при погружении от декомпрессии.

9 января корабль прибыл в акваторию Сейшельских островов для исследования океанических водорослей и изучения болезней коралловых рифов. На борту были советский и американский морские биологи, что очень продуктивно для работы в подобных экспедициях.

«Я полагаю, — говорил корреспондентам в субботу на борту корабля профессор Филип Достан, — это реализация М. Горбачевым политических и экономических реформ, перестройка и гласность, ослабление напряженности в отношениях между Востоком и Западом сделали возможным такой союз. Я, сотрудник биологического факультета Чарльстонского колледжа, был поражен, ког-

да получил приглашение от начальника экспедиции профессора Титлянова принять участие в совместном исследовании кораллов. Наша работа в течение многих лет была во многом схожа, но мы никогда раньше не трудились вместе».

Проф. Достан был удивлен еще и тем, что, кроме него, в экспедицию были приглашены другие американские специалисты. Среди них — доктор Эндрю Бенсон, член Американской Академии наук.

«Приехать сюда — мечта многих ученых, — продолжал Ф. Достан. — Это реализация желания русских объединить усилия двух стран для обмена опытом в области науки и сельского хозяйства. Так что мы первые американцы, работающие бок о бок с российскими коллегами. Вместе решая биологические проблемы, мы гордимся этим и мы счастливы».

Коралловым рифам 500 миллионов лет — столько же, сколько существует на Земле

жизнь. По словам Филипа Достана, человечеству, если оно хочет остаться на планете, надо учиться у этой экосистемы (кораллов) функционировать и создавать сообщество по особым законам. Коралловые структуры очень стары, но живут и развиваются нормально. А человек бездумно разрушает Землю, ему надо осознавать, что он — часть ее, ему еще надо учиться жить на планете. Вот почему есть смысл в изучении коралловых экосистем.

Экспедиция на судне «Академик Александр Несмеянов» должна была отправиться с Сейшел на Мадагаскар, но руководитель Эдуард Титлянов (Институт морской биологии Дальневосточного отделения Академии наук СССР, г. Владивосток) сообщил, что передислокация не состоится из-за несчастного случая, произошедшего на прошлой неделе. Судно останется в водах Сейшельских островов до 17 марта, когда ученые явятся с заключительным докладом к правительству Республики».

Вторая статья (в номере за 17 марта 1989 года) называлась «Новые виды водорослей и трав, открытые

Последний из сохранившихся старых жилых домов на опорном пункте; февраль 2002 г.

на Сейшельских островах». Она носила сугубо научный характер, изобиловала специальными терминами, латинскими названиями различных водорослей. Приведу лишь небольшой отрывок из этого материала.

«...Представляя результаты исследований генеральному директору индустрии и ремесел Министерства национального развития доктору Селвину Гендрону, советский ученый Эдуард Титлянов сообщил, что экспедиция изучила свыше 300 видов портовых и морских водорослей, причем 20 из них не были идентифицированы, а 10 вообще оказались не известными науке. Возраст многих видов превышает 2 — 2,5 века. Самым, пожалуй, важным открытием стало обнаружение особого типа водорослей, которые являются важнейшим компонентом, регулирующим жизнедеятельность подводных экосистем. Титлянов подчеркнул важность сохранения биологического равновесия в районе Сейшел и предостерег от сооружения плавучих нефтяных платформ, которые могут это равновесие нарушить.

Комментируя доклад Э. Титлянова, С. Гендрон подчеркнул, что советско-американская экспедиция принесла Республике Сейшельские острова большую пользу, ее данные будут использоваться в развитии экономики страны, особенно в таких важных областях,

как охрана окружающей среды, использование энергетических ресурсов моря, рыбный промысел и другие.

Профессор Титлянов высказал также слова благодарности представителям Сейшельских островов и Соединенных Штатов Америки, которые оказали содействие в спасении и сохранении жизни советских водолазов».

...О-о, как далеко от родного Ханты-Мансийска оказался я в своих воспоминаниях с помощью писем и документов! Не пора ли возвращаться?

Добавлю только одно. В конце 1989 года, развернув номер центральной «Правды» за 15 ноября, я увидел большую фотографию, на которой сразу узнал Эда. Над снимком был заголовок «Из морских глубин», а ниже текст: «Владивостокский Институт биологии моря Дальневосточного отделения АН СССР. Здесь работает Эдуард Антонинович Титлянов — профессор, доктор биологических наук, заведующий лабораторией фотосинтеза, он вместе со своими коллегами занимается проблемами продуктивности морских водорослей морей и океанов.

Вместе с вьетнамскими учеными разрабатываются плантации агароносных водорослей. Сейчас создано предприятие по производству агар-агара — редкого и очень дефицитного материала.

На фото: младший научный сотрудник лаборатории фотосинтеза А. Колесников и профессор Э. Титлянов работают с водорослями, именуемыми грацилярией, найденной в прошлом году на юге Приморья. Этот вид растений может служить сырьем для производства своего агар-агара».

* * *

За время работы собственным корреспондентом газеты «Известия» по Тюменской области (с 1980 по 1993 годы) я только два или три бывал в Ханты-Мансийске, да и то города почти не видел: сразу шел в объединение геофизиков, а оттуда выезжал или вылетал «в поле», в сейсмопартии (обычно к моему школьному приятелю Петру Финку, который всю жизнь отдал геофизике, продолжая работать по сей день). А вот командировки в «нефтегазовые» города Ямала и Приобья случались ежемесячно, а то и по несколько раз в месяц.

И вдруг в конце июля 1988 года получаю из редакции депешу от патриарха журналистов-известинцев, многолетнего зав. сельхозотделом газеты Н. Грызлова. Он присылает жалобу, поступившую из Ханты-Мансийска, и просит разобраться на месте. А жалоба-то с опорного пункта! У сельхозстанции пашню отбирают!

Мне грустно обращаться к этой истории, которая для меня,

по сути, так и не началась. Давно не работаю в «Известиях», а жалоба — вот она, передо мной, в фирменной папочке с выцветшим названием «Материалы для командировки».

«В редакцию «Известий», Москва.

Ханты-Мансийская сельскохозяйственная опытная станция автономного округа Тюменской области создана более 50 лет назад. За время своего существования коллектив научных сотрудников станции внес большой вклад в развитие сельскохозяйственного производства округа.

Именно по разработкам станции осваивались земли, внедрялись приемы возделывания картофеля и овощей, создавалась новая отрасль — клеточное звероводство, интенсивно развивалось животноводство. Эти отрасли стали неотъемлемой частью экономики колхозов и совхозов, в том числе национальных.

Пашня станции осваивалась в 40-е годы вручную на месте вековой тайги, затрачено на это огромное количество человеческого труда, море слез и крови людей, высланных на Север 50 лет назад.

За прошедшие годы тяжелые глинистые лесные почвы, на которых после раскорчевки не появляется никакой растительности, доведены до состояния плодородной пашни, где в условиях Крайнего Севера стало

возможным получать картофеля 280, овощей 400 и корнеплодов до 500 центнеров с гектара.

На полях опытно-производственного хозяйства (ОПХ) ведутся научные исследования по усовершенствованию технологий возделывания этих культур, работы по первичному семеноводству и выращиванию семенного картофеля для хозяйств округа. Практически эти поля более полувека выполняют роль стационара. А ведь всего-то высокого агрофона пашни на коренном (незатопляемом) берегу — 80 гектаров!

В конце 1987 года Ханты-Мансийскому горисполкому потребовались площади для индивидуального строительства жилья, и на руководство станции началось давление на всех уровнях — дать согласие на изъятие первой очереди, 25 гектаров высококультурной пашни. Зная указание президиума СО ВАСХНИЛ, который запретил согласовывать отчуждение пахотных земель опытных станций, учитывая мнение коллектива научных сотрудников, рабочих ОПХ, помня о целях и задачах станции, наше руководство такого согласия не дало.

Тогда бюро горкома КПСС рассматривает вопрос «о позиции торможения» директора станции Силина Л.Е. в отводе пашни и принимает решение: считать пребывание коммуниста Силина Л.Е. в должности

директора невозможным, а парторганизации было предложено рассмотреть вопрос о его партийной ответственности.

На открытом партсобрании коллективов ОПХ и опытной станции председатель горисполкома тов. Румянцев Н.Т. и первый секретарь горкома КПСС тов. Барышников Н.П. старались убедить собравшихся в трудностях с жильем, в отсутствии других свободных мест для индивидуального строительства, но коммунисты сказали однозначно: «В отводе пашни отказать, действия директора считать обоснованными».

Не выдержав давления со стороны горкома КПСС, директор вынужден был подать заявление об уходе с должности.

На этом же собрании по предложению тов. Барышникова Н.П. была создана комиссия от станции и ОПХ, которая могла бы с горисполкомом найти конструктивное решение. Комиссия предложила вариант: силами населения снять лес с отведенных ОПХ земель, раскорчевать, а ОПХ за счет заинтересованных предприятий должно в течение пяти лет произвести окультуривание земель, после чего частями передавать их городу. Все, конечно, понимали, что за пять лет не удастся создать тот агрофон, который мы имели на существующей пашне, но на 60–70 процентов этого уровня можно достичь путем внесения повышенных

норм органических удобрений и посева кормовых трав. Нам было сказано, что будет составлен протокол согласования такой договоренности. Но этот документ так и не появился.

Одновременно сотрудники городской архитектуры поехали в институт «Ленгипрогор» на согласование строительства индивидуального жилья на пашне ОПХ в северной части города. Институт согласования не дал по ряду причин: близость кладбища, очистных сооружений, зверофермы ОПХ и птицефабрики, зона подлета самолетов.

Тогда горисполком дает указание: провести выбор участка на землях ОПХ в южной части города. В итоге родился акт, которым предусматривалось изъять у станции 11,5 гектара пашни, в том числе 1,7 га ягодных насаждений, откуда саженцы продаются населению всего округа, 1,4 га коллекционного питомника новых многолетних кормовых культур с семенным участком «борщевика Сосновского», а также вырубить 10 га зеленой зоны памятника природы «Ханты-Мансийские холмы».

При отсутствии согласования с опытной станцией, землеустроителем района, горСЭС, при протесте общества охраны природы облисполком не принял материалы для ходатайства в Совет Министров РСФСР. Тогда городские власти 17 мая принимают волевое решение:

обязывают отдел архитектуры осуществить проект планировки размещения индивидуально-го строительства на пашне станции в северной части, распределить пять гектаров по предприятиям. 18 мая начинается раздел пашни в натуре и выгораживание. Осмысленно делается все, чтобы поставить станцию, ОПХ да и все органы перед фактом захвата.

На этом месте арендное звено тов. Вагитова А.М., которому пашня была выделена для выращивания картофеля, овощей и кормовых культур, осуществляло весенне-полевые работы. Рабочих предприятий предупредили о незаконности их действий, а потом просто изгнали. Однако горисполком требует выполнения своих указаний, мотивируя тем, что «все решает власть на местах».

Но ведь власть на местах должна выполнять законы Советского государства, в том числе и существующую ст. 35 Земельного кодекса РСФСР, где сказано, что изъятие пашни для несельскохозяйственных нужд производится лишь в исключительных случаях и только по решению Совета Министров РСФСР.

Руководство горисполкома и горкома КПСС знает об этом. В свое время в городе было зарезервировано 40 гектаров площади под индивидуальное жилье. Но пришли геологи, и городское начальство вместо раз-

мещения Назымской экспедиции на пойме (для чего надо было намывать территорию) отдало тот самый готовый резервный участок. Обещание же возместить землю путем намыва в пойме так и осталось обещанием.

Поправим ли моральный ущерб, который нанесен местной властью коллективу ОПХ, станции, тем людям, кто полил эту землю потом, кто годами выращивал урожай для населения города и округа? Кто-то ведь должен нести ответственность за противоправные действия — либо тот, кто вдохновлял, либо тот, кто исполнял...

Работники сельхозстанции и опытно-производственного хозяйства возмущены такими действиями, мы просим у редакции защиты и требуем вернуть захваченную пашню.

Г.А. Власенко — председатель совета трудового коллектива ОПХ, Л.Я. Краева — председатель совета трудового коллектива Ханты-Мансийской сельскохозяйственной опытной станции».

Почему же эта скандальная история, связанная с родными и близкими местами, окончилась для меня, так и не начавшись?

Я связался с горисполкомом, расспросил о ситуации. Определил фигурантов для будущего материала. Еще будучи в Тюмени, пытался выстроить композицию будущей статьи,

хоть и знал, что домашние заготовки обычно рушатся после встреч на месте и разговоров с людьми. Я уже собирался покупать билет на самолет...

И тут из Москвы позвонил один из заместителей главного редактора. Мне предстояло лететь на Ямал. Я спросил, нельзя ли это сделать чуть позже — мол, сейчас собираюсь готовить материал по сельхозстанции, пашню там изымают. «Какая станция?! — загромыхал зам. главного. — Какая пашня?! Ты не забыл, что представляешь Тюмень? А Тюмень — это нефть! Это газ! Это переработка углеводородов, новые города, трубопроводы. Если потребуются материалы по сельскому хозяйству, мы закажем собкорам на Алтае или Кубани. Так что всякую мелкую пахоту — побоку! Срочно лети на Ямбург!».

И я полетел... Потом вернулся в Тюмень и буквально через пару дней — на Саяногорск. Потом — в Новый Уренгой. Жалоба лежала под стопкой более неотложных бумаг. Зав. отделом Н. Грызлов ушел на пенсию. Затем начались «великие перемены» — в политике, в экономике, в стране, даже в редакции «Известий».

Да и в коллективе опытной станции, наверное, тоже. Сейчас поля, за которые бились авторы письма, большей частью давно застроены, а в каком статусе пребывает ныне сельхозстанция, мне неизвестно. Кон-

тора есть, видел двухэтажную коробку, но что это — научное учреждение? или производственное? или какое-нибудь ОАО? — не знаю...

И узнавать почему-то уже не хочется.

* * *

В Тюмени создано и действует Ханты-Мансийское землячество «Югра». В него вошли люди, долго жившие и работавшие в северном округе. Я тоже член землячества, даже хожу в активистах: выпускаю газету «Земляки», помог выпустить книгу воспоминаний северян, живущих теперь в областном центре. Среди них есть специалисты, имеющие отношение к опытной станции. К примеру, в свое время там трудился И.А. Никитин.

Когда совет землячества, возглавляемый председателем Л.Г. Тайлашевым, устроил ветеранам летом 1999 года уникальный круиз на теплоходе «Генерал Карбышев» от Тюмени до Ханты-Мансийска и обратно, я в своей каюте № 3 беседовал со многими участниками рейса. Зазывал и Никитина. Иосиф Андреевич много сделал для Севера, работал на разных руководящих должностях — в горкоме, окружном комитете, был председателем Ханты-Мансийского райисполкома. Но меня особенно интересовал тот период, когда в далеком 1955 году он, молодой

инженер, выпускник Омского сельхозинститута, был направлен на опытную станцию.

На работу его принимал и.о. директора В.А. Аммосов. Занимаясь вопросами механизации производства, И.А. Никитин плодотворно сотрудничал с руководителями растениеводческой отрасли супругами А.В. и К.Т. Корепановыми, с З.И. Сосновской и другими. Об Ариадне Николаевне я услышал от него только добрые отзывы. А после ее отъезда из Ханты-Мансийска началась, по словам Иосифа Андреевича, очень частая смена директоров. Ни к чему хорошему это привести не могло. А такого твердого и авторитетного лидера, как А.Н. Голяновская, увы, уже не находилось.

Среди членов землячества «Югра» много педагогов, они организовали свой клуб «Наш сентябрь» и периодически собираются вместе, приглашая гостей, обсуждая темы, которые кажутся им интересными. Я сходил на одну из таких встреч, о чем написал заметку в газету «Земляки». Приведу фрагмент, поскольку публикация касается Ариадны Николаевны.

«...На сей раз была запланирована встреча земляков с доктором медицинских наук, профессором Н.А. Зубовым, долгое время жившим в Ханты-Мансийске. Но говорить Николай Александрович должен был вовсе не о медицине,

а о замечательной женщине, директоре сельхозстанции А.Н.Голяновской (Скалозубовой).

Почти все собравшиеся о ней слышали, а некоторые даже встречались. Но эмоциональный рассказ профессора был настолько увлекателен и так насыщен любопытными деталями, что едва ли не для каждого этот вечер встречи в буквальном смысле стал вечером открытий.

Оказывается, в Ханты-Мансийске какой-то период жила и мама Голяновской, Ариадна Васильевна. Она работала на опорном пункте в библиотеке, которая была прекрасно укомплектована, поскольку сельхозстанция относилась к могучему и богатому ведомству — Главсевморпути. Эта интеллигентная старушка была дочерью знаменитого художника Василия Максимова, чьи полотна хранятся в Третьяковской галерее и других крупных музеях. Взятые из старого номера журнала «Огонек» репродукции картин Максимова (в том числе самой знаменитой работы — «Все в прошлом») были пущены по рядам земляков...

Н.А. Зубов продолжал свое повествование. Ариадна Васильевна и сама немного рисовала. В пору ее молодости у отца в московской квартире бывали даже в московской квартире бывали Репин, Шишкин, Куинджи, Васнецов, другие великие живописцы. Ариадне подсказывали, что, мол, Репин хвалил некоторые ее работы. Девушка отмахивалась: ах, оставьте, Илья Ефимович всем говорит только приятное... Через много-много лет, приехав к дочери в таежный Ханты-Мансийск, она продолжала рисовать. Николай Александрович показал два портрета: вот работница опытной станции, а вот студент. И выяснилось: студент на рисунке — он сам в молодости, а работница на заречной ферме — его мама. Это тоже стало для собравшихся открытием.

У Ариадны Васильевны было два сына и четыре дочери, жившие в разных концах страны. Она бывала у них, но дольше всего гостила (11 лет!) у Ариадны Николаевны, о которой, в

Эти березы росли под окнами ныне снесенного принадлежавшего опытной станции дома № 136 по улице Гагарина; февраль 2002 года

основном, и шел разговор на встрече. В заинтересованный диалог с профессором вступали С.П. Загваздин, А.С. Захаров, М.И. Иванова, М.Г. Носов и другие. Беседа получилась очень увлекательной — к удовольствию ее организаторов С.Д. Чикиревой, А.А. Коневой, Г.М. Чайкиной и М.Ф. Шадриной (это она, кстати сказать, отыскала в подшивке «Огонька» репродукции картин Максимова).

А потом еще была художественная часть...».

В ходе работы над этими заметками у меня скопилось большое количество различных документов, газет, брошюр, книг, так или иначе связанных с А.Н. Голяновской, с опытной станцией, со многими людьми. Если все это использовать и комментировать, да еще описывать свои чувства, разбуженные образами прошлого, то воспоминаниям не будет конца.

И все-таки об одном издании не могу умолчать. Это «Подорожник» — приложение к журналу «Югра», которое недавно стал выпускать В.К. Белобородов. Вышло пока три номера. В первом профессор Н.А. Зубов, приходивший в клуб «Наш сентябрь», опубликовал статью «Ариадна, дочь Ариадны», где подробно рассказал о своих встречах с легендарными женщинами семьи Скалозубовых, матерью и дочерью. Во втором выпуске помещены вос-

поминания самой Ариадны Васильевны Скалозубовой «История Ханты-Мансийского опорного пункта» (публикация Г.Г. Кузнецовой). Возьму из этого интересного материала только три коротких абзаца.

«...Всю сложную работу опорного пункта — научную, административно-хозяйственную, общественную — проверяла и объединяла в одно целое директор Голяновская. Десять лет почти без отдыха, без возможности использовать полагающиеся ей отпуска. С раннего утра и до поздней ночи ее можно было видеть на всех участках работы. На каждый заданный научным сотрудником вопрос она старалась дать продуманный ответ, не отделяваясь бессодержательной фразой.

Ни одно крупное сельскохозяйственное мероприятие и ни одно постановление по сельскому хозяйству в округе не прошло без ее самого активного участия. К ней шли рабочие со всеми своими горестями. Муж-самодур бросил Харитину Устьянцеву с кучей ребятишек и скрылся — опорный пункт поддержал хорошую работницу, выделил для семьи дом. Другой старый рабочий, Петр Симонов, у которого с женой Натальей тоже было мал мала меньше, благодаря помощи Голяновской, купил половину дома. «Не директор, а мать родная», — говорили рабочие. А уж кто больше всех заботился о красноармейских семьях, семь-

ях фронтовиков? Все она, директор, Ариадна Николаевна Голяновская.

За каких-то 17 лет существования Ханты-Мансийского опорного пункта, с 1933 по 1950 годы, пройден путь от робких мыслей о возможности земледелия на севере до научного обоснования и создания собственной продовольственной базы для удовлетворения потребностей в продуктах питания Ханты-Мансийского округа, а по картофелю и овощам — и соседнего Ямало-Ненецкого, менее благоприятного в климатическом отношении...»

* * *

Пора заканчивать.

В феврале 2002 года меня пригласили в Ханты-Мансийск на празднование 70-летия окружного радио. Свидание с родным городом после долгой разлуки. Каким оно получилось?

Я со школьной поры стараюсь делать ежедневные записи. Это мобилизует и дисциплинирует. Десятилетия журналистской работы убедили меня в несомненной пользе такого занятия, хотя порой приходится действовать через силу и против желания. Зато вот теперь мне очень просто: раскрываю блокнот и смотрю, как оно все было в те два дня...

«26 февраля, вторник.

...Перелет на Як-40 длился 1 час 14 минут. Давненько не бывал я на своей родине!

Нас, небольшую делегацию из Тюмени, встретили, разместили в гостинице «Югра» в одноместных номерах, потом повезли в ГТРК «Югория», чей юбилей и предстояло отмечать. Среди радостно восклицающих и обнимающихся людей я чувствовал себя не совсем комфортно, так как на радио никогда не работал (только сотрудничал нештатно) и потому мало кого знал. Правда, мелькали и знакомые (увы, сильно изменившиеся) лица — например, Женя Куликова, она приехала с мужем из Ижевска, в Хантах не живет уже 12 лет.

Потом была экскурсия по городу на автобусе. Симпатичная девушка-гид несла милую, рассчитанную разве что на иностранцев, ахинею об истории Самарова, Остяко-Вогульска, Ханты-Мансийска. Я-то понимал, что якобы национальная легенда о богатыре, создавшем семь холмов, — не более чем обыкновенная байка позднего производства, сочиненная для красоты и наивных туристов. Столь же смешны были ее рассуждения о повсеместных обязательствах пирогов из муксуна, о лицензиях на стерлядь, по которым любой горожанин может очень быстро принести прямо вон оттуда, с реки, минимум «пять хвостов»... Родившийся здесь, когда, возможно, еще и родителей этой девчонки на свете не было, и проживший тут безвыездно тридцать

лет, я не встречал в ее пояснения, а прилежно слушал, ухмыляясь про себя.

В городе понаставлено много суперсовременных зданий, но какие-то они разностильные и ансамбля не создают. Тем более, что старых «деревяшек», по-моему, меньше не стало.

В 17.00 было торжество в культурно-спортивном комплексе. Вот тут знакомых наблюдалось побольше! А. Тарханов, Ю. Ахмадшин, А. Зубарев, В. Белобородов, М. Волдина, А. Глухих, А. Сенгепов, местные начальники — зам. губернатора округа С. Сарычев, председатель окружной Думы В. Сондыков, другие. Действо с приветствиями и награждениями юбиляров было хорошо продумано, получилось впечатляющим и остроумным.

В 19.00 — банкет в ресторане при знаменитом биатлонном центре, рядом с гостиницей «На семи холмах» — это буквально в двух шагах от того места, где наша семья жила в последние годы перед отъездом из Ханты-Мансийска в Тюмень. Банкет удался — с тостами, песнями, плясками...

27 февраля, среда.

Завершив с утра некоторые командировочные дела в «Югории», я отправился бродить по родному городу. Прежде всего, пошел, как обычно, на территорию опытной станции. Все изменилось; из старых зданий осталось, по сути, только два: совсем поникшая, заваленная

снегом контора ОПХ (теперь она отдана под убогого вида квартиры) да дом, в котором жила семья не то Титляновых, не то Корепановых — уж и не понять. Шагал в сторону бывшего конного двора — теперь это застроенный коттеджами переулок Южный, он упирается в лес, куда мы ходили за ягодами; вправо и влево проложены еще какие-то дороги, понаставлены вагончики, мастерские, склады из серых бетонных плит... А там рукой подать до места наших праздничных встреч — поросшего кедрами обрыва, с которого далеко-далеко в низине виден Иртыш.

До отъезда с Севера мы жили по улице Гагарина в доме № 136. Потом, видимо, нумерация менялась, дом получил новый номер, 148. Но его нет. Есть 146 и 150, а наш снесли — остались лишь высаженные когда-то мною и братьями три березки, теперь это уже мощные березы.

За 30 лет в Ханты-Мансийске я пожил в разных местах, в том числе и в поселке рыбокомбината. Пошел туда. Здесь когда-то дружно сосуществовали мои друзья и подруги, однокашники: русские, немцы, татары, калмыки, финны. Дом, а точнее барак, где жил Юрий Беликов, снесен. Другие явно завершают свой век, в том числе и тот, где ютилась наша семья (как хоть мы туда втискивались: барак делился на четыре части,

а каждая вмещала в себя две, а то и три семьи?!). Вон в том жили Александр Лейс, Петр Финк, рядом — Артур Бургардт, там — Володя и Нина Протопоповы, там — Надежда и Таисья Антоновы, а еще Лидия и Лев Ивановы, Анатолий Куберлинов, Трофим Сатаров, Таисья Ользетаева, Павел Бадмаев (однофамилец «опорновского» Анатолия Бадмаева)... Я делал фотографии на память — и здесь, и на опытной станции: думаю, когда вновь побываю в этом городе, старых строений уже не будет. Уйдет в небытие еще одна частица прошлого.

Вчера и сегодня разговаривал по телефону с Петром Финком — встретиться не удалось: и я закручен, и у него дела. Зато удалось вытащить в «Югру» Валентина Шиповалова. Зазвал его с собой в гостиничный ресторан, где мы поужинали большой компанией. Валентина (мы вместе учились в той же школе № 2, только он в параллельном классе) просто по ошибке не пригласили на праздник: он-то как раз на радио работал, прекрасно управляясь со старым, примитивным оборудованием. Плохо молодые организаторы помнят тех, кто закладывал ос-

новы их сегодняшнего процветания. Бог им судья.

Вечером мы вылетели в Тюмень. От взлета до посадки 1 час 24 минуты...»

* * *

Иногда я пытаюсь дать четкие и честные ответы на вопросы, которые периодически возникают как бы сами собой. Хорошо или плохо, что все так до неузнаваемости изменилось на опытной станции? Лучше или хуже стал город, превратившийся из тонувшего в зелени почти дачного поселения в урбанизированный участок земли, застроенный шикарными зданиями из стекла, металла и пластика? Могли ли иначе выстроить свои биографии те люди, которых я знал?

Не нахожу однозначных ответов...

И я думаю так: Время, оно не считается ни с нашими возвышенными устремлениями, ни с нашими мелкими прихотями. Оно течет себе и течет, неторопливо укладывая пеструю мозаику событий и судеб в уже не подлежащее исправлениям полотно Истории. И в этом, может быть, заключается главная мудрость Жизни.

Историк земли Сибирской

К 150-летию со дня рождения
Петра Никитича Буцинского

Все мы, русские люди, — дети наших предков, наша жизнь есть продукт их жизни, не зная жизни своих предков, мы не поймем и своей собственной, не поймем, как мы дошли до жизни такой.

Профессор П.Н. Буцинский

«Дойдя до жизни такой», обратилась к родословной и я, конечно же, в последний момент... Ушли из жизни мой дед Николай Дмитриевич Четвериков и его брат Феофан Дмитриевич, дети конца XIX века, вынужденные замалчивать прошлое... Ныне здравствует их самая младшая сестра Антонина Дмитриевна, отметившая летом 2002 года свое 92-летие. На склоне лет судьба привела ее в Харьков, город, сыгравший в истории нашего рода немалую роль. Благодаря ей стали известны многие имена и события давно минувших дней. «Два брата Буцинские жили в Харькове — профессор университета и адвокат. Бабушка — мама папы нашего — Буцинская, их сестра...», — утверждает Антонина Дмитриевна.

Поистине неоценимы данные журнала «Курские епархиальные ведомости», опублико-

вавшего, в частности, подробный материал о моем прапрадеде «Празднование пятидесятилетия служения в иерейском сане священника села Донецкой Семицы Тимского уезда о. Никиты Буцинского». Участник этого трогательного торжества, имевшего место 3 ноября 1896 года, в день приходского праздника — обновления храма великомученика Георгия в Лидде, — дает даже словесный портрет юбиляра: «маститый старец», «благообразный и совершенно убеленный сединами», «сравнительно бодрый телом и духом». Бог даст, найдется и фотография...

Сын сельского дьячка, о. Никита Стефанович Буцинский (Буцынский) смолоду проявил себя человеком незаурядным: в богословском классе Курской духовной семинарии обучался, между прочим, оспопрививанию, был «старшим» в среде

своих товарищей, учителем духовного училища, семинарию он окончил по I-му разряду со званием студента. Прослужив всю жизнь на двух невидных приходах, батюшка и в преклонном возрасте оставался выдающимся знатоком греческого и латинского языков, а уйдя по расстроенному здоровью за штат, продолжал исполнять почетную должность духовника своего благочиннического округа. Не к нему ли восходит в нашем роду преподавательская династия, склонность к гуманитарным наукам, активное долголетие?

Как свидетельствуют даже официальные источники, о. Никита был «достатка по многосемейности бедного», к тому же рано овдовел. «Но он не пал духом, свято выполнял свой нравственный долг, с истинно отеческой любовью заботился о счастье своих детей...». И дети не посрамили чести отца. Его дочь, моя прапрабабушка Пелагея Никитична, стала женой и матерью шестерых детей достойного человека — псаломщика Ивана Николаевича Четверикова, взявшего на себя после скоропостижной смерти отца-священника заботу о младших братьях и сестрах и оставившего по этой причине духовную семинарию. Свой долгий век она закончила в кухне, куда при коллективизации ее с дочерью переселили власти, реквизировавшие дом.

П. Н. Бужинский

Два ее брата по окончании духовной семинарии прошли высшую школу наук (в те времена, когда высшее образование считалось чуть не роскошью!) и «сами сделались представителями науки, занимая почетные места». Старший сын о. Никиты Николай Никитич, статский советник, преподавал латинский и немецкий языки в Полтавской духовной семинарии; второй, Петр Никитич, был доктором русской истории, профессором Императорского Харьковского университета. Оба они, прозвучало на юбилее их отца, «имели в себе доброе и истинно христианское направление». Третий сын, Дмитрий Никитич, умерший в шестом классе семинарии, в свое время являлся, по отзыву его

соученика, одним из лучших ее воспитанников по своему образованию и нравственным качествам вообще. «Полвека службы есть подвиг, — писал в поздравлении отцу Николай Никитич. — Дай Бог, чтобы имя Ваше и труды сохранились в памяти потомства!». Молитва сия услышана.

В нынешнем 2003 году исполняется 150 лет со дня рождения Петра Никитича Буцинского (1853—1916), научная биография которого тесно связана с Сибирью. Настанет черед и подробного его жизнеописания, пока же попытаемся дать некоторые наброски.

Приблизительно в 1904 году ученый составил автобиографический очерк, вошедший в книгу «Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905)» (Харьков, 1908); там же есть и его фотопортрет, публикуемый нами. За скупыми строками этого самоотчета виден нелегкий путь Петра Никитича на научно-педагогическом поприще, которому он посвятил свою жизнь.

«Буцинский Петр Никитич, сын священника Курской губернии Тимского уезда села Донецкой Сеймицы, родился в 1853 году. Первоначальное образование получил в Обоянском духовном училище, среднее — в Белгородской духовной семинарии и высшее — в

Харьковском университете на историко-филологическом факультете. По окончании курса в 1879 году оставлен стипендиатом для приготовления к профессорской кафедре по русской истории. Руководителями его занятий были профессора В.К. Надлер и М.Н. Петров. В 1881 г. он держал магистерский экзамен по предметам русской истории, всеобщей истории и политической экономии; факультет единогласно признал экзамен удовлетворительным, и он получил звание магистранта русской истории. В том же году факультет единогласно постановил командировать его в Москву для научных занятий в тамошних книгохранилищах и архивах. Плодом этих занятий, между прочим, было его сочинение «О Богдане Хмельницком». Историки, специалисты по предмету истории Малороссии, отозвались очень сочувственно об этой книге (см. подробно лестную о ней рецензию Н.И. Костомарова в «Южном крае» за 1882 г., № 693 и рецензию проф. Антоновича в «Киев. стар.» за 1883 г., январь). Иное отношение встретила его книга в историко-филологическом факультете Харьковского университета, куда он представил ее в качестве магистерской диссертации. Несмотря на лестные отзывы о ней профессоров-историков Надлера и Петрова, представители других ка-

федр составили противное большинство в один голос и не допустили ее к публичной защите. Зато историко-филологический факультет университета св. Владимира признал его сочинение «О Богдане Хмельницком» достойным истомой степени и после публичной защиты удостоил его ученой степени магистра, а в заседании 13 мая 1883 г. утверждён в этой степени и советом университета.

В конце мая того же года он читал в Харьковском университете две пробные лекции, которые признаны удовлетворительными. По предложению профессора В.К. Надлера избран был доцентом по кафедре русской истории в заседании совета 9 февраля 1884 года. Предложением г. министра народного просвещения от 20 февраля 1885 года поручено ему исполнение вакантной профессорской должности по кафедре русской истории в Харьковском университете. Первый курс его чтений студентам историко-филологического факультета состоялся в «Обзрении состояния России в конце XVII века», а затем чтения его относились к предмету новой русской истории от Федора Алексеевича до Николая I включительно. Кроме того, в разное время он читал специальные курсы о местничестве и о завоевании и заселении Сибири. Из метаграфических курсов он исправил

«Историю России от Федора и до вступления на престол Елизаветы Петровны», читан в 1886 и 1887 гг.

Преподавательскую деятельность в учебных заведениях он начал в Харьковском реальном училище с 1880 г., преподавая там историю и географию; затем те же предметы преподавал в разное время во второй женской гимназии, в пансионах Драшковской, Филипп и проф. Ковальского.

Участие в печати он начал принимать еще будучи студентом, печатая разные статьи и заметки в «Харьковских ведомостях». Из них «отчет о магистерском диспуте В.П. Даневского», напечатанный в № 100 за 1879 г. под инициалами П.Б., и «Университетская библиотека», напечатанная в № 76 под инициалами Т.К.Ц., обратили внимание профессоров университета и впоследствии, когда были раскрыты эти инициалы, создали ему много неприятностей. С 1882 года он сотрудничал в «Южном крае». Из исторических статей в той газете было напечатано две: «Об измене Богдана Хмельницкого» (1882 г., № 613) и «Мазепа», историческая монография Н.И. Костомарова, Москва, 1883 г. (1883, январь).

С 1884 года он начал собирать материал для докторской диссертации на тему о заселении Сибири. С этой целью ему пришлось в свободное время от

преподавательской деятельности ездить в Москву для занятий в архивах Министерства иностранных дел и Министерства юстиции. Плодом этих занятий было его сочинение «Заселение Сибири и быт первых ее насельников», вышедшее в свет в 1889 году. В следующем году после публичной защиты университет св. Владимира удостоил его высшей ученой степени — доктора русской истории. То же сочинение на основании рецензии известного Пыпина Академией наук увенчано премией Сибирякова (1500 руб.).

В 1890 году он назначен экстраординарным профессором по кафедре русской истории, а в 1893 году — ординарным профессором по той же кафедре».

От себя добавим следующее. Будущий историк родился в бытность его отца священником Крестовоздвиженской церкви села Никольского Шигровского уезда Курской губернии. В 1858 г. о. Никита был перемещен к Георгиевской церкви села Донецкая Семица, Горки тож (ныне Горка) Тимского уезда, которое насчитывало в те времена менее 60 дворов; большая часть его многотрудного пастырского служения связана именно с этим приходом.

Петр Никитич окончил духовную семинарию в Белгороде (официально именовавшуюся Курской) в 1875 году по

1-му разряду со званием студента четвертым учеником. Бедность тогдашних семинаристов общеизвестна. Подобно многим своим товарищам, Петр Буцинский попал в 1872 г. в «список учеников Курской семинарии, не имеющих теплой одежды», опубликованный с целью «пригласить родителей позаботиться о снабжении детей своих теплою и исправною одеждою и обувью» для предупреждения заболеваний.

Избранный Петром Никитичем Харьковский университет был ближайшим к родным местам... Одним из ранних научных трудов П.Н. явился «Разбор предания о дружбе и переписке ап. Павла с Сенекою», отмеченный в 1877 г. в числе лучших студенческих работ. После того как диссертация «О Богдане Хмельницком» рассматривалась в факультете (21 января 1883 г.), по заявлению декана дело перенесли в совет «ввиду некоторой необычности решения дела, выразившейся в том, что большинство решило его против мнений специалистов и ввиду отсюда вытекающих недоразумений». Факультет решил ходатайствовать о немедленном напечатании всех мнений и отзывов об этом труде, что, однако, осталось неосуществленным по неизвестным причинам. Обе свои диссертации — магистерскую и докторскую — Буцинский публично защитил в Киеве, в уни-

верситете св. Владимира. Большими спорами сопровождалось в факультете и получение им звания доцента: заполнение штатных вакансий кафедры русской истории Харьковского университета происходило в условиях противостояния между консервативной профессурой (поддерживавшей кандидатуру П.Н. Буцинского, убежденного монархиста) и либералами (отдававшими предпочтение историку В.И. Семевскому).

Зато исследования П.Н. Буцинского по истории Сибири снискали в ученом мире единодушное признание. В трудные 1920-е годы имя его помогло сохранить для науки «Сибирская советская энциклопедия». Поистине памятником ученому стало переиздание основных его сочинений с современными комментариями, осуществленное в 1999 и 2003 гг. тюменским издательством Ю. Мандрики. (Добавим кстати, что на 1-е издание монографии «Заселение Сибири...», осуществленное на средства Харьковского университета, в 1888 г. было ассигновано 276 рублей 32 копейки...). В эту «Сибириаду», ныне вновь доступную читателям, хотелось бы полноты ради внести доклад 1903 г. «Предприимчивость русского человека» — о подвигах русских торговых и промышленных людей в Сибири, откуда и взят эпиграф для нашей статьи.

Кроме вышеназванных трудов, Петр Никитич явился ав-

тором целого ряда статей по истории России императорского периода и по всеобщей истории. С начала 1900-х годов он активно сотрудничал в харьковском журнале «Мирный труд», где были опубликованы, в частности, его злободневные заметки о Государственной Думе «Забывтые уроки истории» (1907, № 1) и в ознаменование 50-летия со дня упразднения в России крепостного права подробный очерк «Освобождение крепостного крестьянства» (1911, № 2). Редакция журнала, «признавая мирный труд единственным средством для осуществления столь необходимых общественных преобразований», ставила своей задачей прежде всего «посильное содействие пробуждению чуждого всякой нетерпимости русского национального самосознания». Постоянными сотрудниками «Мирного труда» была группа профессоров — инициаторов и главных деятелей Харьковского отдела Русского Собрания — организации, усматривавшей «в сознательном служении творческим началам Православия, Самодержавия и Народности основу благоденствия и развития России, залог избавления от внешних и внутренних опасностей». Вклад Петра Никитича в учреждение (в 1902 г.) и деятельность Харьковского отдела Русского Собрания были весьма значительными. Надо ли говорить, как раздражало это монархическое «течение

встречное *против течения*» и персонально его представители некоторых коллег по университету, впоследствии сотрудничавших с революционной властью, и «советских историков», пришедших им на смену? И по сей день из Харькова доносятся отголоски раздражения против профессора П.Н. Буцинского одновременно с признанием его таланта ученого (см. Вестник Харьковского университета. Вып 24 (№ 357). 1991. С. 30—33).

Петр Никитич Буцинский навсегда остался в Российской империи... По премудрому Божию усмотрению всякий умирает своевременно... Его заслуги перед Отечеством отмечены и официальным признанием — званием заслуженного профессора (1911), чином действительного статского советника, и благодарной памятью многих десятков поколений учеников, и читательским интересом в наши дни... Последние четыре года жизни Петр Никитич тяжело болел, в 1912 г. вышел за штат за выслугою 30 лет и в 1913 г. уволился из университета по прошению. Скончался он 31 октября 1916 года в слободе Мерефа, что в 25 верстах от Харькова, и был погребен на местном кладбище.

Газета «Южный край», где П.Н. Буцинский сотрудничал в течение нескольких десятиле-

тий, опубликовала извещение о его смерти от имени жены, ректора университета и проникновенное слово профессора Е.П. Трифильева (1867—1925), его ученика: «Петр Никитич был человеком редких душевных качеств, прямой, даже резкий в своих отношениях к людям, иногда не скрывавший своих убеждений, как бы они ни шли вразрез иногда с существовавшими обстоятельствами, но всегда их высказывавший с такой прямою и искренностью, что невольно подкупал даже людей противоположного образа мыслей и заставлял их уважать эти убеждения.

Сам неспособный ни на малейшую кривизну по отношению к другим, Петр Никитич и по отношению к себе никогда не подозревал ее со стороны других, отсюда его доверчивость к окружающим, за которую ему нередко приходилось дорого платиться.

Сердце у него было золотое: доброе, отзывчивое на людскую беду, всегда готовое откликнуться, помочь, чем можно.

Вот почему общение с ним, на почве ли научных интересов или в области общественных вопросов, или, наконец, в личных отношениях, доставляло всегда высокое душевное наслаждение».

Буди вечная ему память.

Москва.

Предприимчивость русского человека¹

М.Г.*

Русское Собрание, гласит 1-я статья его устава, имеет целью содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь истонных творческих начал и бытовых особенностей русского народа.

Но, спрашивается, для чего это нужно? Ответ один — чтобы вести сознательную жизнь. Настоящее каждого народа так тесно связано с его прошлым, что нельзя понимать современную жизнь, не зная прошлой, и каждый гражданин отечества, чтобы сознательно жить, должен быть знаком с отечественною историей, раскрывающей народную душу. Политика, законодательство, нравы и обычаи, религиозные, нравственные и общественные понятия и свойства народа в данный момент его жизни — все это является продуктом народной истории. Все мы — русские люди — дети на-

ших предков, наша жизнь есть продукт их жизни; не зная жизни своих предков, мы не поймем и своей собственной, не поймем, как мы дошли до жизни такой. В России есть люди, которых наше законодательство относит к классу «непомнящих родства». Это самые несчастные люди, и именно потому, что они не помнят своего родства. Так и несчастен каждый народ в данное время, если он не знает своего исторического родства! Конечно, каждый русский человек инстинктивно чувствует это родство, но одного инстинктивного чувства слишком недостаточно, чтобы вести сознательную жизнь гражданина отечества: нужно еще знать свою историю.

Членам Русского Собрания, преследующим известные задачи, особенно необходимо хорошо познакомиться с русской историей, ибо в ней-то они обретут силы и средства для борьбы с космополитизмом: только

¹ Доклад, прочитанный 10 декабря 1903 года в Харьковском отделе Русского Собрания, несколько расширен автором для «Мирного труда».

* Печатается по: Буцинский П.Н. Предприимчивость русского человека // Мирный труд. 1904. №2. С. 140—155.

история даст основание и поддержку их националистическим убеждениям. Вот почему темы для своих докладов гг. членам Русского Собрания я буду избирать исключительно из области отечественной истории.

Всем нам не раз приходилось слышать и читать, что русский торговый человек не предприимчив, не способен к широким коммерческим предприятиям, что в торговых его делах наблюдается особая косность, консерватизм, отсутствие инициативы, боязнь новшеств и проч., и проч.

Справедливы ли эти упреки?

Если да, то упомянутые отрицательные черты являются ли исконными национальными свойствами русского народа, как преимущественно земледельческого, или же они суть только продукт ненормальных условий жизни торгового класса в позднейшие исторические времена, свидетельствуют только об упадочности духа?

Представим себе русского историка, почему-нибудь не наблюдающего современную жизнь, но хорошо знающего историю своего народа, и выскажем ему свои нынешние сетования на непредприимчивость, косность русских людей. Что он ответил бы нам на это? Он был бы, несомненно, поражен и изумлен; он не поверил бы нам — настолько подобные жалобы, сетования противоречили бы его сложившимся историческим взглядам на предприимчивость

русского человека. Да, история показывает совсем не то!

Сделаем небольшой экскурс в былые исторические времена жизни русского народа, когда русский человек в своих предприятиях не был руководим ни наукою, ни правительством, ни другою какою-нибудь указкою; когда он жил только своим умом-разумом, жил и действовал только сообразно потребностям своей духовной природы. Такие времена особенно интересны в том отношении, что они-то преимущественно и дают нам исторический материал для характеристики расовых свойств того или другого народа.

Обратим внимание на подвиги русских торговых и промышленных людей в Сибири и посмотрим, о чем они свидетельствуют.

Нас удивляют отдаленные и смелые плаванья финикийян, пробиравшихся даже в Балтийское море; мы поражаемся подвигами Колумба и Васко-де-Гама или разных Кортесов и Пизарро в Южной Америке, а между тем, если сравнить эти подвиги с предприятиями русских людей на континенте Сибири и на Ледовитом океане, то это сравнение скорее будет в пользу наших соотечественников.

Мы не можем определенно сказать, когда русские люди впервые проникли в Сибирь, но некоторые исторические данные заставляют нас думать, что новгородцы еще в XI веке из устьев

рек Двины, Мезени и Печоры выплывали в Белое и Карское моря и чрез полуостров Ялмал по рекам Мутной и Зеленой пробирались в устья Оби и Таза². Постоянны или редки и случайны были эти необыкновенно смелые морские экскурсии жителей Севера, мы не знаем. Но в начале XVII века этот морской путь в Сибирь уже назывался «старою дорогою». Вероятно, такую же старою дорогою была и другая, которая шла от Карского моря не через Ялмал, а мимо этого полуострова в Ледовитый океан и оттуда в устье реки Енисея³.

Легко говорить и писать о подобных плаваниях, но чрезвычайно трудно было их совершать! Англичане и голландцы в конце XVI и в начале XVII веков снаряжали несколько экспедиций в Ледовитый океан, чтобы чрез него мимо берегов Сибири открыть новый путь в Индию; но далее Карского моря им не удалось пробраться. Между тем, во главе некоторых из них стояли такие знаменитые мореплаватели, как Баренц (1594 г.) и Гудзон (1608 г.); к тому же в распоряжении этих опытных моряков были прекрасно снаряженные корабли со всеми принадлежностями, необходимыми для таких смелых предприятий.

Эти попытки прошли почти бесследно для географии этих мест. Они имели только один и в высшей степени грустный результат для русских людей: царь Михаил Федорович, узнав об этих экспедициях, запретил и русским промышленникам пользоваться морской дорогою в Сибирь из опасения, чтобы иностранцы при помощи русских мореплавателей не проникли в эту страну и не завладели торговлею сибирским пушным товаром.

Известный ученый Лерберг, имея в виду упомянутые попытки голландцев и англичан в XVI и XVII вв. пробраться в Северный океан чрез Карское море, замечает: «Каких трудов и несчастий избавились бы голландские и английские мореплаватели, отыскивая северо-восточный путь в Индию, если б могли пользоваться гидрографическими познаниями, которые в Великом Новгороде известны были за несколько сот лет до того».

Несомненно! Русские промышленники, выплывая из Белого моря или из устьев реки Мезени и Печоры, уже давно бороздили Ледовитый океан в разных направлениях; им хорошо были известны Новая Земля и другие острова на этом океане; еще задолго до откры-

² См. наше соч. «Мангазея и Манг. уезд», стр. 4 и далее.

³ «...а другая дорога с моря в енисейское устье большими судами», говорили промышленные люди в 1616 году тобольскому воеводе Куракину. Известный мореплаватель Врангель замечает, что «русские плавали из Белого моря в Енисей».

тия датчанами Шпицбергена русские мореплаватели посещали этот остров, а ведь Шпицберген, известный русским в XVI веке под именем Груманта, находится между 78° и 80° сев. широты.

И удивительнее всего то, что наши соотечественники совершали подобные отдаленные морские плавания на судах, кое-как сколоченных из бревен, без компаса в руках и не имея понятия об управлении парусами против ветра!

Со времени завоевания царства Кучума русской предприимчивости открылся широкий простор на обширной территории Сибири, на океанах Ледовитом и Тихом. Следя за предприятиями русских казаков, торговых и промышленных людей, русский историк не может не поражаться их энергией, смелостью, терпением, выносливостью, настойчивостью, доходящею до упорства, умением ориентироваться среди незнакомой и дикой местности, способностью скоро и легко изучать инородческие языки и уживаться с людьми иного происхождения, иных вер, нравов и обычаев; не может вообще не изумляться предприимчивости наших предков. Описывать их подвиги — это значит рассказывать чудеса. В самом деле: разве это не чудо, что русские люди в какие-нибудь 50—60 лет после знаменитого похода Ермака проникли от Урала до Охотского моря, от устьев Оби, Енисея,

Лены и Колымы до Амура. И не бесследно наши соотечественники прошли в такое короткое время громаднейшее пространство Сибири: их походы сопровождалась постройкой острожков, положивших начало нынешним сибирским городам, основанием сел и деревень, распространением христианской веры и подчинением туземцев Белому Царю. Это движение вперед совершалось казаками, торговыми и промышленными людьми по собственной инициативе, без какой бы то ни было указки и большею частью без всякой поддержки со стороны правительства: разные партии всегда шли впереди на сотни верст от тех мест, где действовала правительственная власть; они пролагали дороги, отыскивали дороги, отыскивали инородцев, заводили с ними торговлю и даже налажали на них ясак от имени Белого Царя, и затем уже, иногда чрез десятки лет, появлялись на новых местах правительственные острожки и зимовья.

Пред подвигами русских людей на сибирском континенте бледнеют предприятия в Америке разных Кортесов и Пизарро, если мы возьмем во внимание природу, среди которой пришлось действовать русским в Сибири и испанцам в Америке, и средства, которые имели те и другие.

Не следует забывать, что испанцы явились в Южную Америку вооруженными с ног до

головы; им пришлось действовать в стране какао и ванили, на полях и лугах, цветущих круглый год, где во всякое время и без всякого труда пришельцы могли утолить голод и жажду. Ничего подобного не могли встретить наши герои в холодной Сибири: их тысячеверстные походы сопровождались такими препятствиями и лишениями, о которых без ужаса невозможно и вспомнить. Упомянем здесь, например, о походах на Амур Пояркова и Хабарова.

Едва разнесся слух о существовании какой-то большой реки и впадающей в какое-то море, как в Якутске составила экспедиция из 130 человек, преимущественно промышленников, под начальством письменного головы Василия Пояркова, чтоб пробраться на эту реку. Летом 1643 г., забравши с собой военных и съестных припасов, экспедиция двинулась вперед на лодках по реке Алдану; через два с половиною месяца Поярков мог достигнуть только половины р. Гономы. Был уже сентябрь, начались уже вьюги и морозы, пришлось выйти из реки и остановиться на зимовку. Закипела работа, нарубили лесу и построили острожек. Но желание поскорее увидеть Амур настолько было сильно у Пояркова, что он решил предпринять зимнюю экспедицию. Оставив 40 человек в острожке, забрав на построенные нарты (небольшие сани) разных при-

пасов и запрягши в них промышленников, Поярков во главе 90 человек направился вверх по реке Гономе. Затем перешел на реку Нуемку и добрался до ее верховьев. Но тут явилось, по видимому, непреодолимое препятствие — пред глазами высился Становой хребет, покрытый лесом, снегом и камнями; ни дорог, ни тропинок не было видно! Между тем, зима была в полном разгаре, зима сибирская, со страшными морозами, вьюгами и метелями. Пуститься вперед через дикие горы, по совершенно незнакомой местности, в такое жестокое время года, согласитесь, что нужно иметь слишком много отваги, силы и энергии! Тем не менее, наши богатыри, настойчивости и предприимчивости которых почти не было пределов, не остановились на зимовку, а решились продолжать путь вперед; подниматься на высоты по снежным сугробам и в то же время тащить за собой нарты с припасами — подвиг неимоверный! Пробродивши несколько зимних месяцев в горах, Поярков со своими спутниками к весне 1664 года перевалил Становой хребет и наконец вошел в долину реки Брянды. Здесь путешественники построили суда, забрали на них припасы и поплыли вниз по этой реке, а из нее вошли в реку Зею, впадающую в Амур. При устье реки Умликан Поярков решил остановиться, чтобы пополнить уже слишком истощен-

ные съестные припасы. С этой целью он отрядил 50 человек под начальством Петрова к низовьям реки Зеи, к тамошним жителям дучерам. Но эти фуражиры возвратились с пустыми руками, потеряв еще в борьбе с туземцами десять человек. Между тем, в лагере начался голод, 40 человек погибли голодной смертью, а оставшиеся в живых поддерживали свою жизнь, питаясь трупами своих товарищей. Наверное, они все погибли бы от голода, если б отряд с реки Гonomy не настиг этих страдальцев и не привез им съестных припасов. После соединения с отрядом Поярков немедленно поплыл по реке Зее и наконец достигнул давно ожидаемого Амура. В глубокую осень 1644 г., после полуторугодового похода, экспедиция в числе 55 человек добралась до устьев этой реки. Здесь Поярков остановился на зимовку в земле гиляков. Все лето следующего 1645 года Поярков с своими товарищами плывал по Охотскому морю, и только наступающая зима заставила его высадиться в устьях р. Ульи, в земле тунгусов. Здесь он построил острожек, во время зимовки собрал ясак с туземцев и заставил последних признать над собою власть Белого Царя. Весною 1646 г., оставив в острожке 20 человек, Поярков с остальными товарищами двинулся вверх по Улье, перешел волок и спустился в долину р. Маии. Построив здесь суда,

Поярков поплыл вниз по этой реке, затем вошел в р. Алдан и, наконец, после трехлетнего тяжелого похода прибыл в Якутск; из 130 человек экспедиции осталось в живых около 45, а остальные погибли от голода, холода и оружия инородцев.

Не менее замечательно и предприятие Хабарова, уроженца Соли-Вычегодской. Прибывши на реку Лену для промыслов, он около острожка Усть-Кут завел соляную варницу, а по р. Киренге хлебопашество. Дела шли хорошо, и Хабаров, как видно, имел прекрасный заработок. Казалось бы, чего еще нужно? Но зуд отваги и предприимчивости не давал ему покоя! Прослышав о богатствах реки Амура и о легкой возможности подчинить тамошних обитателей под власть «Российской державы», Хабаров решился снарядить туда экспедицию на свой счет. Он кликнул клич, и скоро под его знаменем собралось 80 человек охочих и промышленных людей. Якутский воевода, которому Хабаров обнаружил свой план, отнесся одобрительно и даже прикомандировал к его отряду 20 казаков. Узнав о трудности пути, которым шел Поярков, Хабаров избрал по указанию русских промышленников другой, более легкий и короткий — по рекам Олекме, Тугиру и Урке, впадающей в Амур. Первый его поход был ознаменован захватом даурской крепости Албазина. Отсюда Хабаров начал знакомиться с

Амуром и скоро убедился в богатствах этой великой реки. Но вместе с тем он увидел, что покорить тамошних туземцев с теми силами, которые он имел, невозможно. Поэтому, оставив в Албазине свой отряд, Хабаров начал предпринимать экспедиции вверх и вниз по Амуру; его везде сопровождали удачи: около устья р. Камары он разгромил дауров и взял их Гугударев городок, а ниже устья реки Зеи покорил крепость Толзингород. После этих успехов хабаровская экспедиция свободно пробралась на устье р. Усури и там в земле ачанцев остановилась на зиму 1652 г. Но едва наши удальцы построили здесь острожек, как на него напали дучары и ачанцы, чтобы прогнать непрошенных гостей. Несмотря на численное превосходство врагов, Хабаров успешно отразил нападение. Но весной 1652 г. хабаровской экспедиции угрожала страшная опасность: на русский острожек напала манджурская армия в составе более 2000 воинов и имевшая с собой 6 пушек, 30 фузей и 12 пинарт для взрыва стен порохов. Между тем, Хабаров мог противопоставить этой армии не более 200 человек, вооруженных только ружьями и топорами. Однако наши удальцы не думали сдаваться, а решили биться до последней капли крови. Скоро манджурам удалось сделать пролом в острожке, здесь закипел отчаянный бой, но неприятель был отбит. Этот первый успех на-

столько ободрил Хабарова, что он вывел свой отряд в поле, смело напал на манджурскую армию и разгромил ее наголову: 2 пушки, 17 фузей, 8 знамен и 830 коней достались в добычу победителей; неприятель в этой битве потерял около 700 воинов, а у русских пало только 10 человек. После такой победы Хабаров уже не встречал препятствий в своих экспедициях по Амуру: туземцы спешили нести ему ясак и признавать над собою власть Белого Царя; то там, то в другом месте появились царские острожки и вместе с Албазиным в продолжение сорока лет были опорой русского владычества на средней части Амура.

Имя этого славного промышленника увековечено в названии города на Амуре «Хабаровск».

Такими-то удальцами и распространилось в короткое время русское владычество от Урала до Охотского моря, от северных берегов Сибири до Амура. «К чести наших соотечественников, — справедливо замечает Врангель, — прибавить можно, что жадность корысти, побуждая их на отважные предприятия, не ознаменовалась бесчеловечными поступками, как ненасытная алчность к золоту испанцев в Перу и Мексике».

И действительно, едва только инородцы соглашались платить ясак и не трогать русских промышленников на их промыслах, как устанавливался, за ред-

кими исключениями, полный мир между победителями и побежденными. Русские промышленники и мелкими отрядами, и даже по одиночке жили по нескольку лет в инородческих юртах, вместе с инородцами пили, ели и спали, прививали им русские нравы и обычаи и распространяли между ними христианство. От подчинения Белому Царю инородцы не только ничего не проигрывали, а, напротив, под сенью этой власти у них устанавливались спокойствие и порядок. В царских указах воеводам всегда предписывалось собирать ясак с инородцев «ласкою, а не жесточью», а при столкновениях с русскими преимущественно брать сторону не своих, а чужих. Такая политика много способствовала обрусению не только туземцев, но и других инородных элементов, как поляков, литовцев и черкес, попадавших в Сибирь в качестве пленных. «Они, — говорит историк Андриевич, — делались русскими сибирского типа весьма скоро, так что уже во второй половине XVII в. слились в общем типе служилых. Склонность к обрусению проявлялась и в среде татар: тарских, тобольских и томских». Но самым могущественным фактором в деле обрусения инородных элементов, несомненно, являлись нравственные свойства русских людей. Ал. Марков, давно плававший по восточным берегам Сибири и в Тихом океане по бере-

гам Америки, свидетельствует: «Русские в тех краях пользуются особенным уважением, по сравнению с другими иностранцами, за свое ласковое обращение с туземцами; *имя русского в отдаленных пределах Восточного океана служит эмблемою добродушия, приветливости, сметливости и находчивости*».

Но предприимчивости тогдашнего русского человека оказалось мало обширнейшего сибирского континента. В то время как одни отряды служилых, промышленных и охочих людей бороздили в разных направлениях Сибирь, другие из устьев сибирских рек Енисея, Лены, Колымы и проч. предпринимали одну за другою полярные экспедиции, смело выплывали на Ледовитый океан, открывали на нем острова и занимались там промыслами.

К сожалению, эти мореходы не оставили нам подробных описаний своих полярных экспедиций, и потому мы не можем нарисовать полной картины таких отважных предприятий. Вот почему о них скоро и забыли. Известный Пыпин совершенно справедливо говорит, что «замечательные открытия русских людей XVII века приходилось делать вновь в XVIII; приходилось во второй раз открывать Берингов пролив».

Об этих морских экспедициях мы узнаем только по грамотам царю, заключающим в себе просьбы и жалобы море-

ходов. Но и эти краткие известия говорят нам слишком многое о предприимчивости тогдашнего русского человека.

«Поговоря с товарищами, да помолясь Богу, государь, — пишут эти мореходы, — мы поплыли...». Куда же и на чем? В Ледовитый океан и на своих утлых ладьях — необыкновенная смелость! Нам кажется, что у самого Нансена поднялись бы волосы дыбом при одной только мысли совершить подобную прогулку! Кочи наших мореходов ничем не напоминают его знаменитое судно «Фрам». Ведь достаточно было одной ничтожной льдины, чтобы превратить эти «суденышки» в щепы. И действительно, как показывают исторические документы, русские люди во время этих смелых экспедиций погибали целыми партиями в 50 и 100 человек, но это, однако, не останавливало других: составлялись новые партии, шли по следам своих предшественников и делали новые и новые открытия на страшном Ледовитом океане. А какие лишения они испытывали во время этих предприятий? По целому году не видали огня и хлеба, питались травой, сосною, кореньями и даже трупами диких зверей или, как выражаются челобитчики, «всякую скверну принимали и души свои сквернили».

Один торговый человек, двинянин Кондрашко Куркин, рассказывал тобольским воеводам.

В 1610 г. был он с товарищами своими в Турухане, и там они сговорились из устьев Енисея проникнуть в Ледовитый океан, а оттуда в реку Пясиду на промысел. Сказано — сделано! На кочах они поплыли вниз по Енисею и чрез четыре недели плаванья достигли енисейского устья. Но последнее оказалось заросшим ледяными горами в толщину саженой по тридцати и больше, и проехать в море было невозможно, тем более что ветер дул северный и не попутный. Ввиду таких препятствий, казалось бы, следовало оставить попытку пробраться из Енисея в Ледовитый океан и возвратиться назад; к тому же в Пясиду была известна другая, сухопутная дорога, и ею уже пользовались промышленники. Но русский человек был настойчив и упорно преследовал намеченную цель: «авось» подует ветер и сможет выплыть в море. Рассчитывая на «авось», промышленники решились дожидаться благоприятного случая.

Ждут неделю, другую, третью и, просидевши в устьях Енисея целых пять недель, они хотели было уже плыть назад. «Да как потянул полуденный ветер, — рассказывал Куркин, — и тем ветром лед из устья отнесло в море одним днем». И так, терпение русского человека победило, казалось, непреодолимое препятствие.

Когда устье Енисея очистилось, наши промышленники

выехали в море, взяли курс на восток и через два дня плаванья благополучно добрались до устьев реки, Пясиды.

Наконец полярная экспедиция русских людей увенчалась грандиозным подвигом казака Семена Иванова Дежнева, открывшего в половине XVII века пролив, отделяющий Азию от Америки, который впоследствии совершенно неправильно окрещен именем Беринга.

В 1648 году составилось товарищество из промышленников с целью открытия реки Анадыри, о богатстве которой моржовой костью уже давно ходили слухи среди промышленных людей. В июне этого года шесть кочей, на которых было 90 человек во главе промышленника Федота Алексева и казаков Семена Дежнева и Герасима Акундинова, выплыли из устьев реки Колымы в Ледовитый океан. Взяв курс на восток, наши отважные мореходы поплыли вдоль северо-восточных берегов Сибири. Неизвестно, где и когда, но четыре коча отделились от остальных, и судьба их осталась неизвестною, впрочем, впоследствии ходили слухи, что они бурей были занесены на американский материк. Во второй половине сентября два коча — дежневский и Алексева с Акундиновым уже проплыли пролив, разделяющий Азию от Америки, и вступили в Восточный океан, нисколько не подозревая о величии разрешенной

ими географической задачи. Однако совместное плавание этих кочей продолжалось недолго: в конце сентября начались сильные бури на океане, которые и разлучили Дежнева с Алексеевым и Акундиновым.

«Разлучась с товарищами, — повествует Н.Н. Оглоблин, — Дежнев очутился в очень опасном положении: бури продолжались по-прежнему, а слабый коч, много потерпевший от длинных переходов, отказывался дальше служить. Рискованное положение Дежнева сделалось почти безнадежным особенно «после Покрова Богородицы», когда его коч носился по морю «всюду неволею». Долго ли это продолжалось — неизвестно, но в конце концов коч выбросило на берег в передний конец, за Анадырь реку... в расстоянии «ровно десять недель пути от низовьев ее».

Точно обозначить место, где Дежнев высадился с товарищами, мы не можем, но, несомненно, далеко южнее устья реки Анадыри. Значит, Дежнев с товарищами за целых 80 лет до Беринга разрешил ту великую географическую задачу, которая долгое время занимала европейских географов. Таким образом, честь первого открытия пролива, отделяющего Азию от Америки, принадлежит простым и неученым русским людям, и именем Дежнева, как главы упомянутой экспедиции, и должен быть назван этот пролив, а не именем Берин-

га, который, кстати сказать, сам и не претендовал на такое открытие, и не мог претендовать, потому что его экспедиция проплыла только часть этого пролива, и что-нибудь определенное сказать о разделении материков азиатского и американского она не имела никакого основания.

Насколько грандиозен подвиг Дежнева и даже невероятен, можно судить по тому, что историк Словцов, которого можно назвать сибирским патриотом, не верит рассказу этого казака о морском плавании и говорит, что он в своих отписках «бахвалит с дерзостью». Он не верит, чтоб Дежнев на своем плохом суденышке с неопытной командой, очень мало знакомою с морем, мог пройти тяжелый и неизвестный путь почти в 2000 верст.

«Да, — возражает ему Н. Оглоблин, — нельзя не сознаться, что подвиг Дежнева чересчур велик, и удивительно, конечно, что совершение его выпало на долю *единого от малых сих*, а не на долю сильных опытом и знаниями...».

На самом деле Дежнев не только «не бахвалит с дерзостью», как говорит Словцов, а в своих отписках в высшей степени кратко и скромно говорит о своем морском плавании. Он не понимал значения своего подвига и говорит о нем только потому, что онный привел его на реку Анадырь. Дежнев даже не упоминает о своем открытии пролива,

отделяющего Азию от Америки, а старается только доказать, что он первый открыл реку Анадырь и мели в Анадырской губе, богатые моржовою костью; вся суть в его отписках в этих костях, а не в открытии пролива.

Теперь, после документов, обнародованных Оглоблиным, уже никто не может сомневаться в этом открытии. К этому еще нужно добавить, что и самый поход дежневской экспедиции от места высадки на север к реке Анадырь, продолжавшийся десять недель, представляет тоже подвиг, достойный удивления.

«Этот путь, — повествует Н. Оглоблин, — по гористой неизвестной местности, без проводников, при начавшихся снегах и морозах, пройден русскими с невероятными лишениями: шли эти несчастные 25 человек «холодны и голодны, наги и босы»... Не имея никаких рыболовных снастей, они не могли добывать рыбы, а лесов и зверей нигде не встречали. Местное население тоже не попадалось. Чем они уже питались — Бог их весть... Придя на реку Анадырь, «внизу близко моря», говорит Дежнев, «с голоду мы бедные врознь разбрелись». Двенадцать человек отправились искать пищи и людей вверх по Анадырю. Ходили они двадцать дней и нигде не встретили ни людей, ни даже каких бы то ни было признаков человеческого жилья. Тронулись они опять назад, но, не дойдя

трех днищ до Дежневского стана, окончательно изнемогли от голода и «обночевались, почали в снегу ямы копать»... Только трое из них кое-как добрались до стана... Остальные, вероятно, заблудились и замерзли. Затем погибли еще четыре человека, так что дежневская партия уменьшилась до 12 человек.

С этими-то остатками партии Дежнев кое-как перезимовал на низовьях Анадыра, а летом следующего 1649 года, соорудивши лодки из выкинутого морем леса, двинулся вверх по реке и благополучно доплыл до зимовьев анаульских людей, которых удачно погромил и взял с них ясак. Здесь-то (на среднем течении Анадыра) Дежнев основал свое зимовье, впоследствии Анадырский острог, и стал помышлять о том, как бы подать весть о себе на реку Колыму и получить оттуда помощь людьми и воинскими припасами. Однако все лето и зиму 1649 года Дежнев провел на реке Анадыре один со своими спутниками и только весной 1650 года был порадован неожиданным прибытием к нему партии русских под предводительством Семена Моторы, добравшегося из Нижне-Колымского острога до Дежневского зимовья сухим путем, чрез реку Анюй и горы».

С появлением помощи Дежнев начал покорение тамошних туземцев, собирал с них ясак и занимался добычей

моржовой кости в устьях реки Анадыра. Более десяти лет он прожил в Анадырском остроге. Но в 1662 году мы встречаем его уже в Якутске, а в 1663 и 1664 гг. — в Москве.

Но русским людям для удовлетворения их жажды предприимчивости оказалось мало и материка Сибири, и Ледовитого океана. Едва только был открыт Тихий океан, как предприимчивость наших промышленников скоро направилась и туда, и они стали бороздить его в разных направлениях. Они добрались до Алеутских островов и, наконец, поселились в Америке, на полуострове Аляске.

Такова была удаль и предприимчивость наших предков!

Теперь спрашивается, о чем же свидетельствуют приведенные нами факты предприятий русских людей, что побуждало их к этим смелым и в высшей степени рискованным экскурсиям? Что заставляло этих удальцов двигаться все вперед и вперед, в глубь материка и в глубь океанов, где их ожидали невероятные лишения и даже гибель?

Я не разделяю того мнения, что будто бы алчность к наживе вела русских промышленников все далее и далее в глубь Сибири...

Нет, помимо материальных интересов ими руководили необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям и, главным образом, жажда знания — что таит-

ся в неведомых местах. Ведь уже в начале XVII века русские завладели громадной частью Сибири, и на этом пространстве они могли удовлетворить самую ненасытную алчность, особенно если взять во внимание, что даже к половине этого века в Сибири промышленяла ничтожная горсть русских людей. Между тем, что же мы видим? Оказывается, им мало материка Сибири. Торговые и промышленные люди простирают свои виды на океаны, плавают по ним в разнообразных направлениях, несмотря на страшную опасность, которая там угрожала мореплавателям.

Так писал я в своей статье «Мангазея и Мангазейский уезд», напечатанной в Харьковских университетских записках за 1903 год.

Такой же взгляд проводил и проф. Ярош в своей статье «Характеры былого времени». Здесь автор по поводу похода Ермака за Урал задается тем же вопросом, который поставили и мы, т.е. вопросом о смысле и значении движения русских людей вперед и вперед.

Не соглашаясь с мнением Костомарова, который в этом движении видел простое следование принципу: «рыба ищет, где глубже, человек — где лучше», проф. Ярош рассуждает так: «XVI столетие и на западе Европы проникнуто было страстью завоевательных предприятий. Только что открытый

Новый Свет привлекал к себе толпы людей, отважно пускавшихся в далекий путь. Но там мотивы движения вполне понятны. Америка была тогда романтической страной, которую рыцарское воображение населило великанами волшебных сказок и усыпало, как песком, золотом и драгоценными камнями. Вследствие этого, разумеется, жажда наживы и приключений волновала все сердца. Всякий прожившийся гидальго спешил оставить отечество, воздух которого был для него отравлен неотступностью кредиторов; он отправлялся через океан, чтобы стать под знамя Кортеса или Пизарро, набить карманы золотыми слитками и показать удачу кастильского оружия... «Казаки Ермака не могли иметь относительно Сибири особенно заманчивых иллюзий в смысле ожидания обильной поживы. Обитатели Зауралья, которым случалось заходить в поселки Строгановых, не имели на себе ни розовых венков, ни золотом шитых одежд, как жители Мексики. Правда, казаки могли рассчитывать на ясак, на «мягкую рухлядь», могли ласкать свой аппетит предвкушением рыбы сибирских рек. Но они прекрасно знали, что все эти блага не лежат в ожидании их готовыми кучами, а потребуют для добычания большой затраты сил и крови. Таким образом, задумывая поход в Сибирь, казаки не

стояли на почве утилитарного принципа: человек ищет, где лучше. Они сознательно выступали на путь лишений и трудностей, повинувшись своему внутреннему зуду движения вперед, вдаль и вширь. Что там, за этими горами? Какое это царство? Как живут там люди? Таковы были загадки, естественно манившие казаков и разжигавшие в них общерусскую страсть к движению вперед, в поисках за новыми впечатлениями, за жизнью и простором горизонтов.

Жажда не столько лучшего, более выгодного или полезного, сколько нового и неизведанного составляет яркую черту духовной физиономии русского народа».

Если одним утилитарным принципом нельзя объяснить похода казаков за Урал, то тем не менее он мог быть действующею причиною предприятий Пояркова, Хабарова, Дежнева и разных полярных экспедиций. Разве торговые и промышленные люди, предпринимавшие их, могли знать, что даст им страшный Ледовитый океан?

Дежнев в своей челобитной 1664 г., упомянув, что он за 20-летнюю службу государю, поднимаясь на новые реки своими деньгами, не получал никакого жалованья, продолжает: «И будучи на той твоей, великаго государя, службе, поднимаясь собою и служа тебе, великому государю, многое время без твоего великаго государя жалованья, имаючи

иноземцев в аманаты (золотники) голову свою складывал, раны великие принимал и кровь свою проливал, холод и голод великий терпел, и помирал голодною смертью и на той службе будучи и от морскаго разбою (крушений) обнищал и обдолжал великими некупными долгами и в тех долгах в конец погибаю».

Нет, наши землекопы и мореходы двигались в неведомые страны и моря, только повинувшись потребностям своей духовной природы, чтоб удовлетворить врожденному духу предприимчивости, жажде знания — что таится в неведомых местах.

Теперь, переноса наш взор от старины на современность, мы не можем не заметить упадка духа предприимчивости среди нынешнего торгового и промышленного класса: упреки его в косности и не предприимчивости в значительной степени справедливы, т.е. вместо ожидаемого исторического прогресса нам приходится отмечать регресс. Наши предки шли на промыслы в неведомые страны и моря, а их потомки не эксплуатируют того, что лежит под руками. Спрашивается, какие же были особенные исторические условия в жизни русского народа, которые все более и более тормозили развитие в нем свойственного ему духа предприимчивости и привели, наконец, к упадочности последнего? Это уже другой вопрос, рассмотрению которого будет посвящен мною особый доклад.

О Вацлаве Хилькевиче

После публикации в «Лукиче» семейной хроники Эдварда Хилькевича «Kronica rodzinna» (2000. №3. С. 63–87) появилась информация о родном брате автора — Вацлаве. Часть из нее когда-то была опубликована в тюменской газете «Свободное слово». Другая — изобразительная — поступила в фонды Тюменского областного краеведческого музея от Людмилы Ивановны Хилькевич.

Ранение офицера-тюменца

На днях под Ирбитским заводом тяжело ранен в грудь на вылет хорошо известный Тюмени молодой офицер Вацлав Карлович Хилькевич-Яворовский. Пуля прошла слегка за-

дев легкое, положение раненого серьезное, но не безнадежное. Помещен он в ирбитский госпиталь. Между прочим, сообщают, что в госпитале не оказалось даже спирта для промывания раны, так как спирт был... выпит неизвестным лицом. Офицер Хилькевич-Яворовский несколько часов прятался раненый в конопле, и его долго не могли отыскать товарищи. К тяжелораненому герою выехала его молодая жена.

*Свободное слово. 1918.
№ 89 (5 окт.)*

Вацлав Карлович Хилькевич

Некролог

Всякая война жестока.
Она кровожадна и требует жертв, хотя бы и не так вели-

*Вацлав Хилькевич.
5 февраля (?) 1918 г. ТОКМ.*

ких сравнительно с теми целями, которые она преследует.

Эти пацифистские мысли всегда приходят в голову и рельефнее запечатлеваются, когда приходится слышать о безвременной смерти кого-нибудь из родных или близких тебе лиц.

На этих днях умер в ирбитском госпитале от ран, полученных в битве с красноармейцами, Вацлав Карлович Хилькевич-Яворовский.

Покойный был тюменский житель, окончил местное Тюменское Александровское реальное училище, обучался в Томском технологическом институте, затем был призван на военную службу, окончил военное училище, после разгрома большевиками русской армии вернулся в Тюмень, примыкая в воззрениях своих к меньшевикам-интернационалистам, он после национализации большевиками типографии «Свободного слова» работал хроникером в «Тюменском рабочем» и сменивших эту газету «Известиях», давая также театральные рецензии.

Затем, когда направление большевистских газетных заправил стало выливаться в определенно программные формы, Вацлав Карлович прекратил свое сотрудничество в названной газете.

Состоя членом тюменского общества эсперантистов, В.К. Хилькевич редактировал журнал этого общества «Под зеленым знаменем» №№ 1 и 2.

Волна освобождения России из-под ига большевиков захватила его в ряды своих бойцов и отняла у него жизнь.

Николай Плясунов

Немного воспоминаний о прошлом

В настоящем изложении нам хотелось бы раскрыть страничку из недавнего прошлого, чтоб при отблеске воскрешенной на

КОНДУИТНЫЙ СПИСОКЪ

УЧЕНИКА

Тюменского Александровского реального училища

Вацлава Карловича Хилькевича

Имя и фамилия ученика	Возраст в годах	Родина	Семейное положение	Вид занятий	Время поступления в училище
<i>1884</i>	<i>9 месяцев</i>	<i>В. К. Тюмень</i>			
<i>Вацлав Карлович</i>					
<i>сын зловещника</i>					
<i>В. Хилькевич</i>					<i>1884</i>
<i>Отец</i>					

Сведения, подлежащие занесению в книгу	Полное наименование (фамилия, имя, отчество)	Дата рождения	Место рождения	Категория	№ дела (архивного материала или по 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 § 11 Правил о кандидате)
Хилькевич Вацлав	Хилькевич Вацлав
Хилькевич Вацлав	Хилькевич Вацлав
Хилькевич Вацлав	Хилькевич Вацлав
Хилькевич Вацлав	Хилькевич Вацлав
Хилькевич Вацлав	Хилькевич Вацлав
Хилькевич Вацлав	Хилькевич Вацлав
Хилькевич Вацлав	Хилькевич Вацлав

Из кондуктного списка
Вацлава Хилькевича

миг картины этого прошлого отметить мягкими штрихами одну из личностей, несколько дней тому назад безвременно ушедшую от нас в вечность. Это произошло в субботу, 20 апреля, н.г., когда в наше скромное редакционное помещение с развязным вызывающим видом вломился безусый советский деятель Леонид Матлин и именем Советской Федеративной Республики потребовал сдачи ему всего имущества, капитала и пр., принадлежащих кооперативному товариществу «Свободное слово».

Этот господин, в последствии помешавший свои лирические произведения в духе ультрареволюционного времени на краденной типографской бумаге и незадолго до бегства своих еди-

нотышленников предусмотрительно изъявший свои рукописные материалы из редакционного архива, сохранившегося и поныне, произвел на нашу редакцию самое глубокое отрицательное впечатление.

Не было мелочи, в которой бы «коммунист» Матлин не подчеркнул своего недоверия к отдельным редакционным сотрудникам.

Не было фразы, в которую бы этот пылкий «революционер» не вложил затасканных таинственно угрожающих слов: «мы —

интеллигенты Советской Республики».

Мы же, несоветские интеллигенты, при этих словах робко съеживались и почти с трепетом ждали моральных ударов.

Впрочем, как бы то ни было, а новая политическая власть безапелляционно заняла наши рабочие столики, пообещав выбросить пайщикам, мелким служащим, в виде милостивой подачки их членские вклады в общее кооперативное предприятие.

Станки и типографские машины, как прежде, продолжали свою работу, но уже под новой фирмой: сперва «Известий», после — «К оружию», а бывшие работники бывшей газеты «Свободное слово» превратились в «саботажников».

В редакции появились новые лица. Часть из них были молодые беспринципные интеллигенты, соблазненные речами «товарища» Матлина, а может быть, попавшие туда просто из материальных соображений.

Среди этих интеллигентных работников находился и В.К. Хилькевич, заведующий отделами репортажа и театра. Были также и другие лица, как, например, художник В. Эттель, который по поводу своего участия просто заявлял: «Не все ли равно, кому служить, лишь бы деньги получать...».

Первые дни после редакционного переворота всеми делами у них, очевидно, правил Леонид Матлин, но уже через неделю прибыло новое лицо из Омска, наименовавшее себя редактором Митяевым, — молодое, но молчаливое существо, и бразды управления редакцией перешли в его руки.

Матлин, отстраненный от самодержавия, горько сетовал по этому поводу перед своими знакомыми:

— Новый редактор положительно не дает никакой самостоятельной работы. Всякую мою рукопись проверяет и вычеркивает из нее больше половины. Нет, я думаю уйти от большевиков и создать новую беспартийную научную газету... Мы — интеллигенты и пр...

Тянулась старая песня.

Должно быть, редакторский режим в редакции «Известий» действительно установился невыносимый, потому что и др. работники пера начали стонать и поговаривать о предстоящем выходе их из состава редакции. Осуществить таковой им, впрочем, казалось опасным; возможно, что они просто не решились прослыть за саботажников.

Вот в то время и приходилось, внимательно наблюдая за редакционными деятелями, проводить известную грань между одними и другими из них.

Насколько от фигур Л. Матлина и редактора Митяева веяло самоуверенностью, доходившей иногда до наглости, настолько другие, как член редакции В. Хилькевич, всегда обнаруживали, так сказать, недостаточную уверенность в своей работе, причем отличительной чертой В. Хилькевича была искренность в отношении к своим товарищам.

Однажды какому-то анонимному автору захотелось излить свою болезненную желчь на уже поверженный в прах кооператив «Свободного слова» и он в специальной статье, не стесняясь безосновательностью и явно недобросовестной подставкой фактов, доказывал (конечно, без права возражения на столбцах газеты) буржуазно-эксплуататорское происхождение нашего предприятия. Рукопись эта была пере-

дана редактором Митяевым сотруднику В. Хилькевичу, и этот, должно отдать ему справедливость, прежде чем передать ее в набор, несколько раз советовался с лицами, близко стоявшими к разрушенному кооперативному товариществу «Свободное слово», по поводу указанных в рукописи фактов. Следствием таких бесед явилось то, что злополучная ру-

копись стала совершенно неузнаваемой после обработки ее сотрудником В. Хилькевичем, утратила бранную форму и клеветнический характер, хотя последний «пробел», впрочем, был восполнен в дальнейшем главным редактором, «товарищем Митяевым», и рукопись после напечатания ее в советской газете, к сожалению, носила следы обработки ее творцом таких лозунгов, как «обнаглевшая буржуазия пытается раздавить нас» (это про чехо-словацкую-то армию!) и пр.

Во всяком случае, проявленная членом редакции В. Хилькевичем в этом небольшом событии *честность газетного работника* как нельзя более характеризовала его личность.

В. Хилькевич являлся, по нашему мнению, случайной фигурой в тюменском советском калейдоскопе, случайной жертвой того общего психоза, который долгое время держал в плену мысли наименее устойчивой в гражданственности и наиболее увлекающейся части российской интеллигенции.

В настоящее время В. Хилькевич ушел от жизни,

Программа вечера, на котором ученик 7 класса Вацлав Хилькевич играл в гоголевском «Ревизоре» Хлестакова

став жертвой неприятельской пули, и редакция возрожденно-го «Свободного слова» с грустью приемлет известие о его преждевременной смерти. Умерла молодая пылкая личность, оставившая во многих хорошие по себе воспоминания!

С.

*Свободное слово. 1918.
№ 89 (5 окт.)*

Памяти В. К. Хилькевича

Сознание долга заставляет сказать несколько слов об этом человеке.

Я знал его недолгое время как главного редактора эсперантистского журнала «Под зеленым знаменем».

На первых же порах меня поразило особо вдумчивое, серьезное выражение его молодого лица, которое, казалось, никогда не могло улыбаться. И вот, встретившись с ним накануне отъезда (вторичного) на ирбитский фронт, я был не менее удивлен его жизнерадостным видом.

На мое предположение, что сейчас, вероятно, ему не уда-

тся вскоре быть в Тюмени, он, улыбаясь, ответил, что «да», так как на том участке, где он находится, предстоят в близком будущем решительные наступательные бои.

Было странно, не верилось даже, что человек, не умевший как будто смеяться раньше, смеется теперь, когда над ним должно бы веять уже мрачное предчувствие тяжелого жизненного исхода.

Несомненно, от нас ушел один из культурных работников, и только его молодость и скромность, оставявшие его всегда в тени, делают мало заметной для большинства эту утрату.

В заключение исполняю последний долг к покойному.

Призванный в ряды войск Временного Сибирского правительства принудительной мобилизацией офицерства, он в беседе со мной сказал: «Я принципиальный противник гражданской войны, и если бы не это принуждение, я никогда бы не был в этих рядах».

Ан. Павликов

*Свободное слово. 1918.
№ 91 (8 окт.)*

(Окончание.
Начало на С. 3—8.)

Письма

3. Может ли его сын поступить на казенный счет и что для этого нужно (т.е. куда обратиться с прошением, какие документы и проч.).

4. В какое время представить ученика в гимназию

и 5. Обязательна ли для кончившего курс на казенный счет военная служба.

Ответом на эти вопросы очень много обяжете обращающегося к вам с покорнейшей просьбой Ершова.

О Н. Дмитр. не имеем никаких сведений. Наши все здоровы. Эрм. Ф. и Лида кланяются. Если брат еще в Омске, то его очень просит Зауэр узнать, что творится по его делу, в главном управлении. Полиция совсем отобрала было спирт у Сыромятникова, чтобы передать Зауэру. Вдруг телеграмма из Омска подождать пока. Теперь вторично присудили удовлетворить Зауэра, но доверенный Сыромятникова в Омске, и Зауэр ждет, пожалуй, опять телеграммы.

Телеграф здешний работает, и меня сильно подмывает побеседовать с вами по железной проволоке, и когда-нибудь да заберусь туда. Теперь пока, дописываю и перерисовываю свою экспедицию. Крепко целую всех. А что Васинька Спе-

ранский ленится приписать мне строчки две-три.

Ваш крепко любящий М. Знаменский.

* * *

30-го сентября 1866 г.

Письмо было уже совсем запечатано, но опоздало на почту. И дело вышло кстати, так как к ночи приехал брат, а завтра, т.е. 2-го числа, едет Зауэр, который и берется доставить это письмо с карточками и чаем. Кушайте на здоровье. Все наши не советовали посылать эти карточки. Находят их больно уродливыми. Но когда-нибудь сниму лучше и переменю.

Кибитка прелесть, но, вероятно, он взял за нее дорожку, чем рядился, работы за ней чай пропасть.

Крепко целую ваши ручки, сердечный друг тятинька. Я все еще не могу опомниться, что я уж не в дороге. Случаю этому я рад, потому что мог обнять вас. Пишу мало — нечего сообщать. Целую сестер и брата.

Вас. Алек. крепкий поклон.

Ваш сын М. Знаменский.

О Кухтерине, который сделал себя сам

Этой истории, наверное, лет двадцать пять.

В «Оргтехтрупроводстрой» в отдел выставок пришел работать выпускник ПТУ. Мы шушукались: «По благу взяли. Где это видано — из геологов в художники?». А новичок тем временем рисовал. По несколько полотен в день, тщательно выписывая мелкие детали изображаемого. Шепот по углам не утихал: «Да он же сумасшедший. Только они такие работоспособные». Пожалуй, в Сашу Кухтерина поверили лишь после того, как он прошел творческий конкурс в Московский полиграф, на факультет книжной графики...

Прихожу как-то в гости. В трехкомнатной квартире-брежневке живет практически три семьи. Отец с матерью, Сашка с женой Галькой и двумя детьми. Еще одну комнату занимает сестра Машка. Сашка только вернулся, как утверждали слухи, откуда-то из-под Ялutorовска, куда ездил «в народ», к какому-то деду учиться «лепить горшки». И вот дома, в шести-метровой кухне, новоиспеченный керамист поставил круг и тачает свои глиняные произведения... Хотя здесь уже и так давно тесно. Среди кухонной утва-

ри — холодильника, мебели и т.д. — затерялись в клетке с десятком декоративных курочек с петушком. На ночь их накрывают плотной тканью, чтобы с рассветом петух не подымал все население квартиры. И вот в этом пространственном бедламе еще и гончарный круг, плюющийся глиной во все стороны.

— И что, никто тебе ничего не говорит по поводу этой грязи? — пытаюсь спрашивать художника.

— Уже два месяца никто ничего не говорит, — отвечает грустно Сашка...

Он оформил в нашем издательстве сотни книг. Если иногда и повторяется в теме, то в форме — практически никогда. Иллюстрации к сказкам П. Гордцова, на мой взгляд, не только самая крупная работа художника, но и бесконечно талантливая.

Работает много. Лепит свою глину, на которую есть спрос у покупателей, но ужасно тоскует по акварели — не очень-то берут ее ценители живописи. И не потому, что плоха...

Сашка — разнообразный в своем творчестве. Поверьте этому, даже если у вас после просмотра нашего вернисажа сложится совсем другое мнение.

Художник в интерьере с психиатром Костей Михайловым, по совместительству — местной поэтической звездой, т.е. почти Наполеоном. Молчановка, лето 1994 г.

Дом у моря. 60 х 60. Дерево, керамика. 2003 г.

Тварь! h — 25. Керамика, роспись. 2002 г.

Скитбладнир. 30x40.
Керамика, роспись.
1998 г.

Самый древний.
30x40. Акварель,
бумага.

Безумное чаепитие.
Фрагмент композиции.
Керамика, роспись.
2002 г.

Yes! h — 23.
Керамика,
роспись.
2002 г.

Гномы. Фрагмент
оформления кафе
«Мастро». h — 23.
Керамика, роспись.
2001 г.

**Фараониха
с мужем.**
h — 16.
Керамика,
роспись.
1999 г.

Странник.
20x30.
Керамика,
роспись.
1999 г.

Сапожник.
30x40.
Дерево,
керамика,
роспись.
2003 г.

Шугы.
30x40,
20x40.
Керамика,
ропись.
2000 г.

Казакы.
h — 23.
Керамика,
ропись.
2000 г.

Степной мотив.
30x40. Черное
лошение,
керамика.
1998 г.

**Памяти
Красного
Барона.**
h — 18.
Керамика,
ропись.
2001 г.

Фигурки.
h — 16.
Керамика,
ропись.
2001 г.

Морской ерш.
40х30.
Керамика,
роспись.
1999 г.

**Механическая
рыба.**
50х50.
Акварель,
бумага.
2002 г.

**Тюменский
домик.**
h — 12.
Керамика,
роспись.
1999 г.

Волостной писарь Киреев: судьба и мировоззрение

*(По материалам Книги сделок и договоров
Червишевского волостного правления)*

1. Почему?

Сегодня мы хотим предложить вниманию читателя обещанный в одном из предыдущих номеров рассказ о сельском интеллигенте, служившем в Червишевском волостном правлении в 1910–1915 гг., — Ефиме Яковлевиче Кирееве¹. Куда только не бросала его судьба! Был он в Восточной Сибири, жил и работал в селе Заводо-Успенском (Червишевская волость Тюменского уезда), воевал на фронтах первой мировой; человек грамотный и любознательный, скрупулёзный и ответственный. Но обо всём по порядку.

Почему мы считаем нужным рассказать об этом человеке — в сущности, мелком чиновнике, прожившем свою жизнь в одном из сотен и тысяч сибирских посёлков? Наш герой не совершал подвигов (по крайней мере, нам о них ничего неизвестно), не оставил после себя романов или поэм. Он не был учёным или предпринимателем, роль его в общественной жизни края (не говоря уже о стране) невелика, скорее, просто незаметна. Он был одним из тысяч таких же мелких чиновников и служащих, которым

судьба предначертала родиться и умереть в сибирской глуши. Именно поэтому мы и считаем волостного писаря Киреева достойным нашего рассказа.

Дело в том, что перед нами — типичный представитель такого интереснейшего слоя, каким была сельская интеллигенция России начала XX века. Скорее даже не слоя, а прослойки — настолько он был тонок. По всей необъятной Российской империи, в каждом захолустном селе, посёлке или деревне были свои Киреевы — писари, врачи, учителя, инженеры, телеграфисты. Эти люди нередко выходили из крестьянской среды, но, получив образование и впитав в себя европейскую, городскую культуру, становились чуждыми породившему их сообществу. Односельчане уже не понимали и потому не принимали их — людей, стремившихся к какой-то иной жизни, ищущих, рефлексирующих.

Крестьянское сознание изначально настроено на статичность. Время циклично, всё происходит, потому что должно произойти, и нет смысла спорить с традицией. За редким исключением, здесь нет места поискам смысла жизни, стрем-

¹ Соловьёва Ю. Случай из книги //Лукич. 2002. №3. С.200–205.

лению к самопознанию, преобразованию мира внутреннего и внешнего.

В таком окружении жили тысячи интеллигентов по всей России, и наш герой — яркий тому пример. В селе, населённом преимущественно бывшими каторжанами и их потомками, среди пролетарско-крестьянского окружения он был одинок. Не с кем было поговорить, обсудить полученные из города газеты, прочитанную книгу, просто пофилософствовать о жизни. Его собеседником становится книга.

Книга сделок и договоров Червишевского волостного правления велась им на протяжении нескольких лет. И здесь, между документами, а порой и просто на полях, в свободное от служебных занятий время (в промежутках между составлением очередного прошения или подписки) он делает свои бесчисленные записи. Среди них услышанные или прочитанные где-то (а может быть, и свои собственные?) мысли, афоризмы, каламбуры, исторические анекдоты, стихи. Впрочем, не следует представлять себе нашего героя совершенно оторванным от жизни мечтателем — нет. Среди философских размышлений находится место и практическим советам вроде рецептов сохранения картофеля или выведения тараканов. И в этом весь он — крестьянин-интеллигент, оторвавшийся от

породившей его среды, но так её и не покинувший.

Не будет преувеличением сказать, что в наших руках — уникальный источник, ценность которого именно в том, что он был создан типичным представителем своей среды. В архивных и музейных собраниях хранятся материалы личного характера, но, как правило, они принадлежат известным представителям науки или искусства, крупным общественным деятелям, предпринимателям. Мир же «маленького человека», как правило, остаётся нам недоступен, хотя именно такие люди во все времена творили историю. Что особенно важно, благодаря этой книге мы можем проследить одновременно две жизни Ефима Киреева — внешнюю, телесную, и внутреннюю, духовную. Перед нами — судьба и мировоззрение одной из миллионов песчинок истории. Начнём.

2. Судьба

Отец нашего героя — Яков Степанович Киреев, крестьянин с. Больше-Кусерякского Кротовской волости Ишимского уезда Тобольской губернии родился в середине XIX века, около 1840 года. Его жена Евфимья Андреевна была младше мужа лет на 10. В семье Киреевых выросло три сына: старший — Ефим, средний — Никита и, наконец, младший — Константин.

В начале XX в. семья проживала в селе Заводо-Успенском. Это было фабрично-заводское село, вся жизнь которого вращалась вокруг писчебумажной фабрики. В конце XVIII — середине XIX вв. здесь располагался винокуренный каторжный завод. После ликвидации каторги в 60-х гг. XIX в. завод закрыли, люди остались без работы. Одни стали разбойничать в окрестных лесах, другие просто покинули село. Ситуация изменилась после появления тарского купца I гильдии А.И. Щербакова, который оценил экономические возможности и открыл здесь в 1888 г. писчебумажную фабрику.

*И.И. Ятес, сын И.Е. Ятеса,
владельца Успенской писчебумажной
фабрики. г.Екатеринбург.
01.10.1908 г.*

Бумага пользовалась большим спросом, производство приносило крупные доходы. При Щербакове село стало развиваться, население увеличиваться. Однако со временем владелец фабрики столкнулся с трудностями: запасы тряпки, из которой делали бумагу, подошли к концу, кроме того, на горизонте появился конкурент — английский подданный по фамилии Ятес. К тому времени он был владельцем Сибирской писчебумажной фабрики на Урале. Надо сказать, что клан Ятесов был многочислен и известен в Сибири. У Фомы был Жабынский завод в Тюмени, у Ивана — Механический завод в Екатеринбурге, упомянутая писчебумажная фабрика на Урале. Ятесы состояли в родственных отношениях со многими известными в ту пору заводчиками: Гуллетами, Вардропперами, Памфиловыми.

Старожилы села рассказывали, что Щербаков проиграл фабрику в карты. Так или иначе, в 1902 г. полноправным хозяином в селе стал Иван Егорович Ятес. В Успенке он выстроил большой дом напротив фабрики, заказал из Англии тополя и высадил их аллеей вдоль пруда.

В 1913 г. в селе насчитывалось 603 мужских души. Все крестьяне трудились на фабрике, лишь немногие занимались собственно крестьянским трудом. Те, кто не работал непосредственно на фабрике, занимались

редственно в цехах, зачастую так или иначе были связаны с производством, занимаясь заготовкой и транспортировкой сырья, сбытом произведенной продукции. Киреевы не были исключением: в 1910 году Никита и Константин трудились на фабрике у самочерпки², Яков Степанович был фабричным сторожем. В этом году ему было уже около 70 лет, но он продолжал работать. Тогда же с Яковом Степановичем произошёл случай, который серьёзно пошатнул его здоровье. Вечером 6 июня, в праздник Святой Троицы, он пошёл на работу, чтобы сменить товарища. Но не успел он далеко отойти от дома, как подвергся внезапному нападению.

На крик отца, схватив ружьё, на улицу выскочил Никита. Среди нападавших он узнал местных хулиганов: Петра Александровича Рыбакова, Якова Прокопьевича Семёнова и Афанасия Маркина. Все они не раз привлекались к суду за кражу и драки. Семёнов уже известен читателю по истории с Агафьей Шабуровой, рассказанной в «Лукиче». На этот раз нападавшие, увидев Никиту с ружьем в руках, разбежались. Однако Семёнов, убегая, успел ударить

*Военнослужащие царской армии.
Слева — Фёдоров С.П., уроженец
с. Заводо-Успенского. г. Омск.
26.12.1914 г.*

Якова Степановича стягом по голове. Фельдшер, осмотревший рану, установил серьёзность ранения, отметив, что оно может неблагоприятно сказаться на здоровье. Вероятно, он был прав, поскольку в документе от 1917 г., рассказывая о событиях двухлетней давности, Ефим называет себя единственным кормильцем в семье.

Евфимья Андреевна сильно болела, все заботы по содержа-

² Данный факт установлен на основании Табеля рабочих Успенской писчебумажной фабрики за август 1910 г. Этот документ был скомплектован авторами во время повторного посещения п. Заводо-Успенского (теперь это посёлок) в ходе историко-бытовой экспедиции Тюменского областного краеведческого музея, состоявшейся в июне 2002 г. «Книга сделок и договоров...» пополнила коллекции музея в результате экспедиции 2001 г.

нию дома легли на Ефима как старшего из сыновей. Проработав на фабрике некоторое время, он ушёл на заработки в Восточную Сибирь, откуда регулярно посылал домой деньги. В конце концов он вернулся в село, приблизительно в 1910 г. устроился писарем в Червишевское волостное правление. У Ефима был свой пятистенный дом, а в марте 1912 г. в нем появилась и хозяйка — Мария Матвеевна Созонова, крестьянка из деревни Царевской Черноковской волости Тобольского уезда. Переехав к нему с одним сундуком и несколькими платьями, Мария жила на средства мужа. Работать на фабрике ей не позволяло слабое здоровье. Жили душа в душу: он трудился в правлении, она хлопотала по хозяйству. Однако впереди их ожидало суровое испытание. Началась первая мировая война, 1 апреля 1915 г. Ефима призвали на военную службу как ратника ополчения I разряда. Он был отправлен в действующую армию, где нёс службу в составе 1022-го военного пароконного транспорта. Узнав, что на протяжении последних лет он занимался писмоводством, командование назначило его младшим писарем старшего разряда.

Мария осталась ждать. Перед уходом на фронт, на случай своей смерти, он написал Марии домашнюю купчую на дом и имущество. Мария жила

хозяйством, однако урожай в 1915 г. был неудачный: «хлеб у нас очень плохой, изрос от дождя. Дешевле рубля наверно не будет», — писала она на фронт Ефиму.

Испытывая материальные затруднения, она решила обратиться за помощью в уездное попечительство о семьях воинов. Но в пособии ей отказали, объяснив, что она является незаконной женой. Ефим послал Марии «для пропитания скота и содержания хозяйства» из г. Ново-Николаевска Томской губернии 120 рублей. Деньгами она распорядилась очень экономно: из всей суммы потратила только 20 рублей, остальные положила в сберегательный банк на своё имя. Кроме этого, по настоянию Ефима она заложила в Тюменский городской ломбард его овчинный тулуп и суконную шубу.

Поддержать Марию было некому: своих родственников в селе у неё не было, родня Ефима её не принимала. Когда совсем стало трудно и она с разрешения мужа решила продать корову, «старуха» (мать Ефима) сильно препятствовала, хотела её совсем отобрать, дело дошло до суда. Часть селян была настроена против Марии, поддерживая Евфимью Андреевну: «А Степан Дымской свидетельствуют, что корова старухина и Овчеренушко». Молодая женщина обратилась за советом к крестьянскому начальни-

ку, который подтвердил, что все права на имущество у Марии «...и приказал, что ты её даже можешь не пускать к себе...». «Но не знаю, чья теперь возьмет...», — писала в отчаянии Мария. Тем не менее, она договорилась о продаже коровы за 40 рублей с Иваном Логиновым, но суд, на который Мария съездить не смогла, решил, что злополучная скотина принадлежит матери Ефима, поэтому покупка так и не состоялась. И бедная женщина осталась ни с чем.

На душе было нелегко: «Милый Ема, жизнь моя не спокойная, один только грех стоит у нас. От неприятности я болею и не могу ничего заработать, все добиваются, хотят в дом зайти...». Грех, о котором пишет Мария, — это обнаружившаяся беременность, о которой она узнала после ухода Ефима на фронт. Чувствовала себя плохо, иногда ей зап-

рещали вставать с постели, тогда она не имела возможности даже самостоятельно написать письмо и диктовала его Клане (дочери повара).

Односельчане называли жену фронтовика «скупой», писали Ефиму клеветнические письма. «Тебе писали обо мне всякую гадость, но ты не верь, не это у меня на уме, не пиши им ругательных писем, а то с их стороны будет злоба, приедешь, Бог даст, увидишь и скажешь им сам...». Все эти трудности и нападки неблагоприятно влияли на здоровье беременной женщины: «...все лето я не чувствую себя здоровой и мало работала... Все неприятности, недоразумения, это все и расстраивает и без того слабое здоровье...». Чтобы не оставаться совсем одной, она бесплатно поселила в их дом Трофима Мих. (Михайлова?) — «...коморщик бывший из сборной». Он помогал поддерживать хозяйство — «сделал к вышке створку, чтобы снег не попадал...».

Мария сильно скучала без Ефима: «...иногда очень хочется поговорить с тобой, хотя письменно, но и этого некоторое время нельзя было...». Обращаясь к нему «милый мой Ема», крестьянка каждый день вспоминала мужа, молилась, чтобы он остался живым и вернулся к ней навсегда,

*Рабочие Успенской писчебумажной фабрики.
с. Заводо-Успенское. 1915 г.*

подавала милостинку нищим за его здоровье. Она мечтала, что Ефим вернётся к ней с войны живой, здоровый и заживут они «тихо мирно, как жили до этой разлуки». Но этим мечтам не суждено было сбыться. 5 декабря 1915 года Мария умерла. Учитывая, что она тяжело переносила беременность, можно предположить, что женщина не перенесла тяжелых родов. О ребенке никаких сведений нет, скорее всего, он не выжил.

Подписывая купчую на дом и имущество, по которому Ефим якобы получил от Марии 100 рублей, он вряд ли мог предположить такой оборот дела. Но документ был обнаружен во время обыска дома и пущен в ход. 15 марта 1916 г. состоялась продажа имущества, в результате чего было выручено 369 рублей 80 копеек. Ефим получает известие о смерти Марии, когда продажа уже была совершена. Однако он не теряет надежду вернуть своё имущество, начав длительную борьбу с бюрократической машиной. В итоге в 1917 году дело было решено в его пользу.

Ефим благополучно вернулся с войны и продолжил

служить на поприще делопроизводства. По крайней мере, в сентябре 1927 г. он был табельщиком на Заводо-Успенской писчебумажной фабрике³. Повезло и его братьям — Никите и Константину. Активные сторонники советской власти, они принимали деятельное участие в организации выступлений против владельца фабрики Ятеса в 1919 г., однажды даже были арестованы и в числе других бунтовщиков отправлены в Тюмень⁴. Однако, благополучно пройдя через все испытания военных лет, с пуском фабрики они вернулись к станку. В сентябре 1927 г. Никита Киреев работал сеточником, Константин — старшим тряпковаром⁵.

Вот, пожалуй, и всё, что мы знаем о судьбе этого сельского интеллигента. Однако не менее интересно, на наш взгляд, окунуться в его внутренний мир, познакомиться с его системой морально-этических ценностей. Такую возможность дают нам записи личного характера, оставленные Ефимом на свободных полях книги, на страницах между документами.

Несмотря на изначальную условность такой реконструк-

³ Установлено на основании Табеля рабочих и служащих Успенской писчебумажной фабрики за сентябрь 1927 г., скомплектованного во время экспедиции 2002 г.

⁴ См. подробнее: Белов С.Л., Соловьёва Ю.А. Заводоуспенская писчебумажная фабрика в 1917–28 гг. — от революции до индустриализации // Ежегодник ТОКМ: 2001. Тюмень, 2002. С.193–214.

⁵ Табель рабочих и служащих Успенской писчебумажной фабрики за сентябрь 1927 г.

ции, мы с достаточно большой долей уверенности можем утверждать, что нам удалось реконструировать хотя бы отчасти если не личность нашего героя, то, по крайней мере, его мировоззрение.

3. Мировоззрение

Знание

Мы уже говорили о том, что Ефим был образованным человеком — имел два свидетельства об окончании курсов приходского и уездного училищ, а также «четыре документа о специальных занятиях». Неудивительно, что проблема познания — одна из центральных в его мировоззрении. XX век продолжил традиции предыдущего столетия, которое по праву можно назвать веком

науки. Бурное развитие науки и техники, стремительный прогресс во всех областях знаний породили среди широких кругов образованного общества своего рода «научную эйфорию». Казалось, что наука в своём развитии безгранична и способна решить все стоящие перед обществом проблемы — бедность, болезни, преступность; ликвидировать социальные и национальные барьеры и предрассудки.

В этом всеобщем хоре оптимизма диссонансом звучат слова Киреева (пусть даже в виде цитаты): «Ученость для безнравственного человека есть то же, что хорошая пища для худого желудка»; «То, что мы знаем, ограничено, а то, что не знаем, бесконечно». И далее: «Мысль принадлежит тому, кто умеет ее применить к стати». Приоритет отдаётся не теоретическим познаниям, а, прежде всего, опыту, который, по мнению Киреева, и есть настоящее знание, просвещение; «Слов много затвердить/Не есть еще ученье/Нам нужны не слова/Нам нужно просвещение»; «В жизни знание без опыта — зрячий на незнакомой дороге; а опыт без знания — слепец на знакомой ему стезе»; «Три пути ведут к знанию: путь размышления — это путь самый благородный, путь подражания — это путь самый легкий, и путь опыта — это путь самый горький». В науке наш герой ценит пре-

Н.Я. Киреев, с. Заводо-Успенское.
1920 г. (?)

выше всего морально-этический аспект: «Нравственная польза науки заключается в том, что она убивает гордость ума, путём сомнения доводя его до сознания своего ничтожества»; «Знание людей делает нас юмористами, самопознание — сатириками».

Есть два рода любопытства: есть любопытство, побуждающее нас учиться тому, что может принести нам пользу, и есть любопытство из тщеславия, происходящее из желания знать то, чего другие не знают, и похваться этим.

Религия

Скепсис Киреева по отношению к науке и её возможностям вполне объясняется христианской основой его мировоззрения. В извечном споре науки и религии он отдаёт предпочтение последней, возлагая большие надежды скорее на духовный, нежели на научно-технический прогресс. В противном случае, полагает он, само существование человека на земле теряет всякий смысл. «Тип верующего и итог неверия (неврастения). Он не знает, зачем он родился на свет Божий и для чего существует. Это не живой человек, а какой-то ходячий труп. Он ко всему относится безучастно и не знает ни радости, ни горя, ни злобы, ни вражды, ни любви. Такому человеку нужно жить для заботы о ближних, ради вод-

ворения счастья на земле? Но, не зная цели своего собственного существования, стоит ли заботиться о том, чтобы также бесцельно и бессмысленно существовали другие? Вот итог неверия». Свидетельством большого нравственного напряжения являются слова: «Не обижай, человек, своей души — этого великого в тебе живущего свидетеля».

Смысл жизни

«Дар случайный, дар бесценный/Жизнь — зачем ты нам дана?» — слова поэта как нельзя лучше отражают внутренние искания этого крестьянина-интеллигента. Что есть жизнь? Зачем она дана человеку? Этими вопросами он задаётся ежедневно, и размышления его также полны скепсиса. «В наше время закон борьбы признан законом жизни человеческой»; «Жизнь человеческая и события мира не что иное, как крупная игра, где дозволены все тонкости и уловки, чтобы завладеть добром ближнего, и где счастливый спокойно обирает менее счастливого или менее искусного».

В отличие от сторонников теорий социального дарвинизма или классовой борьбы, Кирееву жизнь представляется скорее в виде фортуны, слепого рока, а не закономерности: «Жизнь тасует нас, как карты, и только случайно, да и то ненадолго, мы попадаем на свое

место». Будучи натурой чувствительной, принимая близко к сердцу все несправедливости и жестокости мира, он по своему мироощущению скорее близок к буддизму, акцентируя внимание на человеческих желаниях и страданиях, из них вытекающих: «*Вся наша жизнь состоит из того, чего еще нет и чего уже нет — из желаний и сожалений*»; «*Страшно было бы жить, если подумать о всех бедах, какими усеяна человеческая жизнь*».

И вновь в поисках смысла жизни наш герой обращается к духовному миру человека: «*Ценность и достоинство жизни заключается не во внешности, а в сердце*». Однако не следует представлять его пассивным созерцателем. Наш сельский философ ценит именно действие, осмысленное и целенаправленное, основанное на глубококом внутреннем убеждении: «*Жизнь — не историю или комедию писать, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать*». Жизненное кредо этого интеллигента наиболее ярко выражено в стихотворении безымянного автора:

Блажен, кто с верою святой
Мог к цели доблестной идти,
Кто непогодой и грозой
Задержан не был на пути.

Блажен, кому дана судьбою
Отвага мощного бойца.
Прекрасен лавр, рукой родною
Вплетенный в терн его венца.

*Е.Я. Киреев, с.Заводо-Успенское.
Около 1927–29 гг.*

Но не кори, страна родная,
И тех, кто пал на полпути,
И их, как мать, благословляя,
За их любовь к тебе прости.

Счастье

В свете вышесказанного неудивительно, что счастье представляется нашему герою чем-то неуловимым, призрачным, мимолётным. «*Человеческое счастье есть не что иное, как молния, которая блесит для того, чтобы возвестить о ударе грома*»; «*Об истинной любви и об счастье, как о привидениях, все говорят, но не многие их видели*»; «*Человек так долго мечтает о счастье, пока его не проспит*»; «*Счастье всегда бывает сном наяву*»; «*Мы все пьем из источника счастья дырявым сосудом: когда он доходит до наших уст, то бывает почти пуст*».

Между тем, для истинного счастья, по мнению нашего

сельского мыслителя, нужно не так уж много: «Для счастья нужно три вещи: здоровое тело, ум и чистое сердце». Главным препятствием на пути к этому ему видятся чрезмерность человеческих желаний в сочетании с бездеятельностью: «Многие из нас мечтают о счастье, но ничего для него не делают»; «Счастлив только тот, кто за свой кусок насущного хлеба обязан благодарить только Бога»; «Нам мешает быть счастливыми сильная зависть и мечта о том лучшем, до которого редко кто доживает». Подводя итог размышлениям Киреева о счастье, можно обратиться к мысли, рефреном звучащей во всех его рассуждениях: «Счастье и несчастье человека измеряются его личным о них понятием».

Деньги

В христианском ключе решается Киреевым и проблема достижения материальных благ: «Почитать человека следует не по знатности его происхождения, по происхождению знатности его»; «Самоунижение в бедности столько же постыдно, сколько и спесивость в богатстве». Богатство представляется ему скорее источником моральной опасности нежели благом: «Засыпь правду золотом, и она не всплывёт»; «Те, которые думают, что деньги делают все, способны сами сделать все за деньги».

О совести, трудолюбии... и не только о них

О простоте: «Самые важные вещи надо говорить как можно проще. Ничто так не портит их, как высокопарность».

О труде и лени: «Жалкое зрелище — это человек, которому делать нечего»; «Свободное время употребляйте на нравственные размышления и на познание окружающего вас».

О действии и бездействии: «Чтобы совершать великие дела, нужно жить так, как если бы никогда не должен был умереть»; «Люди, чересчур отдавшиеся маленьким делам, становятся не способными совершать большие».

Об уважении и самоуважении: «Уважение современников лучше удивления потомков»; «От недостатка уважения к себе происходит столько же пороков, сколько и от излишнего к себе уважения».

О словах и молчании: «Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания».

О культуре: «Если поскрести нынешнюю культуру, то обнаружится варварство. Наша культура — тонкая кожа, лак сверху, а под ними — грубость суеверия, война всех против всех, война уничтожения, сильный, пожирающий слабого».

О воспитании: «Лучшее воспитание — то, которое научает человека самого себя воспитывать».

Женщины

Когда Киреев писал эти строки, ему, по нашим предположениям, было немногим больше 20. Неудивительно, что женщины и всё, что с ними связано, привлекали пристальное его внимание. Отношения между мужчиной и женщиной видятся ему гармоничными и равноправными, основанными прежде всего на искреннем и глубоком чувстве. «Женщина и солнце охотнее повинуются ласке, чем силе»; «Женщина — блюду для богов, если только дьявол не приправит его по-своему»; «В любви женщина доходит до безумия, мужчина — до глупости».

Как истинный христианин, наш герой придерживается весьма традиционного взгляда на семью и роль женщины в ней: «На что и клад, коли в семье лад»; «Что солнце, восходящее на высотах господних, то красота доброй жены в убранстве дома её». В то же время на страницах книги можно встретить и немало весьма кокетливых высказываний, вроде: «Женщины правы, говоря, что мужчины ужасны! Но пока нет ничего лучше, нужно довольствоваться ими»; «Губки для влюбленных то же, что огонь для мотылька».

Порой прозы оказывается недостаточно и, чтобы полнее выразить свои чувства, наш герой прибегает к стихам:

Дай взглянуть в твои очи,
родная!
Ты — как вечное солнце любви.
Светишь в сердце моем, озирая
Все дела и поступки мои.

Бывают минуты
безумных желаний,
Когда вдруг так хочется жить,
И жадно испил бы
всю чашу страданий,
Чтоб сердцем
мятежным любить!..
Ни годы, ни битвы
страстей не погасят,
В ком пылкое сердце горит...
Жизнь нашу одна ведь
любовь лишь и красит.
Умрем и любовь

Но мир нашего сельского интеллигента состоял не только из напряжённых размышлений и духовного поиска. В промежутках между раздумьями о смысле жизни и тщете всего сущего находилось место и юмору.

— Я поклялась, что буду любить мужа до гроба.

— Трудно ли это, если вашему мужу около семидесяти лет?

— Ветеринар! Ведь это вы, кажется, скотов лечите?

— Да, я, а что у вас болит?

— Если вы были бы богаты, я женился бы на вас.

— Если я была бы глупее, то, вероятно, и вышла бы за вас замуж.

— Вы говорите, что у вашего отца два имени в Саратовской губернии?

— Да, и еще одно в Пензенской...

— О, как вы очаровательны!

Киреев интересовался историей, на страницах книги мы встречаем имена целого ряда исторических деятелей: Константина Великого, Людовика XII, Филиппа Македонского, Александра II. Обычно они предстают перед нами в качестве героев исторических анекдотов — жанра, столь популярного в то время.

О Людовике XII: Людовик XII, когда был герцогом, терпел много неприятностей от любимцев короля. Когда же вступил на престол, то его любимец советовал отомстить тем, от которых были обиды. «Недостойно королю мстить за обиды, оказанные герцогу», — отвечал Людовик.

О Николае I: Государю Николаю Павловичу встретился пьяный драгун, ехавший на извозчике. «Что ты делаешь?» — сказал Государь строго. «Пьяного драгуна на гауптвахту везу, Ваше Императорское Величество!» — последовал бойкий ответ. Государь рассмеялся, и тем дело кончилось.

Об Александре II: У императора Александра II был пудель, который никогда не отставал от него. Раз государь вышел на крыльцо, чтобы сесть в коляску и уехать, но кучер не торопился занять свое место. Император спросил у кучера, отчего тот до сих пор не на козлах. Тот преспокойно указал на пуделя и сказал: «Никак нельзя, ваше превосходительство, там их благородие сидят!» Государь рассмеялся и сказал: «А ты их благородие кнутиком».

Однажды внимание сельского мыслителя привлекла знакомая фамилия, побудившая его сделать следующую выписку: «А.А. Киреев, известный писатель-славянофил и богослов, генерал от кавалерии, родился в Москве 26 октября 1833 года. Николай I, принимавший живое участие в семействе Киреевых, поместил в пажеский корпус будущего писателя. В 1855

Окрестности с. Заводо-Успенского. Начало XX в.

г. последний произведен из камер-пажей в корнеты лейб-гвардии Конного полка». Слово «известный» было подчёркнуто.

Наконец, не случайно мы называем нашего героя сельским интеллигентом. Волостной писарь Киреев жил в деревне, имел хозяйство, и потому практические вопросы также входят в круг его интересов. Приведём лишь некоторые из них:

«Против тараканов буру нагревают на сковородке до тех пор, пока она совершенно не разрыхлится, затем растирают в ступке в мельчайший порошок и просеивают сквозь частое сито. К такому порошку буры прибавляют равное количество хорошо высушенной и тоже просеянной гороховой муки и мелко истолченного, просеянного и высушенного сахара. Все это тщательным образом размешивается и превращается в однообразный порошок. Небольшое количество которого насыпают в продающиеся специальные пульверизаторы, из которых вдувают приготовленные веществ в щели с тараканами и кладут там, где больше всего появляются тараканы».

«Средство узнать, где копать колодец, чтобы наверня-

Окрестности с. Заводо-Успенского.
Начало XX в.

ка достать воду. Если в июне, июле и августе на пологих балках (ярах), когда всюду царит засуха, оказываются места, покрытые густой свежей травой, то это верный признак, что в таком месте на незначительной глубины есть подпочвенная вода».

«В Германии так хранят картофель: в помещении, где картофель не может замерзнуть, на пол насыпают негашеной извести, слой измельченной, затем кладут ряд картофеля и снова засыпают известью, опять картофель и т.д. При таком хранении картофель не прорастает и начавший уже портиться (перестает) выздоравливает. Таким способом можно всю зиму сохранить молодой картофель».

«Чтобы улучшить качество молока, надо задавать коровам от 1/3 до <...> ф. овса на голову в день».

Для волостного писаря актуален был и рецепт приготовления хороших чернил:

«Можно хорошие чернила готовить из сандала, для этого берут 3 золотника экстракта синего сандала, 1½ золотника квасцов, 3 золотника декстрина и 195 золотников воды. Экстракт сандала растворяют в ступе и к нему понемногу прибавляют воды до совершенного растворения экстракта. Декстрин растворяют в горячей воде. Ра-

створ квасцов готовится отдельно в холодной воде».

Таким мы увидели нашего героя — крестьянина села Больше-Кусерякского Кротовской волости Ишимского уезда Тобольской губернии писаря Червишевского волостного правления Ефима Яковлевича Киреева. Вернее, таким он предстал нам со страниц написанной им книги. Один из миллионов таких же «маленьких людей», песчинка на просторах истории...

Приложения

Мы предлагаем вниманию читателя несколько документов из «Книги...» — свидетелей описываемых нами событий. Все документы представляют собой копии, сделанные рукой Е.Я. Киреева. Документы публикуются полностью, без купюр. Орфография и пунктуация оригинала сохраняются.

№ 1

Письмо М.М. Созоновой своему мужу Е.Я. Кирееву
с. Заводоуспенское 24 августа 1915 г.

Здравствуй дорогой мой Емо. Я получила от тебя 120 рублей и получила посылку и получены документы. Сена у меня поставлено 45 копен. Пестрену еще не продала. Хотела я продавать ее, но старуха не дала мне продать. Хочет совсем отобрать. Но я все таки не даю ее взять совсем. Я ездила к Крестьянскому Начальнику. Крестьянский Начальник мне сказал, что она не имеет права отобрать и приказал что ты ее даже можешь не пускать к себе. А Степан Дымской свидетельствуют, что корова старухина и Овчеренушко. Но не знаю чья теперь возьмет. Но мне попуститься нельзя коровой. Ежели оне корову отберут то и дом тоже должны отобрать поэтому. Затем Ема ты напиши в Червишевскую волость письмо Павлу Ивановичу, чтобы он мог распорядиться. Емо я тебе пишу на каждое письмо ответ даю, но только

три письма пропустила ты сам не велел. Милый Ема жизнь моя не спокойная один только грех стоит у нас. От неприятности я болею и не могу ничего заработать все добиваются хотят в дом зайти. Которыя я деньги от тебя получила они в банке 100 руб., а 20 руб. себе взяла на расходы. Ема я тебе пишу, что мне остается 2 месяца ходить; затем еще Ема у нас хлеб из рубля не выходит. Хлеб у нас очень плохой изрос от дождя. Дешевле рубля наверно не будет. Ема ты все таки живешь Слава Богу ничего, а товарищи твои которые убиты, а которые ранены. Я Ема молюся каждый день чтобы ты был живой и вернулся ко мне на всегда и не редко подаю нищим милостинку по тебе что бы молилися Богу за тебя. Прощай дорогой мой муж Ема, целую тебя несколько раз.

Ема прощай желаю здоровья и скорого успеха в делах.

Твоя Мария С. Августа понедельник 24 числа.

Адрес на конверте написан той же рукой:

Успенская писчебумажная фабрика

Г. Гусятин

Ив. Ег. Ятес

с. Заводо-Успенское Тюменского уезда

Действующая армия, 132 Маршевый запасный батальон

в 3-ю роту Ефиму Яковлевичу Г-ну Кирееву

Приложена печать почтовой конторы «ст. Кармак Омской железной дороги 25-8-15 г.

С подлинным верно:

№ 2

Письмо М.М. Созоновой своему мужу Е.Я. Кирееву
с. Заводоуспенское 25 августа 1915 г.

Здравствуй дорогой Емо!

Давненько я не писала тебе, слава Богу теперь опять можно писать, а то иногда очень хочется поговорить с тобой, хотя письменно, но и этого некоторое время нельзя было. Вчера 24 Августа я отправила тебе письмо, написанное Кланей (повара дочерью) не знаю дойдет нет до тебя, т.к. пишет она не грамотно, а сегодня опять пишу, надеюсь что это письмо найдет тебя.

Ты спрашиваешь все о деньгах и посылке которые отослал мне, я несколько раз писала о получении их, т.е. всего, что послал. Деньги положила в банк, книжку взяла на свое имя банковую.

Сена поставила 45 копен, тоже писала об этом, не знаю дошли или нет те письма. Пеструю корову я продала Ив. Логину за

40 руб., дело только за тем, что ее угнать. Напишу еще то, что все лето я не чувствую себя здоровою и мало работала.

Тебе тяжело живется милый Емо, не думай мне тоже не сладко. Все неприятности, недоразумения это все и разстраивает и без того слабое здоровье. Теперь жаловаться не буду разстраивать тебя, а приедешь сам узнаешь в чем дело. Тебе писали обо мне всякую гадость, но ты не верь не то у меня на уме, не пиши им ругательных писем, а то с их стороны будет злоба, приедешь Бог даст увидишь и скажешь им сам. Зовут они меня скупой, но я ни одной копейки не истратила здра.

У меня в доме живут Трофим Мих. коморщик бывший из сборной, держу их бесплатно, для веселья все таки не одна.

Ходить мне еще $2\frac{1}{2}$ месяца, пишу чтобы ты знал об этом. Вчера Трофим сделал к вышке створку, чтобы снег не попадал. Пока писать нечего, желаю тебе быть здоровым и рано или поздно вернуться домой.

Остаюсь любящая тебя, твоя Маня.

Адрес: Действующая армия

132 Маршевый запасный батальон в 3-ю роту

Ефиму Яковлевичу Кирееву.

Приложены штампы почтовых контор

1) Ст. Кармак Омской жел. дор. 25-8-15 г.

2) Полев. Главн. почт. конт. Петроград

31-8-15 г.

С подлинным верно:

№ 3

Письмо М.М. Созоновой своему мужу Е.Я. Кирееву
с. Заводоуспенское 5 октября 1915 г.

Здравствуй Емо!

5 Октября получила твое письмо от 20-го Сентября.

Слава Богу, что ты жив и здоров, я только этого и желаю.

Вернешься заживем опять тихо мирно как жили до этой разлуки.

Бабушка подавала на меня в Суд из за коровы в воскресенье на той неделе меня призывали на Суд, но я не поехала, отписав, что я не имею возможности ехать благодаря своему положению беременной женщины.

Дрова я вывезла. Сено наняли возить бабу Улиту толстую из Скородума. Выпадет дорога будет возить она.

Дверь не отделяваю, замазала сама и только. Да и вздумать делать то не кого нанять и дорого. Лес который ты приготовил на двери не годится плохой.

Купила не давно соломы 3 воза по 1 рублю завоз с привозкой.

Солома хорошая. Мне интересно пишут нет тебе из дому — братья и бабушка. Я хочу тебя спросить можно нет сделать железную печку из того железа, которое есть у нас. Напиши мне об этом, а то зимой холодно будет с одной то печкой. Больше пока писать нечего.

Остаюсь любящая тебя твоя Мария С.

Адрес:

Действующая армия Юго Зап. фронта канцелярия 1022
вольнонаемного пароконного транспорта Ефиму Кирееву.

Приложены штемпеля почтовых контор

1) Ст. Кармак Омской жел. дор. 24-10-15 г.

2) Полевая Гл. почт. контора Петроград 29-10-15 г.

3) Кельменцы Бес. 4-11-15 г

С подлинным верно:

№ 4

Письмо Н.Я. Киреева брату Е.Я. Кирееву

с. Заводоуспенское

2 апреля 1916 г.

1916-го года 2 Апреля

Здравстуй Ефим Яковлев. Кланяемся Мы все вообще вам низкому поклону и желаем быть здоровым уведомляем вас отом что документ ваш Мы получили покторому вы говорите что можно будет выкупить из ЛАМбарда лопоть или одежду получили 1 Апреля но Мы сичас не знаем проданы нет в Амбарде лопоть после Пасхи поедем в Город и узнаем все если не Продана то выкупим постараемся это дело исполнить. А здесь что ваше находилось какие вещи все дочиста распродал Становой Пристав даже все ящики и что находилось в ящиках все до нитки продали и также скота всего вашего продали остался только один дом еще непродан нам охото дом отстоять чтобы нипродали до вас, я ваш брат Никита нидалвал сперва продавать ваши вещи но мне становой сказал что все потписано Марие Созоновой. Только одну Корову пестру Мать охлопотала еще при живности Марии и дней была копия с суда дак ее не продали отдали Маме

Остался у вас еще одни толко дом не продан дак нужно об нем хлопотать вам самим лутче потому что и эти вещи проданы не вправеле мы уже это дело поняли

Остаемся все живы и здоровы того вам желаем От Господа Бога добраго здоровья

Н. Киреев

Как издавалась книга о классической гитаре

Как известно, в дореволюционное время Тюмень была крупнейшим центром по изданию специальной литературы для классической семиструнной гитары. Усилиями одного только А.М. Афромеева (1868—1920) в свет вышло не менее 252 изданий (около 1000 произведений) для этого инструмента — четверть того, что вообще существует в мире по данному профилю. Несмотря на свою «ограниченную музыкальную грамотность» (выражение крупнейшего историка гитары Владимира Павловича Машкевича (1888—1971), кстати, знакомого с тюменским педагогом и издателем), Алексей Максимович настолько ярко проявил себя на педагогическом и издательском поприщах, что тот же Машкевич при всей сво-

ей нескрываемой антипатии к сибиряку был вынужден признать, что Афромеев сделал для гитары столько, сколько не сделал весь «Музгиз» за 50 лет своей работы — «Музгиз», во главе которого стояли люди с высшим музыкальным образованием (см.: Классическая гитара в России и СССР. Тюмень; Екатеринбург, 1992. С. 142—177).

Непостижимым, поистине мистическим образом издательский «зуд» охватил более чем через 70 лет нас, гитаристов-профессионалов Тюмени Михаила Ивановича Жлудова (род. в 1941 г.) и автора этих строк. О первом следует рассказать особо.

М.И. Жлудов самостоятельно освоил нотную грамоту, виртуозно играл на баяне, фортепиано, окончил четыре курса Тюменского музучилища по специальности «Теория музыки», но не стал сдавать «госы» по причине того, что потерял интерес к ряду предметов (практика, методика и т.п.), а те вопросы, которые он ставил для себя во время учебы, к четвертому курсу были успешно решены. С конца 1960-х годов до настоящего времени Михаил Иванович работает в ДК же-

Могила А.М. Афромеева в г. Томске

лезнодорожников преподавателем игры на гитаре. В 1969 г. он обучал теории музыки и игре на гитаре и автора этих строк. Помимо всего прочего, М.И. Жлудов — кандидат в мастера спорта по шашкам, «отъявленный» кроссвордист, гармошечник, энциклопедист и просто весьма интересный, самобытный и необыкновенно крепкий физически человек. (Его ближайшие предки происходят из старообрядцев). В конце 1980-х—начале 1990-х годов Михаил Иванович бескорыстно трудился над редактированием словаря «Классическая гитара в России и СССР», а до этого времени в домашних условиях выпустил невероятно большое количество аранжировок для гитары популярных мелодий для любительского и отчасти профессионального музицирования. В его «мастерской» увидели свет практически все современные «хиты» в удобном и простом переложении для гитары.

Мысль издать архив Владимира Павловича Машкевича,

содержащий уникальную, не имеющую аналогов в мировой практике информацию, «виталя в воздухе» несколько послевоенных десятилетий. Принимались бесчисленные решения гитарных «кружков» и секций Москвы о необходимости Министерству культуры издать архив во что бы то ни стало, ибо «дальше так жизнь просто нельзя!».

Естественно, архив не только не был издан, но и имя его автора почти нигде (кроме зарубежных изданий) не упоминалось. Скромный кандидат технических наук, гитарист-любитель, полиглот и энциклопедист трудился почти до самой смерти в Московском горном институте. Впоследствии его рукописи перешли в Музей музыкальной культуры им. Глинки в Москве, где их и разыскал автор этих строк в 1988—1990 годах, а затем для нужд общественного музея гитары при Тюменском училище искусств практически полностью (во всяком случае, по разделу «Россия») совместно с фотомастером В.И. Смердовым переснял на фотопленку, общее число которой не смогло уместиться в дорожный рюкзак.

Через некоторое время, удачно реализовав личную коллекцию почто-

Михаил Иванович Жлудов (род. 1941 г.)

вых марок, я на вырученные деньги разместил заказ по печати негативов на фотобумагу, после чего погрузил на «базарную» тележку пачки с увидевшим, наконец-то, свет гитарным архивом... Каждому творческому человеку будет понятна моя радость и радость моих коллег при знакомстве с ранее закрытыми материалами по предмету, который любишь больше всего на свете!

Предстояло подготовить копии рукописи в форме, удобной для печати. Для этой цели были мобилизованы машинистки, оплату труда которых принял на себя концерт «Гермес» (рук. В.И. Неверов). В дальнейшем это учреждение взяло на себя большую часть расходов по изданию.

На одном из последних в своей истории заседаний партактива Управления культуры г. Тюмени было решено (при активном содействии начальника отдела культуры А.А. Шишкина) выделить 50 тысяч рублей на издание указанного архива — в редакционной правке получившего наименование «Словарь классической гитары», — вмещающего, помимо прочего, информацию о современных гитаристах, полученную из разных регионов за последние пять лет. Однако 50 тысяч рублей, достаточные в момент их перечисления в типографию Гипротюменнефтегаза в начале издания, вскоре оказались обесцененными без соответствующих

оговорок в трудовом договоре, в результате чего вместо полного объема типографских работ в 2108 колонок плюс 1000 фото автору этих строк было «вручено» около 300

колонок набранного на фото пленке макета. По сей день в душе осталась сильнейшая обида, хотя спустя годы я не склонен никого обвинять, а, напротив, благодарен за горький урок.

При содействии лично знакомого мне Валерия Ивановича Неверова деньги на продолжение издания были получены, и группа работников НИ-ПИКБС чрезвычайно активно включилась в работу, в результате чего «искомые» 2108 колонок текста были получены, изучены, отредактированы (к работе подключилась филолог Т.Н. Симонова). Каково же было огорчение автора «проекта», когда издательство «Тюменская правда», на помощь которого он рассчитывал, поначалу просто отказалось принять в работу макет, ссылаясь на объективные технологические причины. Вот где понадобилась поистине молитвенная помощь!

Вместе с тем, начало работ тормозилось из-за нехватки уже 2 млн. рублей. В «Гермес» (Не-

В.И. Машкевич

веров уже жил в это время в Москве) обращаться было просто незачем. Выручила Т.М. Исламова, директор музея: она перевела в издательство около 1 млн. рублей, а в фонды музея перешел мой личный двухгрифный инструмент кленового дерева фирмы Sid (Австрия)*. Некогда эта гитара принадлежала самому А.М. Афромееву и составляла часть его личной коллекции из 200 гитар высочайшего класса. Параллельно с гитарой фонды облмузея пополнились настенными часами с красивым боем и др. «товаром». Настоящий «лимон» по личному ходатайству другого замечательного человека, Владимира Михайловича Волчека, перешел на счет типографии в обмен на передачу Музею изобразительных искусств старинного немецкого фортепиано, принадлежавшего ранее тюменскому музыкальному мастеру М.А. Ляхову.

Однако на этом «мытарства» не закончились. Из-за разгула инфляции дирекция издательства не решалась начинать работу (у составителей справочника не доставало средств — 2 млн. руб.). И тогда директор Тюменского училища искусств Евсей Натанович Шапиро направил в типографию письмо, которым гарантировалось возмещение любых убытков, свя-

занных с выходом в свет книги «Классическая гитара в России и СССР». Это был поистине героический поступок Е.Н. Шапиро.

Через несколько месяцев после выхода словаря-справочника тиражом около 3000 экземпляров (примерно 100 штук — в переплете, остальные — только с приклеенными форзацами) долг типографии в размере 2 млн. рублей был погашен за счет продажи книг гитаристам, предварительно пославшим заявки. Оставшаяся на сегодняшний день часть тиража (около 100 экз.) находится на моей квартире.

...Несмотря на низкое качество бумаги, ибо в тот период времени весь типографский концерн работал на газетной, серовато-желтоватой бумаге, на ухудшение зрения в результате длительных ночных корректорских работ, несмотря на то, что работа над диссертацией была на долгие годы запущена, я, как составитель фундаментального издания, чувствовал себя счастливым человеком! Со мной вместе радовались все гитаристы — профессионалы и любители России, посылая на мой адрес теплые письма. Все, кто ждал выхода в свет словаря, все, кто интересовался историей гитар в России.

* Гитара была куплена мной за 900 руб. в 1987 г. у Н.Н. Шаргиной в Тюмени. Оклад педагога составлял около 150 руб. Пришлось «пахать» все лето 1987 г.

Переводил ли Знаменский О. Финша и А. Брема?

Как мы уже писали, «Записки» М.С. Знаменского передал в Пушкинский Дом И.С. Абрамов (см.: Лукич. 2002. №2. С. 218). Там и была приобретена издателем ксерокопия рукописи. Работа над ее расшифровкой заняла у сотрудников издательства немало времени. В процессе этой работы возникла догадка: не являются ли страницы «Записок» переводом книги «Путешествие в Западную Сибирь» О. Финша и А. Брэма, изданной в Москве в 1882 г.? Сравнение текстов книги и рукописи породило новые вопросы. Не в переводе ли нашего земляка появилось вышеуказанное издание (М.С. Знаменский — переводчик?)? Можно ли верить в надписи, сделанные на рукописях, которые побывали в руках у И.С. Абрамова?

М.С. Знаменский (рукопись)

Березов по-остяцки Сумивач, по-самоедски Ису-шарк, находится под 60° с.ш., это единственный город на Оби севернее Самарова, и все управление округа простирается от Сургута до северной оконечности полуострова Ялмал более чем на 11° широты, но имеет на 10 квадратных верст не более 1 жителя. Город этот, основан в 1593 г. и имевший 100 лет тому назад более полутора (десятков?) домов, теперь имеет от 50 до 60 и насчитывает до 2000 жителей (по Швайнбах. 1659). Все они без исключения русские, большей частью потомки казаков, из которых здесь находится целая команда, но только некоторые, так как лошадей держат в ограниченном числе. Город стоит, как уже упомянуто, на левом высоком, из песка и глины состоящем берегу Сосвы (Горностаевая река от остяцкого

О. Финш и А. Брэм (издание 1882 г.)

Березов (по-остяцки Сумивач, по-самоедски Ху-Харн), находящийся под 64° сев. шир., — единственный город на Оби к северу от Самарова и место управления округом, простирающимся от Сургута до северной оконечности полуострова Ялмала, т.е. более чем на 11° широты; но на 10 квадратных верст приходится в нем не более одного жителя. Город, основанный в 1593 году, сто лет тому назад насчитывал до 150 домов; в настоящее время в нем прибавилось не более 50—60; жителей 2000 (1659 по Шванебаху). Большинство последних русские, потомки казаков, команда которых стоит здесь, но пеших, так как лошадей здесь очень мало. Город расположен, как уже упомянуто выше, на левом, высоком, песчаном и глинистом берегу Сосьвы (река горностаев; по-

<...> Сосв — «горностай»), устье которой находится около 27 верст ниже, при впадении Малой Оби, на высоте 88 ф. над уровнем моря (Гофман; 20 ф. граф. Вальдбург). Около версты ниже города Малая Вогулка вливается в Сосву. Один из ее рукавов, который протекает по болотистому углублению, покрытому в двух местах мостом, разделяет город на меньшую северную и на южную большую половины.

В первой, как раз на крутом берегу Сосвы и около красивого берегового леса, стоит церковь Богородицы, основателем которой, по рассказам народа, считается князь Ал-р Меншиков¹, который будто бы в свое время и насадил те красивые лиственницы и кедры, которые находятся по правую руку. Но могила этого знаменитого государственного человека и полководца находится не здесь, но около другой церкви — собора Владимирского, который представлен на моей 2-й картине налево. Она гораздо больше первой, также массивна, но имеет заброшенную и требующую поправки наружность. Между драгоценностями этой церкви около других ценных подарков этого князя золотой медальон с локоном волос, который он носил, как говорят, до самой кончины. Но мы не видели ни этой реликвии, ни могилы князя, равно как и его бывшего товарища Остермана, потому что не осталось более никаких следов (?) от

остаячки Сосс — горностай), которая на 27 верст ниже впадает в Малую Обь, на высоте только 88 футов над уровнем моря (Гофман, на 20 ф. по графу Вальдбургу). На одну версту ниже города впадает в Сосьву Малая Вогулка. Рукав последней, протекающий через болотистую котловину, через которую перекинута два моста, делит город на две части: северную — меньшую и южную — большую.

В первой, на самом краю крутого берега Сосьвы, подле прекрасного первобытного леса, возвышается церковь во имя Богородицы, основанная князем Александром Меншиковым², который, по всему вероятию, и посадил эти прекрасные лиственницы и пихты. Могила же этого знаменитого государственного мужа и полководца находится не здесь, но возле другой церкви, собора во имя Воскресения Христова. Она значительно больше первой, но, судя по внешнему виду, требует больших поправок. Между драгоценностями этой церкви, состоящими из приношений князя Меншикова, находится золотой медальон с локоном волос, который он до самой смерти носил на груди. Мы сами не видели ни этих реликвий, ни могилы князя и его товарища — графа Генриха Остермана, так как от них не осталось и следов. Но народ указывает место, где похоронен прах дочери Меншикова,

¹ Как живо, хотя и разукрашена разными вым<...> сохранялась память его еще 30 лет тому назад у жителей Березова, видно из рассказов казаков, о которых Гастрен передает.

² Как живо было еще между жителями Березова воспоминание о нем 30 лет тому назад и как оно было разукрашено — можно видеть из рассказов казаков, сообщаемых Кастреном.

них. Но народ указывает место, где лежит дочь Меншикова, некогда царская невеста. Смертные останки последнего министра попались Гофману³ нечаянно в 1848 г. Уральская экспедиция постаралась в то время сохранить благополучно эту могилу, равно как и могилу Меншикова, поставив им громадные кресты и сделав решетку. Теперь и эти последние видные знаки-памятники исчезли. О мужах, которые, быв однажды могущественны и сильны, умерли здесь в изгнании и которые принадлежали нам как соотечественники⁴. Для людей образованных насильственное пребывание в таком месте, как Березов, конечно, ужасно. Когда даже жалко воспитанный еврей Арон Аронович на мой вопрос, как они тут живут, отвечает: «Как мне жить? Я живу, ну как, как заживо погребенный».

Улицы широки и правильны, но частью проведены по болотистому грунту, а потому снабжены тротуарами из досок, чтобы сделать возможными переходы. По большей части старые, отчасти разва-

бывшей царской невесты. На смертные останки последнего министра нечаянно натолкнулся Гофман в 1848 году. «Уральская экспедиция» видела могилы Остермана и Меншикова, обозначенные громадными крестами и оградками. Теперь же эти последние видимые знаки, воздвигнутые памяти великих людей, когда-то ссыльных и могущественных и умерших здесь в изгнании, исчезли совершенно. Для людей образованных вынужденное пребывание в таком месте, как Березов, должно быть ужасно. Даже почти невежественный еврей Арон Аронович, когда я спросил его, как они тут живут, отвечал: «Как мы тут зивем? Как зивые погребены!».

Улицы широки и неправильны, и так как частью проложены на болотистой почве, то, чтобы дать возможность проходить пешеходам, по бокам их сделаны досчатые мостки.

³ Смотри его: Северный Урал и береговые горы. Поб. Петерб. Им.Ак. Н.1853 (ст.118)).

⁴ Остерман, как известно, <родился> в Бохуме в Вестфалии в 1686 г., был сын священника, сослан в 1741 г., умер в 1747 г. — Меншиков (род. 1642 г.) был по желанию Петра Великого возведен в 1706 г. госуд. <...> «Имперским князем», сослан 1727, умер 1729 г. — И величайший вр. вышеуп. кн. Долг. был сослан и похоронен в Березове. О жизни Меншикова в ссылке, его могиле, как говорят, как и о могиле его дочери, несколько передано фон Ланкенау в «...России» (т. II).

ливающиеся дома довольно разбросаны. Многие из них в настоящее время были пусты, ставни их заперты или заколочены, так как жители их находились на летней ловле рыбы. Она составляет часть заработка жителей, которые, ведя меновую торговлю с туземцами, продают как сушеную, так и мороженую рыбу в Тобольск. По словам исправника, ежегодно продается рыбы около 155,000 р. Маленький, окруженный даже стеклянными верандами, базар, как и многие другие лавки, вмещает в себя всевозможные произведения и продукты. Между прочим, я видел здесь косы со штемпелем привил. фабрики К.К. из Штеймарка! Торговля мехами составляет тоже небольшую роль, но, кажется, очень подвинулась назад. По крайней мере, я нашел не только малицы, гуси и др. местные шубы из оленьих шкур и др. меха несколько не дешевле. Требовали за пса 1 р. 20 к., обыкновенную лисицу дурной летней шкуры 2 р., а в зимней от 4 до 5 р., росомаха от 5 до 5¹/₂, дурной очень светлый соболь от 13 до 15 р. Олень 2 р. 50. Я сам видел шкуры только этих животных, потому что тогда время было неблагоприятно для торговли и мехов налицо было мало. Как я слышал от одного из главных скупщиков, потому что людей, которые бы исключительно занимались торговлей мехами, здесь нет, ежегодно продается около 200 соболей⁵ (очень плохих, светлых). Настоящих голубых лисиц не знали, но показали мне только так называемых крес-

Старые, частью полуразвалившиеся дома разбросаны далеко друг от друга. Многие были теперь необитаемы и окна их заперты или заколочены, так как обитатели этих домов находились на летнем рыбном промысле. Последний составляет часть заработка обывателей, так как они ведут меновую торговлю сушеной и мороженой рыбой до Тобольска, а также и с туземцами. По словам исправника, ежегодно продается рыбы на 155000 рублей. Небольшой, обнесенный стеклянной галереей, базар так же, как и другие лавки, вмещают в себе всевозможные продукты. Между прочими я видел здесь косы со штемпелем К.К., привилегированной фабрики в Штейермарке! Торговля мехами играет немаловажную роль, но, кажется, значительно упала. По крайней мере, я нашел цены на малицы и прочую местную одежду из оленьих шкур и вообще на меха далеко недешевыми. Так, за шкурку пса просили с меня 1 руб. 20 коп., за обыкновенную плохую летнюю шкурку лисицы — 2 руб., за зимнюю — 4—5 руб., за росомаху — 5—5¹/₂ руб., за плохого, очень светлого соболя — 13—15 руб., северного оленя — 2 руб. 50 коп. Я видел только шкуры этих животных, так как теперь сезон меховой торговли еще не наступил и в складах было очень мало запасов мягкой рухляди. От одного из главных скупщиков (так как людей, специально занимающихся меховой торговлей, здесь не имеется) я узнал, что ежегодно в Березове продается до 200 (очень светлых) соболей⁶. На-

⁵ Беляев нашел 1830 г. в Березове следующие меха: медведь 50, бобр 50,

⁶ В 1830 году Белявский нашел в Березове: медведей 50, горностаев 10000,

товатиков (песцов в летней шкурке), черные лисицы попадаются очень редко и стоят 150 р. и более, волков в продаже мало; лоссей и медведей почти вовсе нет. Зато зимой с Печоры тамошними приезжими с Новой Земли привозят белых медведей⁷. Они стоят, судя по величине и белизне, от 5 до 12 руб. Главным предмет торговли составляет все-таки серый мех, т.е. беличьи шкурки, но очень значительный предмет торговли — мука, которую и доныне возят, как и 300 лет назад, по очень знакомой дороге на Печору. Она ведет по Сосве и Сыгве (по-остяцки Сокия) к юртам Ляпинским, куда даже летом могут пробраться большие лодки, и где зыряне с Ижмы держат магазины, последние везут муку на Печору,⁸ которой можно достигнуть летом на маленьких лодках по Суккер-я и по Нак-соры-я, вливающихся в Щугор, при этом приходится только 40 в. проезжать по земле.

лисиц 500, соболь 800, волк 200, белка 100,000, заяц 500, горностаи 10,000, песец 15,000 (в числе их только 40 темных), росомаха 30, выдра 40, лося 300, оленей 10,000.

⁷ О появлении белых медведей зимой около пролива Вайгач и на берегах Карского моря смотри Гофман (с. 35), по замечанию которого б.м. проползет иногда до Усть-Зильмы, т.е. на несколько сот верст внутрь земли. — Зуев получил в 1771 г. молодого медведя в Обдорске и привез его Палласу живого в Красноярск.

⁸ Гастрен (т. I, с. 276) говорил о соединении каналом (конечно, очень важно) между Обью и Печорой посредством Ельца, побочной ре-

стоящего голубого песка здесь не знают, но мне показывали так называемого крестоватика (песца в летней шкурке) Черно-бурая лисица попадает очень редко и ценится до 150 руб. и более. Волчьих мехов очень мало в продаже, лосей и медведей совсем нет. Зимой же привозятся с Печоры через Новую Землю белые медведи⁹ и стоят, смотря по величине и белизне, 5—12 рублей. Главной статьей меховой торговли все-таки остается беличий мех. Наиболее значительной статьей торговли можно назвать муку, которая и поныне все тем же, более 300 лет известным путем отправляется на Печору. Путь этот идет через Сосьву и Сыгву (по-остяцки Сак-я) к юртам Лепина, куда летом приходят даже большие суда и где ижемские зыряне имеют хлебные магазины. Здесь хлеб лежит до зимы в магазинах и зимою отправляется на Печору, а летом на лодках сплавляют его по Сухер-я в Нак-Соры-я, впадающую в Щугор, откуда приходится делать сухим путем лишь 49 верст.

бобров 50, лисиц 500, соболей 800, волков 200, белок 100000, зайцев 500, песцов 15000 (между ними 40 темных), росомах 30, речной выдры 40, лосей 300, северных оленей 10000.

⁹ Зимой белые медведи от Вайгачского пролива и берегов Карского моря, по рассказам Гофмана, доходят иногда до Усть-Цильмы, следовательно, на 100 верст внутрь страны. Здесь в 1771 году получил медвежонка в Обдорске и привез его Палласу в Красноярск.

Земледелие в Березове невозможно, так как уже разведение картофеля, бобов, гороху и огурцов составляет много труда, но кое-где еще можно видеть георгины. Зато богатые луга Сосвы, которые затоплены, составляли почти необозримое море, доставляют богатую жатву сена, вследствие чего, кроме нескольких лошадей, держат в ограниченном числе рогатый скот¹⁰, баранов, коз и даже свиней. Но олени и собаки для жителей Березова составляют и стада, и рабочий скот. Олени стоят от 5 до 6 руб., хорошие вожак 10 руб. и более; собаки ездовые 2 р. за шт., оленье мясо, которое зимой увозится в замороженном виде к Печоре, составляет с рыбами и водян. птицами главную пищу жителей. Кур я здесь тоже видел, но голубей уже не было.

Орнитологически домашний воробей находит здесь свою самую северную границу для распространения, но он прилетный, равно как и его товарищ полевой, которые зимой исчезают. Так уверял доктор Крживицки, поляк, который живет здесь уже довольно долго в качестве окружного

кой Лузы и Зоба, которое в 1848 г. было изображено на плане, но не приведено в исполнение, равно как и канал Сидорова соединит обе реки посредством Войкара и Лемвы.

¹⁰ На карте 369 нар. мн. с...на 4 ... коровы предст. как тип здешней породы. Скота вообще здесь мало, но едва ли меньше и хуже, чем в Сибири, исключая богатых степных стран.

Земледелие в Березове уже невозможно, так как возделывание картофеля, бобов, гороха и огурцов стоит уже больших трудов, но иногда еще встречаются одинокие георгины. Напротив того, роскошные луга Сосвы, в настоящую минуту залитые водою и образовавшие необозримое море, доставляют громадное количество сена, вследствие чего здесь при небольшом числе лошадей держат значительное количество крупного рогатого скота, много овец, коз и даже свиней. Но самые важные домашние животные для березовцев — северные олени и собаки, служащие для езды и перевозки тяжестей. Олени стоят 5—6 руб., хорошие вожак — 10 руб. и более; езжалые собаки — 2 руб. за штуку. Оленье мясо на Печоре составляет, наряду с рыбой и водяной птицей, главную пищу большей части жителей; кур я там еще встречал, но голубей уже нет.

Что касается орнитологии, то здесь крайний северный предел распространения домашнего воробья, который, однако, здесь еще водится и, подобно полевому воробью, принадлежит к перелетным птицам, исчезающим на зиму. По крайней мере, так уверял нас доктор Крживицкий — поляк, уже много лет служащий здесь окружным врачом, единственным между Обдорском и Тобольском. По мнению этого последнего, здесь еще встречаются и кроты.

врача и единственный медик между Тобольском и Обдорском. По словам этого господина, здесь будто бы появляется и крот.

В сопровождении исправника мы ночевали и в некоторых остяцких зимовках, которые находились в конце города, и в настоящее время оставлены. Они, как показывает эта картинка, вовсе не так бедны, как бы это можно заключить по описанию (III, стр. 43) Палласа (Зуева). Они построены из бревен, но крыша их состояла очень сообразно с целью из дерну, сбоку было отверстие для окна, которое теперь было открыто, так как оконное стекло растаяло. Надо сказать, что для последнего большей частью берется кусок чистого льда, которого заставляют вмерзать и которое во время и без того уже темной зимы пропускает для этих людей достаточно света. Внутренность хижины состоит, прежде всего, из некоторого рода передней, из которой уже входишь в настоящее жилище, которое для большего тепла наполовину в земле. Около стен, немного возвышенно, приделаны доски, служащие кроватями, а посреди находится печь. Зимой при множестве жильцов, которые должны жить тут, пребывание в них не должно, конечно, быть удобно, но я знаю места в Германии, которые едва ли могут представить лучшие места, так, например, в болотистых дистриктах Северной Германии многие дома могут посоперничать с такой остяцкой хижинкой в отношении дыма, сажи и дурного воздуха, которые часто встречаются, как и здесь, без трубы.

В сопровождении исправника посетили мы несколько зимних остяцких юрт (по-остяцки тал-хот), расположенных в конце города и теперь покинутых. Они оказались вовсе не такими плохими, как их изображал Паллас в своем путешествии. Они сложены из бревен и весьма целесообразно покрыты дерном. Сбоку проделано окно, бывшее теперь открытым, так как «стекла» растаяли. Вместо стекол вставляется чистый кусок льда, который примораживается к раме и зимою дает достаточно света для этого люда. Внутри избушки находится сначала как бы прихожая, а затем настоящая жилая комната, которая, ради тепла, сделана половину в земле. Здесь вдоль стен прибиты лавки для спанья, а в середине расположен очаг. Зимой при большом числе обитателей пребывание тут не должно быть особенно приятно, но я знаю местности в Германии, где люди помещаются несколько не лучше. Так, в болотистых местностях северной Германии есть дома также без труб и в них столько же дыма, копоти и вони, как и в остяцких зимних юртах.

Эхо «Окрика...»*

В 2001–2002 гг. вышла в свет книга В.Е. Копылова «Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера)» в трех томах. Издание, содержащее много интересной информации и иллюстрированное большим количеством фотографий, безусловно, полезно и необходимо для изучения истории науки и техники в нашем регионе.

Вот только ошибки и неточности омрачают впечатление от этих книг, а неувязки и несогласованность в изложении некоторых фактов, несоответствие фотографий подписям под ними ставят под сомнение достоверность изложенного.

Очень скромное количество ссылок — 77 на 1271 страницу текста, учитывая множество фамилий, дат, цитат, — не создает впечатления серьезной работы, несмотря на большой объем охваченного материала.

Оставляя на совести автора сомнительные выводы, сделанные им на основе своих размышлений: о местонахождении могилы Стеллера, о так называемых «парадных воротах Тюмени», — вниманию читателей предлагаются лишь замеченные ошибки и несоответствия.

Том I.

С. 34. «Собирая материалы о замечательном сибирском ученом, лауреате премии Стокгольмской (Линнеевской) академии, члене Русского географического общества, археологических обществ Финляндии и Берлина, основателе Александровского реального училища *И.Я. Словцова...*».

Едва ли И.Я. Словцова можно назвать основателем Александровского реального училища. Впервые предложение открыть в Тюмени мужскую гимназию высказал генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Кознаков,

находясь в Тюмени в июне 1875 г. Решение ходатайствовать об открытии в Тюмени реального училища было принято Тюменской городской думой 27 октября 1877 г.

Городской голова П.И. Подаруев пообещал построить на свои средства здание для училища и начать строительство с апреля 1878 г. Здание реального училища было построено в 1880 г. Прокопием Ивановичем Подаруевым было затрачено на это около 200 тысяч рублей.

Иван Яковлевич Словцов к основанию училища не имел ни-

* *Копылов В.Е. Окрик памяти: История Тюменского края глазами инженера. Книга первая. Тюмень, 2001.*

какого отношения (ни выдвинутой идеей, ни средствами) и был только его первым директором, прибыв в Тюмень в начале августа 1879 г., фактически лишь к началу учебного года.

С. 38. «В Тюмень С.О. Макаров приехал на пароходе «Тобольск» 12 (24) сентября. На речной пристани его ждали высокопоставленные чиновники, купцы, местная знать, городской голова А.А. Мальцев, пароходовладельцы И.И. Игнатов и Э.Р. Вардроппер. Были приготовлены хлеб-соль. Роскошные кареты заполнили Пристанскую улицу. Пароход остановился у причала, бросили сходни, толпа двинулась навстречу адмиралу. Но Макаров, не обратив ни на кого внимания, сел в незаметную пролетку рядом с известным в Тюмени политическим ссыльным, журналистом Петром Александровичем Рогозинским. Пролетка тронулась и вскоре остановилась у дома Рогозинских. Макаров стал их гостем».

Во-первых, П.А. Рогозинский никогда не был политическим ссыльным. В Тюмень он был сослан в 1897 г. за уголовное преступление, квалифицируемое как хищение средств (свыше 300 рублей) из Кронштадтского судо-сберегательного товарищества. Подробнее об этом эпизоде из жизни Петра Александровича Рогозинского можно узнать из документальных материалов, опубликованных в журнале «Лукич» (2002. №4).

Во-вторых, вызывает недоумение такое описание поведения адмирала Макарова, документальных свидетельств которого, скорее

всего, нет. Во всяком случае, единственная тогда в Тюмени «Сибирская торговая газета» такой эпизод на пристани не заметила.

Мог ли Степан Осипович оказать такое неуважение встречавшим его незнакомым людям? Вряд ли так мог поступить человек, даже мало-мальски знакомый с элементарными правилами приличия. Легенда, рожденная в советское время, должна была, очевидно, показать антагонистическую ненависть прогрессивного адмирала ко всем без разбора купцам, чиновникам и др. эксплуататорам трудового народа.

Советские времена прошли, и автор оказывает памяти уважаемого адмирала медвежью услугу, показывая его невоспитанным человеком.

Но на стр. 40 читаем: «В Тюмени Макаров побывал на Жабынском судостроительном заводе И.И. Игнатова...». Интересно, с каким лицом посетил адмирал С.О. Макаров завод Игнатова, если накануне демонстративно (если верить В.Е. Копылову) прошел мимо встречавшего его на пристани уже немолодого Ивана Ивановича Игнатова?

На стр. 167 узнаем, что, оказывается, Э.Р. Вардроппер и С.О. Макаров были знакомы до злополучной встречи на пристани в Тюмени: «...В сентябре 1897 года Э.Р. Вардроппер сопровождал адмирала С.О. Макарова в плавании от берегов Норвегии к устью Енисея на пароходе «Иоанн Кронштадтский», принадлежавшем Сибирской золотокомпании. На корабле Вардроппер в течение

всего рейса создавал адмиралу необходимые условия и удобства для проведения гидрометрических исследований. Вместе с Макаровым они проследовали в Енисейск. Через несколько дней Э. Вардроппер встречал адмирала в Тюмени на пристани, где пришвартовался пароход «Тобольск».

После этого описания уважаемый адмирал Макаров показан уж совсем в неприглядном свете: после того, как Вардроппер «в течение всего рейса создавал адмиралу необходимые условия», адмирал отплатил ему совершенной неблагодарностью: «...не обратив ни на кого внимания, сел в незаметную пролетку рядом с известным в Тюмени политическим ссыльным, журналистом Петром Александровичем Рогозинским».

Так где же все-таки правда?

Возможны два варианта.

Первый. Описанная автором история на пристани соответствует действительности, но тогда уважаемый адмирал Макаров предстает не только невоспитанным, но и неблагодарным человеком, что как-то не очень сообразуется с уважением, которое испытывали к Степану Осиповичу все, кто его знал.

Второй. Описанная история на пристани — полная выдумка.

С. 42. «Там до недавнего времени размещался тюменский ОСВод, а в конце XIX века — коммерческое училище Колокольниковых. После упразднения училища дом был приобретен Вьюновой, и в нем она организовала гости-

ничные номера с сомнительной репутацией дома-ночлежки».

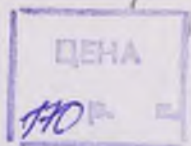
Коммерческое училище Колокольниковых не могло существовать в конце XIX века, оно было основано в 1910 г., в 1914 г. переехало в собственное здание и упразднено только с приходом Советской власти. Вряд ли Вьюнова в период всеобщей национализации недвижимости могла приобрести такое внушительное 2-этажное здание.

С. 51. «В летние каникулы студент Высоцкий непременно посещал Тюмень. *Сохранилась фотография Николая в форме студента-горняка* (илл. 24). Она была сделана в фотомастерской известного тюменского фотографа Т.К. Огигенина, выходца из уральского поселка Висим. Мог ли предполагать и мастер, и его клиент, что уже через несколько лет студент в красивой форме прославит свое имя изучением платиновых приисков именно Висимского района?».

На фотографии, приведенной на илл. 24, изображен не всемирно известный ученый Николай Высоцкий, а сын фотографа Т. К. Огигенина — Григорий Тарасович Огигенин. Григорий Тарасович поступил в Петербургский горный институт в 1915 г. Фотография сделана между 1915 и 1916 гг., а никак не в 1890 г., как указано под иллюстрацией.

Сын Григория Тарасовича — Владимир Григорьевич Огигенин был очень удивлен, увидев под фотографией своего отца совершенно другую фамилию.

1701

Когда Натали набирает рукопись, Пушкин всегда стоит у нее за спиной

Омельчук (в зевфире):
«Я — царь, я — раб,
я — червь, я — Бог!»

Сказки Жени
Панишева бабушке
Марии и не снились

Парашютист знает не только
откуда пришла Катя...

Хождение Персикеткина
«в народ» (сирова)

У Светы Рычковой всегда
две музы...

Если есть в этом мире
кто-то, кто знает, что
такое «культурология»,
так это «папа Вова»

В многослойном
Строгальшикове
обнаружился «Край»

Сам истинно проглаженный
(вспомни в лицо на фото)
Томилка удачно мимикрирует
под крикское

Туровским поводом
сознания до Давыдовым
далеко. Угнетает глаза —
у первого все еще
спереди

После ухода Акивады из семьи одиночество
Чушка теперь скрашивает Книся...

25 номеров
рука об руку